

Алексей
Моторов

Тот самый
Паровозов

CoRpus

18+

БЕСТСЕЛЛЕРЫ
"ЮНЫЕ ГОДЫ МЕДБРАТА ПАРОВОЗОВА"
И "ПРЕСТУПЛЕНИЕ ДОКТОРА ПАРОВОЗОВА"
В ОДНОЙ КНИГЕ

Русский Corpus

Алексей Моторов
Тот самый Паровозов

«Corpus (АСТ)»

2012, 2014

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

Моторов А. М.

Тот самый Паровозов / А. М. Моторов — «Corpus (АСТ)»,
2012,2014 — (Русский Corpus)

ISBN 978-5-17-134292-0

Алексей Моторов – автор блестящих воспоминаний. В этом томе собраны под одной обложкой две его знаменитые книги. Первая – «Юные годы медбрата Паровозова» – имела огромный читательский успех, стала «Книгой месяца» в магазине «Москва», вошла в лонг-лист премии «Большая книга» и получила Приз читательских симпатий литературной премии «НОС». Автор, врач по профессии, рассказывает здесь о своей юности, пришедшейся на восьмидесятые годы, и о работе медбратом в реанимации одной из московских больниц. Этот опыт оказался настолько ярким, что и воспоминания о нем воспринимаются как захватывающий роман. В «Преступлении доктора Паровозова» Моторов продолжает увлекательный и остроумный рассказ о своей жизни. Его студенческие годы пришлись на бурные и голодные девяностые. Кем он только не работал, учась в мединституте, прежде чем стать врачом в 1-й Градской! В своей неподражаемой манере он описывает безумные больничные будни, смешные и драматические случаи из своей практики, детство в советских пионерлагерях и октябрьский путч 1993 года, когда ему, врачу-урологу, пришлось оперировать необычных пациентов.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-134292-0

© Моторов А. М., 2012, 2014

© Corpus (ACT), 2012, 2014

Содержание

Юные годы медбрата Паровозова	7
Запасной выход	9
Кавказская пленница	15
История про Таню Богданкину, пельмени и архангельского мужика	25
Минотавр	30
Моя жизнь в кино, «еврейская рожа» и магия числа 7	38
Чернильный штамп	46
Лирическое отступление № 1	53
Первая халтура	62
Легенда Большой Пироговки	67
Уроки Абхазии	70
Осень	80
Подходящий срок	84
Лирическое отступление № 2	88
Визит	93
28 ноября 1986 года	95
Лучшее время	102
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Алексей Моторов

Тот самый Паровозов

Сборник

* * *

Охраняется законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

«Юные годы медбрата Паровозова» © А. Моторов, 2012

«Преступление доктора Паровозова» © А. Моторов, 2014

© А. Бондаренко, оформление, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021 Издательство CORPUS®

Юные годы медбрата Паровозова

Моей жене Лене

*Одаренный пламенной душой, Жюльен обладал еще изумительной
памятью, которая нередко бывает и у дураков.*

Стендаль. Красное и черное¹

Очень глубоко. Настолько, что сюда не проникают солнечные лучи. Надо мной километр вязкой, густой, черной воды. С такой глубины невозможно вынырнуть, и я даже не пытаюсь. Вокруг меня абсолютная, непроницаемая тишина. Так не бывает, ведь на любой глубине можно что-нибудь услышать. Просто кто-то невидимый выключил звук.

Я знаю, чтобы не спугнуть это черное безмолвие, нельзя даже думать. И сразу, словно в ответ, где-то там, высоко, светлеет. Мягким, бархатным прикосновением начинается мой подъем к далекому мерцающему своду.

Вода уже не черная, сейчас она как свинцовое грозное облако. Но и облако быстро меняется, покрывается сединой. И вот уже могучая сила выталкивает меня, с каждой секундой ускоряя движение в зеленеющей воде, стремительно приближая к чему-то невероятно яркому, ослепительно-белому, такому, что невозможно выдержать. А тишина еще со мной, хотя я уверен – ненадолго.

Сейчас больше всего мне хочется туда, навстречу свету, к первому резкому вздоху, к тому чувству высвобождения, которое почему-то давно знакомо.

За несколько мгновений до того, как я прорываюсь к слепящему солнцу, что-то заслоняет его. Передо мной возникает картинка. Даже не картинка, а фотография. Сначала маленькая. Но она быстро увеличивается. Вот уже совсем большая. Очень знакомая. Трое на фоне моря. Девушка, парень и ребенок. Кажется, я видел их когда-то, но теперь не узнаю. Еще немного – и я вспомню. Сейчас. Лица всё ближе. Свет вокруг меня медленно гаснет. Лишь фотография остается горящим экраном.

На снимке отчетливо проступают белые буквы, они выписаны очень причудливо. Разобрать трудно, но я уверен, что читал эту надпись раньше. «СУХУМИ-86». Она должна означать что-то важное для меня. Конечно, мне уже почти удалось узнать, это же...

И я вынырываю. Удивительно, тут нет криков чаек, шума волн, шелеста откатывающейся гальки, детского смеха.

Вместо этого какой-то огромный и спокойный голос произносит:

– КОТОРЫЙ ЧАС?

Невероятно трудно понять смысл сказанного, хотя, наверное, тут нет никакого смысла. И когда я уже схватил убегающее эхо, другой голос, тоже уверенный и сильный, мягко разжимает мою руку с обрывками слов:

– СЕМНАДЦАТЬ ПЯТНАДЦАТЬ!

Как же приятны, оказывается, могут быть голоса. Необязательно понимать, что они говорят, сам звук их прекрасен, он мягко качает, переполняя меня неизведанным раньше восторгом.

Такое хочется слушать и слушать, и, видимо, понимая это, первый голос снова приходит из своего ниоткуда:

– ПОРА ЗАКРУГЛЯТЬСЯ. ШЬЕМ!

¹ Перевод С. Боброва и М. Богословской.

Мне необходимо увидеть тех, кто говорит. Кто произносит эти удивительные и красивые слова.

И вдруг отчетливо понимаю, что мои глаза закрыты. Не просто закрыты – на них давит тяжелый груз. И кроме этих голосов, никто на свете не сможет сдвинуть его.

– Помогите открыть глаза! – прошу я, но получается только протяжный и громкий стон.

И тогда возникает третий голос, самый главный, заполняющий все вокруг, не оставляя ни сантиметра пустого пространства:

– ОН ПРОСЫПАЕТСЯ. ЕЩЕ ФЕНТАНИЛ!

Запасной выход

На столе надрывались оба телефона, городской и местный. Городской был красного цвета, местный – серого. Местный звонил в тональности ля, а городской – в ля-диез. Интересно, какой из них замолчит первый? Да наверняка местный. Первым заткнулся городской. Местный выдал еще две мажорные трели и тоже утомился.

Мы с Лидией Васильевной синхронно вздохнули.

Я работаю в отделении пятый год, а в кабинете у Суходольской всего второй раз. Визит в кабинет заведующей означает серьезный разговор. Первый такой случился года три назад. Тогда она снимала с меня и Вани Рюрикова стружку, причем с Вани заочно.

Абсолютно не по делу. Я сел с язвой на больничный, но жирная Танька Лаптинова, наша сестра-хозяйка, пустила слух, что мы с Ваней гуляли на чьей-то свадьбе. Ни много ни мало – неделю. За Суходольской водилось подобное – она иногда верила в самые немыслимые вещи. Когда долго работаешь в реанимации, поневоле становишься мистиком.

Не успел я выйти на работу, как был вызван на ковер для дачи показаний. Ивану повезло, он успел в отпуск свалить.

– Леша, есть сведения, что ты специально взял больничный, чтобы пойти на свадьбу с Рюриковым! – скрестив на столе руки и уставившись в бумаги перед собой, начала Лидия Васильевна. – Что скажешь?

– Что скажу? Скажу, что вы не первая, кто из самых лучших побуждений пытается связать нас брачными узами, но... – Я выдержал трагическую паузу и продолжил: – Но увы! Я несвободен, да и Ваня женат. Что же нам делать, Лидия Васильевна? Может быть, местком подключить?

– Моторов! – сделанным возмущением воскликнула Суходольская, хотя я видел, что она еле сдерживается, чтобы не расхохотаться. – Скажи, ты можешь быть хоть минуту серьезным?

– Могу! – поклялся я. – Могу, Лидия Васильевна, но только за большие деньги!

– Уйди, Лешка! – взмолилась Суходольская. – Уйди с глаз долой и только попробуй попадись с сигаретой, язвенник!

Но это было давно, а сегодня инициатива встречи принадлежала мне. Начальство всегда боится разговоров, которые происходят по просьбе подчиненных. От таких бесед ничего хорошего, только головная боль.

Обычно у Суходольской в кабинете обсуждались два вопроса, и оба малоприятные. Ей либо признавались в тайной беременности с целью поклянуть легкую работу и перевестись с суточного графика на дневной, либо сообщали об увольнении по собственному желанию.

– Не вздумай, Лешка, сказать, что уходишь! – нахмурившись, первая нарушила молчание начальница, одним махом вдвое сузив круг потенциальных проблем. – Сам видишь, какая у нас сейчас ситуация!

Ситуация у нас всегда была будь здоров, но мы оба понимали, что если я подам заявление, никто насильно меня не удержит.

– Лидия Васильевна, – горько вздохнув, приступил я. – Так уж сложились обстоятельства, что вынужден просить вас о переводе на дневной режим работы! – И, к своему большому удовольствию, видя, как вытягивается у нее лицо, успокоил: – Шучу!

Суходольская перевела дух. Она была классным врачом и неплохой теткой. Мне нравилось с ней дежурить, особенно поначалу. Хотя иной раз как отмочит что-нибудь, так хоть стой, хоть падай.

На прошлой неделе, например, прочитала судебный очерк в «Литературке» и головой покачала:

– Похоже, порядочные люди только в КГБ остались!

Неужто Юлиан Семенов своими опусами про чекистов умудрился хорошим людям так голову запудрить, что даже Лидия Васильевна про их порядочность заговорила? Ладно, блажен, кто верует. Не будем на мелочи отвлекаться.

Я устроился поудобнее на стуле, сделал серьезное лицо и спросил:

– Вы знаете, который раз я проваливаюсь в институт? – И, не дожидаясь ответа, с отчаянной гордостью мазохиста сообщил: – В этом году уже пятый! И нет гарантии, что поступлю на шестой! В последнее время сам чувствую, что отупел до невозможности! Да и вы наверняка это замечаете!

– Леша, когда я называла тебя тупым, я другое имела в виду! – виновато стала успокаивать меня Суходольская.

Как-то в прошлом году, под настроение, я сказал ей, что хочу немного передохнуть и хоть одно лето провести не за учебниками и конспектами, а на берегу речки с семьей.

Вот тогда Лидия Васильевна, видимо решив меня подстегнуть, возмутилась:

– Только попробуй расслабиться, Лешка, всем буду говорить, что ты тупой. И первым делом твоей жене расскажу!

И потом недели две, стоило нам столкнуться, подмигивала мне и заявляла что-то вроде:

– Да, Моторов, у тебя даже взгляд какой-то отупевший, куда тебе в институт, давай в парикмахеры!

Парикмахеры в представлении нашей заведующей были самым маргинальным элементом.

После традиционных утренних выволочек она всегда добавляла:

– Не нравится в больнице работать? Идите в парикмахеры!

Меня часто подмывало ей возразить, что парикмахеры – они хоть человеческой жизнью живут, ночами не работают, дома спят, да еще на чай получают. Но никогда этого не говорил, во-первых, по малодушию, а во-вторых – сознавая весь героизм нашей профессии.

А вот сегодняшний мой разговор – он такой немного дезертирский.

– Лидия Васильевна, вы же догадываетесь, что всю жизнь здесь работать я не смогу, а из медицины уходить пока не собираюсь! Вот на досуге подумал и решил себе запасной аэродром завести, – торжественно объявил я, но тут опять зазвонили телефоны, сначала местный, а через секунду городской.

Мы снова вздохнули и взяли паузу.

Я – медбрат. Ходячее недоразумение. Мне уже двадцать два. В этом возрасте все приличные люди институты заканчивают, планы на жизнь строят. А я прячусь от старых знакомых. Ведь разговор обязательно скатится – кем и где работаю. А так не хочется говорить, что в больничной иерархии я нахожусь на самой низкой ступени. Санитаркам и буфетчицам и то легче. Они могут прогуливать, воровать, в запой уходить. С ними заигрывают, на многое глаза закрывают. А медсестры и медбратья – самый бесправный класс. Пушечное мясо. Может быть, это такая расплата за тот мой пионерский инфантилизм?

Врачом я задумал стать давно, можно сказать, в детстве, а точнее – в пионерском лагере. Лагерь был от Первого медицинского института, назывался очень просто – «Дружба», и попал я туда абсолютно случайно, получив грандиозное предложение играть в лагерном ансамбле на гитаре. Вожатыми там были молодые ребята-студенты, которые своими ежедневными медицинскими байками добились того, что я сам не заметил, как растворился во всей этой атмосфере приукрашенной романтики и более ни о чем, кроме как о врачебном поприще, не помышлял. И с тех пор пошло-поехало.

Пролетев первый раз в институт и поддавшись на уговоры друзей-приятелей, я решил годик перекантоваться в медицинском училище. Чем зря тратить время на работу санитаром,

лучше пойду один курс поучусь, на гитарке в местном ансамбле побренчу, а там и поступлю. Но ни через год, ни через два никакого поступления не случилось.

И пришлось, согласно диплому, идти работать медбратом в реанимацию Седьмой городской. Причем попал я туда мало того что добровольно, а можно сказать, пролез всеми правдами и неправдами. Настолько сильное впечатление произвело на меня во время зимней практики это отделение и его заведующая Лидия Васильевна Суходольская.

И хотя реальность оказалась много суровее, работать там, особенно в первое время, очень нравилось. В конце концов это и сослужило мне недобрую службу. Я безропотно принимал все просьбы выйти сверхурочно, остаться после суток поработать в день или после суток выйти в ночь, а иногда отбарабанить два суточных дежурства подряд.

Постепенно выяснилось, что при таком графике ни о какой более-менее пристойной подготовке в институт и речи быть не может.

И в самом деле, какие репетиторы, какое корпение над книгами и конспектами, когда забежал домой, поел, поспал – и опять на суточное дежурство. А коррупция в медицинских институтах и тогда была неслабая, про существование списков знали все, и мои ежегодные попытки поступить с наскока смахивали на авантюру.

Тем не менее я каждый раз брал отпуск в июне-июле, месяц сидел над учебниками, судорожно пытаюсь реанимировать школьные знания. В финале получал двойку по физике, последнему институтскому экзамену, и с чистой совестью, хотя и не без затаенной ненависти ко всем этим Ньютонам и Гей-Люссакам, выходил на работу.

Вот так, вместо короткого и необременительного этапа, я получил тяжелую работу за гроши с отчетливой перспективой деградации. Ловушка захлопнулась. Но мне и правда очень нравилась медицина, я и думать не хотел не то что о смене профессии, но даже о том, чтобы поменять реанимацию на более спокойное место.

Работа в любом другом отделении давала возможность прекрасно спать по ночам, не быть по локоть в дерьме, не драить как проклятый полы и мебель, не ворочать и не перестилать больных. Но представить себя в роли постовой сестры, раздающей таблетки, я не мог, посему продолжал тянуть свою лямку и даже из-за нищенской зарплаты поначалу не дергался. Потому что очень быстро реанимация стала родным домом, да и кличка моя здешняя – Паровозов – мне почему-то нравилась.

Но мысли о дальнейшей судьбе, как ни гнал я их от себя, все более настойчиво сверлили слабый разум. Понятно: хочешь не хочешь, а что-то менять придется.

У меня была парочка закадычных друзей, тоже медбратьев, но которые и не думали впрягаться в сестринскую работу, а устроились по благу массажистами. Их рассказы о каторжном труде всегда вызывали умиление и звучали примерно так:

– Что за жизнь, второй год тачку поменять не могу, сплошные расходы. Ирке своей в прошлом месяце канадскую дубленку купил, а то ей зимой на улицу выйти не в чем, неделю назад достал с переплатой ковер на пол в детскую, чтобы ребята не простужались, а то бегают босиком по паркету, в августе в Гагры двинем всем семейством, забыли уже, как море выглядит. А тут еще только за последнее время троих постоянных клиентов потерял. Одного посадили, другой помер, а третий и вовсе в Израиль свалил. Теперь еле шесть сотен в месяц наскребаю. Нет, конечно, и в клинике перепадает кое-чего, но это так, по мелочи...

Подумал я, подумал и тоже решил в массажисты идти. А что, куплю Лене дубленку, сынку Роме ковер, и махнем мы тогда на радостях в Гагры. А тачку и брать не буду, чтобы потом не менять.

В то время в Москве только одно учебное заведение готовило массажистов и выдавало официальные дипломы. Находилось оно у черта на куличках, в Конькове, от метро «Беляево» несколько остановок пилить на троллейбусе. Но не в расстоянии дело, а в том, что попасть туда «с улицы» было невозможно. Студентами становились лишь те счастливики, которым при-

сылали путевки из Главного управления здравоохранения по запросу администрации с места работы. Путевок было мало, а желающих хватало.

Не все знают, но большинство сотрудников массажных кабинетов по факту являлись обычными медбратьями и медсестрами. Они, естественно, прилагали невероятные усилия, чтобы получить пожизненно высокий статус массажиста с дипломом.

Терять было нечего, и я решил рискнуть. Задача предстояла непростая, поэтому пришлось разбить ее на два этапа.

Этап первый проходил сейчас в кабинете Лидии Васильевны под неумолкаемый телефонный звон.

Из конъюнктурных соображений я подловил Суходольскую в минуты максимально хорошего настроения, оно у нее случалось, когда на больших консилиумах ей удавалось виртуозно показать, какие все вокруг дурни.

– Ладно, Лешка, делай как знаешь, ступай поговори с Коростелевой! – наконец произнесла заведующая. – Но учти! Если закончишь эти свои курсы, будешь всем нашим больным массаж делать!

И, уже стоя в дверях, я утвердительно кивнул:

– Массаж? Нашим больным? Непременно буду делать. Прямой и непрямой!

Главная сестра больницы Маргарита Николаевна Коростелева была женщиной душевной. И хотя она периодически забывала мое настоящее имя, упорно называя Сашей, я всегда легко откликался, тем более что Александр, пожалуй, звучит мужественнее, чем Алексей.

Вот и сейчас Маргарита приняла меня подчеркнуто приветливо. Правда, по мере того как я выкладывал свой план, на ее лицо набегала тень.

– Сашенька, ты пойми, нашей больнице третий год из ГУЗМА ни одной путевки на массаж не дают. А ведь у нас почти все массажисты не обучены. А ты к массажу никаким боком, Сашенька, при всем моем к тебе отношении! Да и зачем тебе это нужно, ты же профессионал, каких поискать!

Говоря о моем профессионализме, Маргарита конечно же мне польстила. Она имела в виду даже не мою работу в реанимации, а один конкретный случай. Муж ее подруги перед весьма важной заграничной поездкой, а тогда все заграничные поездки были важными, видимо вообразив себя этаким Винни-Пухом, наелся меда и получил сильнейшую аллергическую реакцию. Ни в поликлинику, ни в «скорую» он обращаться не стал, справедливо опасаясь, что его могут надолго заточить в больницу хотя бы из зависти.

Тогда меня и прислали к ним домой частным образом. Ситуация там была более чем серьезная, настоящая анафилаксия. Я сразу предложил госпитализацию самотеком, но получил хоть и слабый, но категорический отказ. Он готов был умереть, но увидеть свой Париж. Делать нечего, я вздохнул и принялся за работу. Через пару часов, когда стало ясно, что в домашних условиях удалось сделать почти невозможное, меня вернули в отделение. Супруга спасенного позвонила Маргарите и, заходясь от восторга, поведала о моем истовом служении Гиппократу.

А мне магнитофон у них в квартире запомнился. Такого я не то что у друзей-массажистов не видел, но даже у Кольки Рюрикова, служителя Московской патриархии.

– Хорошо, Сашенька, постараюсь тебе помочь, но ничего, сам понимаешь, обещать не могу! – произнесла Маргарита, и я понял: никакого рвения она проявлять не будет.

Эх, пролетел я, похоже!

Человек предполагает, а бог располагает. Несколько мощнейших взрывов в толще солнечной магмы изменили положение гигантских субгалактических электромагнитных полей.

Спутники Сатурна ускорили вращение по своим орбитам, на Венеру обрушился метеоритный дождь, а метаново-аммиачный океан на Уране разразился внеочередным штормом.

На планете Земля в то субботнее утро большая ржавая гайка, скрепляющая муфту водопроводной магистрали, проходящей по второму этажу Московской городской больницы номер семь, вдруг треснула и разломилась. Из разомкнувшихся частей огромной трубы забил фонтан. Спустя мгновение остальные гайки, не справившись с дополнительной нагрузкой, последовали заразителю примеру и коварно соскочили с болтов, с которыми многие годы состояли в интимных отношениях.

Из трубы диаметром тридцать сантиметров под могучим давлением вырвался столб холодной воды. Первое встреченное им препятствие – стулья в малом конференц-зале – этот поток разметал, как шарики для пинг-понга.

+ + +

Субботнее дежурство всегда самое спокойное. Начальства, как правило, нет, за исключением дежурных администраторов. Конференций и пятиминуток тоже нет, персонал, работающий всю неделю по дневному графику, по субботам также сидит дома. И главная прелесть этого дежурства заключается в том, что заканчивается оно утром в воскресенье.

Это значит, что или поспать можно подольше, или, наоборот, пораньше домой свинтить. Если обстоятельства позволят. По субботам всегда выходят заслуженные люди. У медсестер в такую категорию обычно попадают беременные девушки, матери-одиночки и фавориты руководства.

В тот раз, как и во многие другие субботы, я не просто стоял в графике, но вдобавок был элитой из элит, «шоковым» медбратом или, как еще называли, бригадиром. Причина такого необыкновенного карьерного роста заключалась в том, что больше чем за десять лет до описываемых событий одна африканская страна освободилась от оков колониального гнета.

Многokrатно воспетое в советское время движение за свободу и независимость до сих пор окружено романтическим ореолом. В реальности романтики там меньше, чем на живодерне, а вот крови и грязи на порядок больше. В любой бывшей колонии, особенно африканской, все события были до тошноты схожими. Сначала что-то случалось с метрополией, где менялась политическая ситуация в результате революций или выборов. Затем новое демократическое правительство предоставляло независимость своим колониям, которые в конце двадцатого века, чего уж греха таить, выглядели полным анахронизмом. И тут начиналось самое интересное. В получившем свободу и независимость молодом демократическом государстве разворачивалась борьба за власть. Обычно это выражалось в масштабной резне, приводившей к полному исчезновению одного из населяющих страну народов. Но часто это было лишь увертюрой.

Уцелевшие в сражении за трон царьки, прекрасно понимая, что в скором времени последуют за теми, кого сами они замучили, убили или даже съели, судорожно начинали искать возможности этой участи избежать. И помощь им приходила почти всегда одна и та же, эффективная и долговременная. В виде единственно всесильного и верного учения – марксизма.

Только марксизм надежно гарантировал пожизненное правление, отмену выборов, отсутствие какой бы то ни было критики, поправление всех законов, исчезновение оппозиции, а самому диктатору – своевременную техническую, экономическую, а главное – военную помощь. Заваленная старым советским оружием, полудикая, раздираемая гражданской войной страна бросалась с упоением воевать не только со своим народом, но и с ближайшими соседями, по большей части такими же новоявленными марксистами-ленинцами. И через несколько лет бывшая

процветающая колония начинала напоминать марсианский ландшафт, если, конечно, марсианский ландшафт похож на выжженную напалмом пустыню.

Наши престарелые вожди искренне любили своих младших черных братьев, осыпали их высшими государственными наградами, устраивали торжественные кремлевские приемы в их честь, называя их при этом партийным словом «товарищ». Одного такого президента, Бокасу, известного садиста-каннибала, даже пригласили в детский лагерь «Артек», где на торжественной линейке его немедленно зачислили в почетные пионеры. Говорят, товарищ Бокасса был растроган и выразил бурное восхищение упитанностью советских детей.

Страна Ангола, освободившаяся от португальских колонизаторов, оригинальностью не отличалась. Все по полной программе. Сначала марксистская группировка захватила крупнейшие города и посадила президентом своего вожака, потом, стремясь убрать возможных конкурентов, новая народная власть начала этнические и прочие чистки, залив страну кровью по колено.

В ответ с севера и юга в Анголу вторглись коварные интервенты, наймиты мирового империализма. Почти сразу же начался голод, к границам потянулись потоки беженцев, вспыхнули эпидемии. А после того как для защиты завоеваний социализма в Анголу стали прибывать советские и кубинские войска под видом военных советников и переводчиков, пошла настоящая карусель. Оружия за короткий период противоборствующим сторонам было поставлено столько, что можно было воевать аж до второго пришествия.

Десять лет подобной благодати превратили красивую и богатую ресурсами страну в дикое поле. А в такой ситуации самые востребованные гражданские специалисты – это врачи и медсестры.

Наша старшая сестра Надька завербовалась в один из военных госпиталей Луанды. Пару месяцев она ходила на курсы португальского, хотя я ей настоятельно советовал параллельно освоить испанский, справедливо предполагая, что многочисленные кубинцы будут интересовать Надежду Сергеевну куда больше, чем местное население.

В начале 1985 года мы проводили нашу, уже бывшую, старшую в путь-дорогу. В ординаторской накрыли стол, сказали много всяких хороших слов. Когда пришла пора прощаться, у себя в кабинете Надька по очереди расцеловала меня и Ваню и даже всплакнула. При всех ее особенностях она не была подлой и злой. Я растрогался и, погладив Надьку по спине, проникновенно зачитал ей на ушко стихи Корнея Чуковского:

Маленькие дети!
Ни за что на свете
Не ходите в Африку,
В Африку гулять!

Начались судорожные попытки среди остатков старой гвардии найти достойного кандидата на пост старшей сестры. Почти сразу выяснилось, что быть хорошим исполнителем – это одно, а стать эффективным управленцем – совсем другое.

И вот после череды проб и ошибок на эту должность была предложена самая яркая и оригинальная медсестра отделения Тамара Царькова.

Кавказская пленница

Тамара была родом из абхазского городка Гудаута, находящегося на морском побережье севернее Сухуми. Та часть Тамариной жизни, которая пришлась на Абхазию, была окутана тайной, но, по отрывочным сведениям, ее русская мама работала официанткой в ресторане на озере Рица, а мингрел папа носил фамилию Гватуа.

Когда Тамаре исполнилось семнадцать, ее, студентку медицинского училища, с соблюдением всех горских обычаев похитил местный абхаз, спустившийся для этой цели с заснеженной вершины. Но тоскливая жизнь в маленьком горном селе, разумеется, не могла устроить такую незаурядную личность – Тамару всегда манил большой город. Через пару месяцев, в одну из безлунных ночей сбежав от знойного супруга-похитителя, она убедила маму не мешкая ехать с ней в Москву, что они и сделали. В том же семьдесят четвертом году она быстро вышла замуж за Петьку Царькова, сына священника, у которого в ту пору был самый большой дом в селе Коломенском, на месте которого сейчас стоит кинотеатр «Орбита».

Столичная жизнь и вправду оказалась яркой и динамичной, что полностью соответствовало ожиданиям темпераментной южной красавицы. Все отлично устроилось, да и мама получила хлебное место буфетчицы в кинотеатре «Ашхабад». Спустя год у Томи Царьковой родился мальчик Денис.

Она попала в Семерку в семьдесят восьмом, как сама многократно всем рассказывала, договорившись там сделать аборт по благу. Нарядная и современная больница пришлась ей по душе, да и медицинское образование требовало реализации. Через неделю Тамара вышла на работу в реанимационное отделение.

С первых же дней стало видно, насколько новая медсестра Царькова отличается от остальных. Она была веселая, стремительная, схватывающая все на лету и острая на язык.

– Привет, лимита! – так обычно с порога здоровалась Тамара. – Какие дела у нас, какие сплетни?

Сестры из числа деревенских дергались, подобное обращение их обижало, а главное, они знали о немосковском происхождении новенькой. Но назвать лимитой саму Тамару ни у кого не поворачивался язык. Во-первых, все уже поняли, что она отбреет так, что будешь месяц заикаться, а во-вторых, Царькова, особенно на их фоне, выглядела просто королевой. Тамара ходила в дубленке, носила серьги с бирюзой, а на работу, когда было настроение, приезжала на новеньких маминых «жигулях». А ее недавно приобретенный трехкомнатный кооператив в Чертанове – это было совсем за гранью понимания который год живущих в общаге лимитчиц.

Пару раз пробовали жаловаться начальству. Но, как я подозреваю, само начальство тоже немного побаивалось Тамару, что, в принципе, было разумно. Поэтому та никогда не тушевалась, а вела себя раскованно и непринужденно.

– Ну что, колхоз, все женихов ждем? – с нескрываемой насмешкой произносила она, когда, по своему обыкновению, девушки из общежитий заводили свою бесконечную тоску о том, кто женился, кто развелся, кого поматросили и бросили, кто и на такой вариант согласен, а кто и всякую надежду потерял.

С этим у Тамары всегда был полный порядок. Вот уж кто не страдал от недостатка мужского внимания! Не успела она развестись с сыном коломенского попа Петькой, как тут же на пашлыках в одной развеселой компании познакомилась с красавцем ювелиром и закрутила с ним умопомрачительный роман, закончившийся скорой свадьбой. Молодая жена называла ювелира Анатолий Дмитриевич, а ювелир мало того что обожал Тамару, взяв ее с ребенком, так еще осыпал с головы до ног собственноручно изготовленными драгоценностями и каждую ночь клал к изголовью полные нежности записки. Дело в том, что она просыпалась в четыре утра, а в шестом уже была на работе.

Записки эти Тамара зачитывала вслух при всех, а незамужние ее коллеги с помертвевшими лицами внимали чужой любви. Страстные ночные депеши ювелира начинались примерно так: «Доброе утро, моя сладкая дынечка...»

А вдобавок в Москву прибыл тот самый абхаз, который в свое время умыкнул Тамару и которого она столь коварно бросила ради большой и красивой Москвы.

К слову сказать, меня всегда поражала ее способность легко и быстро расставаться с людьми, особенно с мужиками.

Так вот, видимо, этому абхазу настолько запала в душу юная и строптивая лань, что, измучившись от одиночества на своей поросшей кизилом скале, он собрался и поехал за ветреной Бэлой в Москву – в тайной надежде повторить подвиг многолетней давности. Но, прибыв в столицу, незадачливый абрек устроил грандиозную драку с какими-то мужиками, косо на него посмотревшими, после чего отправился на несколько лет валить лес.

Впоследствии, пройдя такие испытания, как страсть, похищение, коварное бегство, одиночество, следствие, суд и лагерь, бедняга стал истинным христианином, окончил семинарию и теперь – известный в своих краях праведник-священник с большим приходом.

Притихшие девицы обреченно слушали рассказы Тамары, понимая, что ничего подобного, даже сотой доли такого великолепия, в их жизни не будет.

Работала она всегда здорово – быстро и легко. Когда случалось что-нибудь экстренное, Тома превращалась в настоящий вихрь. Недаром из всех сестер отделения только ее и Ленку Щеглову сделали операционными сестрами, послав на специальные курсы. Во время Олимпиады было решено развернуть операционную прямо в нашем отделении, напротив противошокового зала.

К тому моменту, когда я стал работать в реанимации, Тamarкиному Денису исполнилось семь лет и он пошел в школу. Царькова тотчас объявила, что она мать-одиночка и теперь имеет право работать на полставки. В нашем отделении, где все пахали как проклятые, ей поставили только четыре субботы. Из начальства никто не пикнул.

Из этих четырех суточных дежурств два она продавала, причем за большие деньги, на одно брала больничный и только раз в месяц выходила сама. По собственному же признанию – чтобы быть в курсе всех сплетен и новостей. Зарплата ее интересовала мало. Больница превратилась для Тома Царьков ой в место, где лежала трудовая книжка, капал стаж. А что? Очень удобно. И для будущей пенсии хорошо, и за тунеядство не привлекут.

Работал я с Тамарой редко, зато дежурства у нее покупал часто. Отказать ей было невозможно. Она умела убедить любого, и происходило это по стандартной схеме.

Царькова являлась на работу ни свет ни заря, чуть раньше шести. Мощным пинком распахивала дверь в комнатку, где спала отдыхающая смена, и радостно заявляла:

– Ага, спите, бляди! Кто мои сутки купит? Леха Моторов, купи ты! Один хрен, ничего не делаешь! И хватит дрыхнуть, наглая рожа, пошли покурим!

Это при том, что в лучшем случае я засыпал в половине пятого.

Если мое следующее по графику дежурство наступало уже завтра, Царькова благородно переключалась на новую жертву.

– Так, девочка, тебя как зовут? – спрашивала она, к примеру, Олю Караеву, маленькую, невзрачную девушку, которая к тому моменту работала в отделении больше года.

– Оля... – отвечала та слабым голосом, опустив глаза в пол, понимая, что ничего хорошего такой вопрос не сулит.

Народ сразу же вставал в кружок, чтобы насладиться предстоящим зрелищем.

– Слушай, Оля, купи у меня сутки! – без разведки начинала Тамара.

– Но, Тamar, я сама вот только сутки отработала, – шепотом произносила Караева.

– Ой, поглядите на нее, сутки она отработала! Ну и что ты сейчас собираешься делать? – с усмешкой приступала Царькова. – Домой пойдешь?

– Да... – еле слышно соглашалась Оля.

– Поспишь? – И, заметив утвердительный Олин кивок, с удовлетворением продолжала: – Встанешь, пожрешь?

Оля опять кивала, не поднимая глаз.

– А потом... потом ты наверняка телевизор усядешься смотреть! С папой, с мамой! – Тамара брала паузу, чтобы увидеть очередной кивок, подтверждающий ее слова.

И, не скрывая торжества, зная, что сейчас на нее смотрит куча сотрудников, заканчивала:

– А родители твои будут сидеть и думать: что же за дочь такая у нас, только спит, жрет да телевизор с нами смотрит! И никого-то у нее нет! Ни жениха, ни ебара, ни мужичонки какого разового! А я тебе, между прочим, за свое дежурство двадцать пять рублей дам!

Не дожидаясь согласия, она вынимала всегда набитый деньгами кошелек и, достав четвертак, засовывала в карман пунцовой, едва не плачущей Оле.

– Так! Кто со мной? Пошли быстро покурим, а то мне домой нужно бежать! – закончив трудовую вахту, ставила точку Тамара.

До сих пор не знаю, почему такая, как она, моментально выделила меня из всей толпы пришедших в том году новеньких. Может, из-за первого совместного дежурства?

Мы познакомились в октябре восемьдесят второго. Я к тому времени два месяца как пришел в отделение, но Тамару видел лишь мельком, при ее графике это было неудивительно. Тем более что Царькова работала только по субботам, а меня по субботам почти не ставили.

Заступив на сутки, как положено, в начале девятого, я, к своему удивлению, выяснил, что Тамара находится на работе уже больше двух часов. И как только я появился в блоке, она скептически посмотрела в мою сторону, усмехнулась и, обратившись к дежурному врачу, произнесла:

– Виолетта Алексеевна! Мы пойдем с новым мальчиком покурим, вы пока все равно в блоке сидите, а нам всего десять минут нужно!

Мы пришли в гараж, Тамара села напротив, закурила и принялась с большим интересом меня разглядывать. По завершении осмотра она глубоко затянулась, выпустила дым и полюбопытствовала:

– Так, мальчик, как тебя зовут?

Я представился. Тамара прищурилась и задала еще вопрос:

– А ты, Леша, в Москве живешь?

Узнав, что я живу в Москве с рождения, тяжело вздохнула и осведомилась:

– Вот что, Леша, скажи честно, ты дебил или наркоман?

Я как-то сразу растерялся, но Тома охотно пояснила:

– Если ты москвич и прописка тебе не нужна, значит, ты полный придурок, раз добровольно пошел сюда работать, горшки выносить. Тут же все по уши в дерьме, ни пожрать, ни поспать, да и платят копейки! А может, ты наркотики собираешься тырить? Мне ведь с тобой сутки работать, нужно же знать, чего от тебя ожидать!

Я стал сбивчиво объяснять про желание поступить в институт, про то, как мне здесь понравилось во время практики, про то, чему я собираюсь здесь научиться.

Тамара, не дослушав, перебила, облегченно переведя дух:

– Понятно, значит, все-таки дебил! – и, потушив сигарету, стремительно встала. – Ладно, Леша, пошли работать, но смотри у меня!

Уже в блоке Царькова заявила, что пришла сюда в шесть утра и все давно без меня сделала, повесила капельницы, измерила всем давление, пульс, температуру, осталось только сделать кое-какие назначения, и она меня отпускает ДО ОБЕДА.

Я ушам своим не поверил, надо было знать наше отделение – здесь перекурить бывает невозможно отпроситься, позвонить отойти, а тут отпускают, причем не просто, а до обеда!

– Но учти, Леша, когда я тебе скажу, ты меня тоже отпустишь. Все, иди гуляй, время пошло!

Гулять надоело через двадцать минут. Спать, как назло, не хотелось, курить тоже, я слонялся взад и вперед по коридору. Пытался сунуться в блок, но Тамара меня прогнала. Пошел в лабораторию – там все занимались делом. Заглянул в первый блок, где сказали, чтобы я их не отвлекал. Четыре часа показались мне бесконечными.

Наконец время мучений закончилось, и Тамара разрешила вернуться на рабочее место. Мы по очереди отбежали пообедать, потом сделали назначения, потом перекурили, потом перестелили, потом опять назначения.

После ужина Царькова закурила и объявила:

– Все, Лешечка, теперь моя очередь! Я тебя отпустила, правильно? Вот и ты меня отпускаешь на то же время. Я обычно с двенадцати до четырех сплю. Плюс сегодня четыре часа дополнительных. Сейчас без десяти восемь, как раз успею зубы почистить и спать пойду. С восьми до четырех!

Так и сделала. Постелила себе в сестринской на софе и спать легла.

А на прощание добавила:

– Попробуй только хоть на шаг из блока выйти, попробуй икебану не навести и только попробуй хоть на секунду меня раньше разбудить, аферист!

Даже в свое единственное дежурство в месяц Тамара Царькова умудрялась спать полноценных восемь часов.

Вот такую Тамару сделали старшей сестрой отделения. Прошла неделя, и всем уже казалось, что она с рождения только и делала, что работала начальником. У нее это, похоже, было в крови. На какой-то момент ей даже удалось затмить нашу Суходольскую. А в моей жизни перемены начались практически сразу.

Первым делом Царькова вызвала меня в кабинет и сказала строго:

– Моторов, аферист, вот ты здесь уже три года, а мыть полы по-человечески так и не научился! Развезешь грязь, вечно перемывай за тобой, наглая рожа! С этого месяца будешь работать только по «шоку»!

Надо понимать, что это означало.

Пациенты в реанимацию попадали двумя путями. С улицы, по «скорой», или из других отделений и операционных самой больницы. Те, которые поступали с улицы, находились в критическом состоянии, нередко в атональном. И дабы не тратить драгоценное время, «скорая» въезжала по специальной эстакаде на второй этаж прямо в гараж нашего отделения. Принять такого больного называлось у нас «принять эстакаду».

Из гаража больной попадал в противошоковый зал, или сокращенно «шок». И хотя работа по «шоку» была, безусловно, ответственная и невероятно напряженная, требующая высокой квалификации, быстроты реакции и особого склада характера, именно она считалась самой бластной синекурой в нашем отделении. Потому что тут после выброса адреналина можно было передохнуть до следующего поступления. А ночью – и это самое главное – спать, пока не привезут очередного больного. Настоящая лотерея. Иногда не везли всю ночь, а иногда в течение часа приезжали по четыре «скорых». И тогда хоть вешайся.

На «шок» всегда ставили стареньких, очень редко новеньких и почти никогда – медбратьев. Только в неполных бригадах.

Новации Царьковой сразу вызвали протест в сестринской среде. Тут Тамара показала, что значит административный ресурс в ее исполнении.

– Так, Сорокина, ты сколько тут работаешь? Девять лет? Сколько ты за девять лет заинтубировала? В сердце уколола? Не знаешь? А я тебе скажу. Ни разу! А Моторов каждый день по сто раз это делает! Боровкова, пока ты одну капельницу заряжаешь, пять раз кончить можно. А посмотри, когда остановка, как Лешка работает, даже я сейчас хрена с два за ним угонюсь! А ты, Мартынова, когда вызов в роддом будет, со своей толстой жопой за сколько туда добежишь? Часа за два? А он знаешь как носится? Все, не отвлекайте меня больше, мне аптеку выписать нужно, и хватит тут в моем кабинете торчать, марш работать!

А еще через неделю состоялось собрание, на котором обсуждался вопрос увеличения оплаты санитарской работы. Раньше всем сестрам доплачивали двадцать процентов от санитарской ставки, что было чистым издевательством. Распределение этих двадцати процентов было абсолютно несправедливым, их давали и тем, кто работал на полставки, и тем, кто пахал как вол. Санитарок в нашем отделении отродясь не держали, и все, что было связано с уходом за беспомощными больными и надраиванием помещений, приходилось на сестер. Это была львиная доля их труда, причем за сущие копейки.

Но тут на реанимационное отделение дали дополнительные санитарские ставки, которые было решено распределить по-новому. Собрание я прогулял, мне потом рассказали во всех подробностях, что там происходило.

Всех сестер разбили на три категории. Первую составили редкие полставочники, в основном студенты. Им постановили платить двадцать процентов. Во вторую попали почти все остальные сестры, которым решили дать тридцать процентов.

А третья, самая немногочисленная, группа должна была получать сорок процентов от санитарской ставки. Неслыханное богатство, между прочим! Двадцать восемь рублей. За двадцать пять рублей, к примеру, можно было купить флакон французских духов. Если, конечно, найдешь.

В число таких счастливиц, естественно, вошла сама Царькова, Оля Николашина как мать-одиночка, и Люся Сорокина как самая заслуженная сестра, работающая с момента открытия больницы и хоть и не одиночка, но мать двоих детей. Никто не возражал.

Тут Царькова посмотрела на всех внимательно и сказала с нажимом:

– И еще Леша Моторов!

Народ сразу загудел. Я, честно говоря, не очень уж надраивал стены и тумбочки, у многих махать тряпкой получалось куда лучше.

Тамара еще раз обвела всех взглядом и спросила, кто конкретно против. Поднялись две-три руки.

– Вот что, с Лешкой работать легко и просто! За это и приплатить можно, а вы... – Царькова посмотрела на тех, кто продолжал тянуть руки, – вы можете хоть завтра сваливать в другое отделение, без вас обойдемся! Я здесь начальник, и как решила, так и будет. А теперь марш отсюда и окна откройте, а то надышали!

С этого времени я стал ощущать себя человеком, состоящим при серьезном и важном деле, а не мальчиком-поломойкой с медицинским уклоном. Я принимал пациентов, которых привозили по «скорой», – от жертв авиакатастроф до бедолаг, перебравших тормозной жидкости.

Чего я только не насмотрелся и в чем только не поучаствовал.

Кроме того, наши врачи, начиная буквально с первого моего дежурства, ежедневно и бескорыстно делились со мной секретами мастерства. И очень скоро незаметно для себя я насобачился производить кучу разнообразных специфических манипуляций, о которых далеко не каждый доктор слышал. В результате эти навыки у меня быстро вытеснили сестринские, и, например, пунктировать перикард у меня получалось много лучше, чем подкладывать грелку.

К тому же я бегал с врачами на вызовы по всем этажам и корпусам больницы. Там тоже было весело. То кровотечение, то эпилептический припадок, то кома. А однажды меня и дежурного доктора Андрюшу Орликова на директорской черной «Волге» с красными бархатными сиденьями отвезли на сверхсекретный нагатинский ракетный завод. Рабочий, шлифуя какую-то деталь, необходимую для функционирования оружия массового уничтожения, выдал остановку сердца прямо у токарного станка.

Я получал неимоверное удовольствие ото всей этой сумасшедшей свистопляски, после которой работа в реанимационной палате, которая у нас называлась блоком, представлялась вытягивающей жилы тягомотиной.

Это заметили многие, но первой высказалась конечно же наша Суходольская.

Как-то раз мы с ней возвращались после удачной реанимации в терапии, куда нас вызвали на остановку сердца. Домчались на шестой этаж пулей и увидели традиционную картину. Врачи и сестры отделения, вместо того чтобы хоть сделать вид, будто отчаянно борются за жизнь пациента, в полном составе с укоризненными и скорбными лицами поджидают нас даже не в палате, а в коридоре. Как будто они не реанимационную бригаду вызвали, а попа для отпевания. Мы, разумеется, наорали на них, параллельно вкололи мужику адреналин и атропин в сердце, заинтубировали и начали качать.

Уже в лифте, затолкав туда каталку с пациентом, которому все-таки удалось запустить сердце, Суходольская, наблюдая, как я между шестым и вторым этажом ухитрился вставить подключичный катетер, признала:

– Да, Лешка, конечно, в экстренной ситуации ты в нашем отделении лучший!

Потом поняла, что перехвалила, нахмурилась и добавила:

– Но все говорят, если Леша Моторов соизволил зайти в блок, то, для того чтобы там его удержать хоть на минуту, нужно бежать и обе двери чем-нибудь тяжелым подпереть! Не любишь ты рутину!

Вот уж кто на самом деле ненавидел рутину, так это сама Лидия Васильевна. Она просто притягивала к себе разнообразные приключения, поэтому работа с ней была сплошным водоворотом событий. Да что там работа!

Я всегда не любил гладить. Не то чтобы не умел. Именно не любил. Я мог гладить вещи с ровной поверхностью, например пионерский галстук. Или носовой платок. Или детскую пеленку. Тогда я воображал, что шипящий утюг – знаменитый ледокол «Красин», с хрустом проламывающий арктические торосы, идущий на помощь экспедиции под руководством итальянского генерала Умберто Нобиле.

А гладить вещи сложные я терпеть не мог. На первом месте по противности стояли медицинские халаты. На втором – рубахи с длинным рукавом. На третьем – брюки.

Нагладишь манжеты и рукава у халата, переходишь на спину, а эти дурацкие рукава уже мнутся, начинаешь гладить спереди – мнется спина, да еще пуговица обязательно расплавится. Одно мучение. Рубахи отличались от халатов лишь отсутствием хлястика и были короче, но у них сложнее воротник. Брюки как будто ровные, но там эти вечные стрелки, которых всегда получалось не меньше трех.

Так как припахать в тот день было некого, я начал гладить сам. Сначала, матерясь, погладил рубашку, светлую, с длинными рукавами. Немного успокоившись, приступил к голубым брюкам из легкой фланели.

Эти приготовления были обусловлены не предстоящим свиданием, как могли бы подумать некоторые из числа особо наивных. Просто я уходил из дому на ночное дежурство, после которого мне предстоял очередной, бог знает какой по счету, вступительный экзамен.

Пару часов спустя я, весь такой сумасшедшей красоты и наглаженности, вывалился в подземный переход метро «Коломенская» и около дверей наткнулся на толпу, окружавшую нечто наверняка интересное, но пока невидимое.

Люди, вытягивая шеи, смотрели куда-то вниз. Обычная картина, когда происходит что-то нехорошее и экстраординарное. Подозрения усилились, когда я заметил, как идущая навстречу врач-эндоскопист Инна Головнина, поравнявшись с толпой, заглянула туда с высоты своего роста и, поморщившись, прибавила шаг.

Я заработал локтями и стал пробираться к центру событий. На асфальте лежал пожилой человек в старом синем костюме, с запрокинутым белым лицом. Рядом на корточках примостилась молоденькая девушка в медицинском халате, как я понял, фельдшер пункта неотложной помощи метрополитена. Она безуспешно пыталась набрать в шприц содержимое ампулы, но у нее ничего не получалось, так сильно тряслись руки.

Напротив, вполоборота ко мне, расположилась женщина, которая, без сомнения, являла собой архитектурную доминанту всей композиции. На ней было цветастое платье, но не это главное. Она подозрительно хорошо и грамотно массировала сердце, что не так просто, как кажется.

Наверняка тетка журнал «Здоровье» прочитала, но все равно, пока они в него не начнут дышать, толку будет мало.

Тут эта правильно качающая тетка на секунду подняла лицо, чтобы сдуть челку, упавшую на глаза. Через мгновение я плюхнулся на колени рядом с ней.

– Лидия Васильевна, вам квалифицированная помощь не требуется? – Говоря это, я успел отобрать у девочки шприц, ампулу, набрать адреналин, выхватить из раскрытого чемоданчика ампулу с хлористым кальцием, сбить кончик носиком шприца и, насадив иглу, ввести смесь в левый желудочек сердца.

– Ого, Лешка, ты еще откуда взялся? – радостно воскликнула Суходольская и даже пожалала мне от неожиданности свободную руку.

– Просто мимо проходил, сегодня в ночь выступаю! – набирая очередной коктейль, пояснил я. – А вам, я гляжу, на работе не хватает!

– И не говори! – усмехнулась она и, продолжая качать, мельком взглянула на часы. – Между прочим, до начала дежурства всего семь минут!

Она уже было нахмурилась, но передумала и, вырвав у меня из рук шприц, всучила мне обрывок бинта:

– Давай-ка лучше подыши, корифей! – И сама воткнула иглу в сердце.

У меня к этому времени уже был один опыт реанимации в уличных условиях, вернее в парковых, на берегу канала, но там был утопленник, почти безнадежное дело, а тут свежий труп с «сухими» легкими. Так что дышать «рот в рот» у меня получалось не хуже, чем у аппарата искусственной вентиляции легких. Экскурсия грудной клетки была сумасшедшая.

Сердце пошло спустя полминуты, а тут и «скорая» подоспела. Пришли два одинаковых амбала и тупо стали смотреть на наши героические усилия. Потом они долго чесали в башке, потом не спеша сходили к машине за носилками и чемоданчиком.

Лидия Васильевна вырвала у одного из них чемоданчик и быстро заинтубировала заведенного нами пенсионера. Мы помогли его переложить, и эти двое из ларца все так же неспешно потащили носилки к машине. Суходольская шагала рядом и с помощью мешка-респиратора делала искусственное дыхание.

Уже на улице, когда «скорая», взыв сиреной, рванула с места, я с ужасом понял, что моя сумка, в которой лежал экзаменационный лист с паспортом и которую я беспечно бросил в переходе, сейчас не висит привычным грузом у меня на плече.

«Вот и все, сходил на экзамен!» – пронеслось в голове, но не успел я затосковать по этому поводу, как за моей спиной раздался робкий голос:

– Молодой человек, а сумочку-то вашу я держу! – И какая-то добрая пожилая женщина протянула мне мое сокровище.

Я очень жарко и, самое главное, искренне ее поблагодарил, выслушал восторги по поводу нашей самоотверженности, попрощался и повернулся к Суходольской. Та даже не обратила на весь этот эпизод никакого внимания, продолжая смотреть вслед «скорой помощи». Я знал, о чем она сейчас думает. Довезут эти паразиты его живым или нет.

– Лидия Васильевна, ну я пойду! – Мой голос вывел заведующую из оцепенения.

– Так, Лешка, паразит, ты почему до сих пор здесь? – нахмурилась та. – Марш на работу!

Я перешел дорогу и встал в очередь на маршрутку. Мои наглаженные накануне брюки выглядели так, будто ими неделю терли бетонную стену. К тому же я своими коленями собрал все окурки, плевки и даже дефицитную в то время жевательную резинку. Рубаха выглядела лучше, но ненамного. А от поцелуев с реанимированным пенсионером стояла противная кислятина во рту.

Разумеется, я опоздал на полчаса. У дверей меня уже поджидала Тома Царькова. С выражением лица, которое, видимо, должно было означать: «У всех сотрудники как сотрудники, а у меня либо аферисты, либо дебилы, либо проститутки!»

– Так, Лешечка, ты, я вижу, совсем охамел! Думаешь, я вечно покрывать тебя буду? Сколько времени? А ты когда должен на работе быть? Ну все, сволочуга, ты у меня дождешься! Вот всю жизнь теперь в блоке работать будешь!

– Тамарка! – начал я виновато оправдываться. – Просто еду в метро, а там Суходольская мужика реанимирует, вижу – одна не справляется, ну я, понятное дело, ей помог, то-сё, вот и задержался!

Обычно находчивая, Тамара, выслушав все это, несколько раз подряд глубоко вдохнула, прижала ладонь к груди и дважды поперхнулась. Так обычно описываются начальные симптомы тромбоэмболии легочной артерии. Я забеспокоился.

Но тут, слава богу, Тамару прорвало. На ее крик высыпали все, включая сотрудников лаборатории.

– Наглая рожа, реанимировал он, нет, ну всяких я видела, сама врать умею, но чтобы так!!! Все, Моторов, не вздумай теперь ко мне подходить! И по «шоку» больше работать не будешь! Вот скотина, поглядите на него, стоит улыбается!!! Да еще Лидию Васильевну приплел, завтра же все ей расскажу, бесстыжий!!! Бегом переодевайся и чтобы генеральную уборку сегодня сделал! Лично проверю!!!

Даже не предложив традиционный перекур, Царькова стремительно прошла к себе в кабинет и так бабахнула дверью, что лампа в коридоре испуганно замигала и погасла.

Через мгновение Тамарка высунула голову и уже в спину мне проорала:

– Реанимирует он! В метро! А в автобусе ты еще оперировать не пробовал, аферист?!!

Утром, когда я удрал на экзамен, отпросившись на полчаса пораньше, Суходольская вошла в ординаторскую и, не сказав свое обычное «начнем», обвела присутствующих веселым взглядом и сообщила:

– Ох и здорово же мы вчера с Лешкой в метро мужика реанимировали, не поверите, даже завели, а где Моторов-то сам? Небось уже всем растрепал?

Тамара Царькова опять прижала руку к груди, поперхнулась, но на этот раз ничего не сказала.

+ + +

Наша больница потихоньку разрасталась, почти год, как открыли новый терапевтический корпус, который в народе сразу окрестили «голубым». Нет, пациенты там были с традицион-

ными взглядами на жизнь, персонал в большинстве своем тоже, просто во внешней отделке выделялся синий цвет.

Через неделю после того, как туда стали прибывать первые больные, нас с дежурным врачом Витей Волоховым срочно вызвали на предагональное состояние. Когда мы примчались, то застали лежащую на полу процедурного кабинета женщину серого цвета, а над ней рыдающую и заламывающую руки молоденькую девочку-ординатора, которая выглядела немногим лучше.

Оказалось, женщина находилась здесь на обследовании и после ужина у нее разболелась голова. Во время вечернего обхода она пожаловалась дежурному ординатору, внимательной и серьезной девушке. Любой бы на месте дежурного врача всучил формальную таблетку анальгина, но эта, только что окончившая институт и поступившая в клиническую ординатуру, решила показать себя настоящим врачом и клиницистом. У постели больной она провела не меньше часа. Собрала анамнез, послушала, пропальпировала, проперкутировала, наконец измерила давление и пульс. Действительно, имелась незначительная гипертензия около ста пятидесяти и тахикардия девяносто шесть ударов в минуту.

Юность любит динамизм и бескомпромиссность. Молодому доктору очень захотелось помочь максимально быстро и эффективно. Она вооружилась фармацевтическим справочником Машковского и через полчаса пришла к выводу, что лучшее средство для снижения давления и заодно частоты сердечных сокращений – вещество под названием «новокаинамид».

Несмотря на то что у нас в реанимации подобные препараты лились ведрами, именно к назначению новокаинамида всегда относились с опаской. Уж больно он был дубовый, что ли. Эффект от него, конечно, потрясающий, но при этом непредсказуемо резкий и такой... как бы понятнее выразиться? В общем, как от совковой лопаты, если ею от души врезать по затылку. Вот почему его вводили максимально осторожно. Брили ампулу, разводили на пол-литра физраствора и медленно капали под контролем монитора. Обычно через пару минут давление с двухсот пятидесяти заваливалось до ста двадцати.

Девочка-ординатор таких тонкостей не знала. Завела больную в процедурный кабинет и распорядилась ввести новокаинамид внутривенно шприцом. А чтобы подействовало наверняка, приказала ввести две ампулы, чего мелочиться.

Хорошо, что «шоковым» врачом в тот день был Волохов. Если бы дежурил, например, Виталий Кимович, по кличке Кимыч, который никогда и никуда не торопился, уверен, в нашей патанатомии стало бы одним вскрытием больше. Но недаром Витя Волохов в прошлом легкоатлет, кандидат в мастера по прыжкам в длину. И мы успели с ним вовремя. Сознание отсутствовало, давление не определялось, был слабый и редкий пульс на бедренных артериях.

Через некоторое время после сумасшедших усилий нам удалось стабилизировать состояние, больная выровняла давление и пульс, и мы с Витей переложили ее с пола на кушетку. Воспользовавшись паузой, я насильно влил в доктора-ординатора, у которой продолжался тихий истерический припадок, разведенную ампулу реланиума из реанимационной укладки.

Еще минут через десять, когда они обе пришли в себя, мы стали свидетелями сильного зрелища.

Женщина открыла глаза, увидела зареванного доктора и с большим чувством и достаточно твердым голосом произнесла:

– Светлана Львовна, вы мне жизнь спасли, огромное вам спасибо, никогда этого не забуду! Дай вам бог самой здоровья и счастья!!!

Ни я, ни Витя против таких пожеланий, естественно, возражать не стали, сказали только постовой сестре, чтобы та, если что, звонила. А я еще попросил справочник Машковского, от греха подальше, спрятать до утра.

И пошли к себе в отделение. Пока ждали лифт, из процедурного кабинета доносились слова искренней и восторженной благодарности.

Мы возвращались по подвалу, который соединял «голубой» корпус с основным рукавом. Разговаривали. О том, какая непростая штука жизнь. На этом отрезке пути было потрясающее эхо, и наши слова разносились по всему подземелью.

Сколько ни говори на вечные темы, никогда не надоест. У меня, к примеру, всегда есть в запасе парочка историй про жизнь и смерть. Про смерть сегодня не хочу, давайте поговорим про жизнь. Про Таню Богданкину и пельмени.

История про Таню Богданкину, пельмени и архангельского мужика

Медсестра Таня Богданкина пришла в отделение спустя год после меня. Ровно через неделю у нее случилась первая неприятность. Мы тогда стояли курили в гараже, беседовали. Как вдруг распахнулась дверь и влетела чокнутая Степанида Андреевна, старшая операционная сестра, в сопровождении главной сестры больницы Маргариты Николаевны.

– Ага!!! Вот, оказывается, где прячется эта мерзавка!!! – завопила Степанида, тыча в Таню подагрическим пальцем. – Все, я узнала тебя, теперь не отвертишься!!!

«Ничего себе, – думаю, – ну просто Гоголь какой-то, „Вий“, не иначе!»

Таня, отвернувшись, что-то пробормотала непарламентское, сплюнула и в сердцах бросила окурки в ведро. Степанида, пытаясь унять одышку, плюхнулась на лавочку. Одной рукой она держалась за сердце, а пальцем второй продолжала указывать на Таню Богданкину, испепеляя ее взглядом.

Пока Степанида свистела, вцепившись в лавку, Маргарита Николаевна подошла к раздосадованной Тане и произнесла, как всегда она умела, мягко и доверительно:

– Деточка, ты все же прислушивайся к замечаниям старших товарищей, особенно если они такие... – тут Маргарита показала взглядом на Степаниду Андреевну, – такие заслуженные люди! А курить лучше бросай, ты же девочка и к тому же в больнице работаешь!

Подхватила Степаниду и пошла на выход. Та успела обернуться и на прощание погрозить Тане кулаком.

– Леш, давай еще покурим, – сказала удрученно Богданкина, – сам видишь, весь кайф обломали!

Оказалось, что рано утром Таня забежала в гости к подружке, которая работала на седьмом этаже в «травме». Они решили по-быстрому поболтать и, как водится, курнуть. Встали на лестнице и не успели прикурить, как сразу напоролась на Степаниду Андреевну. Та произнесла, как и полагается мудрому наставнику, речь в весьма дружелюбной форме, типа: «Что вы стоите тут с цибарками в зубах, профурсетки, еще халат напялили, форму медицинскую позорите, надавать бы сейчас вам по губам, бесстыдницы, да я в ваши годы на целине, в мороз, одна на триста километров, на сто больных, а ну быстро говорите, из какого вы отделения, нахалки!!!»

Таня огрызнулась, мол, что хочу, то и делаю, а где я работаю – не ваше дело, и вообще, ступайте, женщина, куда шли, не доводите до греха.

Но надо было знать Степаниду Андреевну. Она не поленилась и, прихватив Маргариту Николаевну, прочесала все пятнадцать этажей главного корпуса. Так как Богданкина обнаружилась после обеда, нетрудно подсчитать, что на поиски ушло две трети рабочего дня Степаниды. Ну, для такого важного дела, как воспитание подрастающей смены, времени не жалко. Вот такой был дебют у нашей Тани.

А теперь о главном. О жизни. Понятно, что жизнь человека весьма хрупка. О том, что человек смертен и смерть может быть внезапной, знают многие, не только те, кто читал «Мастера и Маргариту». Но внезапная, быстрая смерть подчас бывает настоящим подарком судьбы. И наоборот, жизнь постоянно на грани смерти, без радости, во всем ограниченная, сопряженная с тяжелым хроническим и прогрессирующим заболеванием, может рассматриваться как сущее наказание.

На одиннадцатом этаже правого крыла больницы располагалось сосудистое отделение, часть которого была отдана автономному отделу кардиохирургии. Там проводились сложные операции на открытом сердце, а контингент составляли больные с тяжелыми пороками.

Почему-то почти все они были жителями Архангельской области, видимо, существовала какая-то разнарядка.

Среди пациентов, которых направили в кардиохирургическое отделение, был больной с тетрадой Фалло. Тетрада Фалло – один из самых тяжелых пороков сердца, уже из названия видно, что там четыре сложнейших патологии. Часть детей, родившихся с этим пороком, умирает в первый год жизни. Но и из выживших лишь немногие дотягивают до совершеннолетия. Обычно детей с тетрадой Фалло стараются оперировать в раннем возрасте, но случается, что такой больной попадает на стол зрелым человеком. Если, конечно, кто-нибудь берется за такого.

Жизнь ребенка с этим заболеванием лишена большинства детских радостей, такие дети не бегают, не прыгают, не скачут. Большинство даже не ходит в школу – они не в состоянии подниматься по лестнице. У них, как правило, нет друзей среди сверстников, взрослые смотрят на них, и особенно на их родителей, с неподдельной жалостью и скрытым удовлетворением от сознания здоровья собственных чад. Потому что дети с тетрадой Фалло отличаются от остальных, кроме всего прочего, и внешне. Они синие, почти черные, настолько мало в их крови кислорода.

Маленькие черные человечки, сидящие на корточках, – типичная их манера отдыхать после нескольких шагов.

Вот такого больного решили прооперировать наши кардиохирурги. Точнее сказать – решили, но не сразу. Они недели две думали, советовались, перебирали анализы, делали дополнительные снимки, кардиограммы. Очень боялись, что не снимут его живым со стола. Наконец вздохнули, перекрестились и назначили день операции.

Обычно кардиохирурги заканчивали операции к обеду или чуть позже. Крайне редко больных привозили в шесть вечера. Однажды, помню, операция закончилась в девять.

Этого доставили к нам в первый блок ближе к полуночи.

Все, что можно было получить по части осложнений в момент операции, получили, причем в самой тяжелой форме. Кровило там, где не должно было кровить, не сшивалось, где должно было сшиваться, не разрезалось, где должно было разрезаться. Даже машина искусственного кровообращения выкинула фортель. Отсоединилась одна из пластиковых магистралей, и, пока это заметили, около литра крови вылилось на пол.

У анестезиологов тоже было не лучше. Уже на этапе вводного наркоза начались чудеса – сначала с интубацией, затем с подключичкой, потом возникла крапивница на один из компонентов наркозной смеси, потом вдруг давление упало по нулям... В общем, тихий ужас, врагу не пожелаешь.

При этом вся огромная хирургическая бригада думала об одном. Как и почему до сих пор он жив, этот уже изначально безнадежный пациент.

И вот, когда все было сделано, он выдал остановку. Хотя в момент кардиохирургических операций сердце останавливается по самой процедуре вмешательства, но тут, как говорится, больной встал наглухо. Сердце стали массировать и дефибриллировать, но оно не запускалось. Дефибрилляция открытого сердца выглядит так, будто сердце накрывают сверху и снизу двумя здоровыми ложками. Это два электрода, по которым идет ток высокого напряжения.

В какой-то момент один из двух хирургов, производящих процедуру, заметил, что нижняя ложка выехала из-под задней стенки сердца. Он решил поправить электрод, но забыл сказать об этом коллеге, который стоял к нему спиной. Тот занимался тем, что набирал заряд на приборе, нажимая на кнопку «набор», а после набора напряжения нажимал на кнопку «разряд», а после разряда нажимал на кнопку «сброс». Потом он повторял все заново, и так много раз подряд. Вот такая техника была у нас в то время.

Операция шла больше двенадцати часов, поэтому у этих двоих синхронные действия дошли до сомнамбулического автоматизма. В общем, как только Сергей Петрович Иванцов

взялся обеими руками, в мокрых от крови перчатках, за оба электрода, стоящий к нему спиной новичок Ваня Акулишин машинально нажал на кнопку «разряд».

Эффект получился грандиозным. Тот случай потом вспоминали много лет. Иванцов подпрыгнул метра на два, а затем, приземлившись на пол, переколотив все стоящие рядом со столом дренажные банки, принял почти горизонтальное положение и, набрав скорость, выбил головой дверь в предоперационную. Пролетев ее на бреющем полете, он протаранил еще одну дверь – в коридор, где и рухнул без сознания. Самое удивительное, что сердце у больного запустилось. Часть хирургов побежала оказывать помощь Иванцову, а другие начали зашивать грудную клетку пациента.

Сергей Петрович потом больше года подволакивал правую ногу и не чувствовал правую руку. Вот они, эти опыты с электричеством.

Больного прикатали к нам в реанимацию и положили на третью койку в первом блоке. Дела были – хуже некуда. Главное – он не держал давление. Ни в первые сутки после операции, ни в последующие. Это был скверный прогностический признак. Давление поддерживалось только бешеными дозами прессорных аминов, которые постоянно вливали внутривенно. Дыхания не было, сознание вроде было, но как тут поймешь!

В принципе, все знали, что ловить здесь уже нечего. Но прошло несколько дней, и доза препаратов для поддержания давления стала заметно снижаться, а еще через сутки и вовсе свелась к одной-единственной ампуле дофамина. Это было очень здорово, значит, включились таинственные резервы организма.

Но вскоре появилось ослабление дыхания справа, и на контрольном снимке грудной клетки обнаружилось скопление жидкости в плевральной полости.

Дежурный кардиохирург спунктировал плевру, откачал жидкость, и расправившееся легкое снова задышало.

Тут бы всем радоваться и готовить больного к переводу в отделение, как вдруг в анализах наметилась четкая тенденция к падению гемоглобина. Еще через пару дней сомнений не осталось. Возникло внутреннее кровотечение, и оно прогрессировало. Стал понятен и источник. В момент плевральной пункции игла прошла через увеличенную от венозного полнокровия печень. А ткань печени – она как отварная свекла, мягкая, ранимая и подкравливать будет постоянно. Вот уж действительно, твою мать!

В таких случаях есть два варианта. Или смотреть, как пациент медленно умирает от кровотечения, или срочно брать на операцию, что в его состоянии равносильно смертному приговору. Всегда не завидовал людям, которым приходится решать подобные дилеммы, но считаю, что любое действие лучше, чем бездействие.

Оказалось, что многие разделяют деятельный подход к лечебному процессу, и беднягу все-таки подняли в операционную, где его поджидала бригада, на этот раз печеночных хирургов, которые, на счастье, тоже имелись в нашей больнице в отделении печеночной хирургии на восьмом этаже.

Надежда умирает последней. Хотя шансов не было. Одно то, что больной с таким диагнозом, как тетрада Фалло, дожил до тридцати лет, уже считалось огромным достижением. Перенести такую операцию с кучей осложнений в момент ее проведения, с длительной остановкой сердца в финале, выраженной сердечной недостаточностью послеоперационного периода, и заработать через десять дней ранение печени... Это было уж как-то слишком. Даже для нашего отделения.

Поэтому мы немало подивились, когда его живого сняли со стола. Хотя жизнью это назвать можно было с огромным преувеличением. Ни дыхания, ни сознания, ни давления. Наверное, состояние мумий, которых находили в египетских пирамидах, вселило бы больше оптимизма в реанимационную бригаду. Но глаза боятся, а руки делают.

Час за часом, день за днем, сантиметр за сантиметром он переходил на сторону жизни. Снова держал давление, хлопал глазами и уже начал сопротивляться аппарату, пробуя самостоятельно дышать.

И вот в первом блоке собрался консилиум. Были все наши и целая куча кардиохирургов под руководством профессора Соловьева. Больного отключили от аппарата. Час смотрели. Дважды проверили кровь на газовый состав. И наконец выдернули трубу из трахеи. Трахеостому не стали делать, подозреваю, из суеверия. Осталось проверить очень важное. Уровень сознания. После сумасшедшей гипоксии, остановки сердца, длительной гипотонии, кровопотери можно было запросто получить так называемую социальную смерть. Другими словами, пациент с полным правом мог превратиться в мычащего идиота.

– Тебя как зовут? – строго и громко спросил Юрий Яковлевич Романчук, старший ординатор.

– Сергей... – просипел тот.

Уже неплохо.

– А лет тебе сколько? – не отставал Юрий Яковлевич.

– Тридцать один будет... – раздался хрип.

– Живешь где, адрес твой?

Вопрос был нелишним. Потому что свое имя и возраст помнят даже полные кретины. Не верите – поспрашивайте!

– Архангельская область, город Шенкурск, улица Ломоносова, пять!

Ну слава богу! Все обменялись многозначительными и одновременно радостными взглядами. Энцефалопатии нет, можно идти и со спокойной совестью расписывать дальнейшую терапию. Так и сделали. Минут через десять, убедившись, что и давление, и пульс, и дыхание в норме, всей толпой двинули в ординаторскую.

Из всего персонала в блоке осталась только одна дежурная сестра из новеньких. Таня Богданкина.

Ужин в нашем отделении был самым приятным моментом дежурства. Во время ужина мы всегда собирались вместе, всей нашей сестринской бригадой в полном составе, и, кроме того, иногда приглашали дежурную лаборантку. Именно за ужином можно было потрепаться, посплетничать, а то и впервые за день увидеть друг друга. Так как особого времени на гастрономические изыски не было, мы ограничивались пищей быстрой в приготовлении и калорийной.

Обычно это были сосиски традиционного серого цвета, или жареная картошка, или омлет, как правило, из ворованных яиц, ну и конечно пельмени. В тот день на ужин Таня Богданкина взяла из дома пачку пельменей, которую еще с утра засунула в морозильник.

Таня была девушкой отзывчивой, как и многие новенькие, пока их не засасывала и не перемалывала рутина. Она искренне сочувствовала больным, и это сострадание компенсировало временное отсутствие реанимационных навыков.

То, что происходило с этим несчастным, которого только и успевали, что оперировать да откачивать, не могло оставить ее равнодушной.

Поэтому, когда все начальники с умным видом отчалили в ординаторскую, Таня робко подошла к постели больного, обтерла ему мокрой пеленкой лицо и спросила:

– Ты чего-нибудь хочешь?

Тот, не задумываясь, просипел:

– Хочу, очень хочу, мне бы... пожрать!

Елки-палки, и правда мужик уже третью неделю, бедный, без еды доходит, всякая глюкозка в вену не в счет, в чем только душа держится, кожа да кости.

– Сейчас, подожди, я быстро! – пообещала Таня и пулей понеслась в буфет.

Обед уже закончился, буфетчица успела даже вымыть кастрюли. Таня вздохнула и открыла морозильник.

Когда она вошла в блок с дымящейся тарелкой в руке, там по-прежнему никого из персонала не было, ее напарница Маринка Ляпичева все еще торчала на вызове, а врачи сидели в ординаторской.

Таня поставила тарелку на тумбочку, пододвинула стул к кровати, села и начала кормить.

Остановка сердца произошла на третьей ложке. Это был многократно описанный в специальной литературе послевоенного времени «синдром возобновленного кормления». Так внезапно умирали узники концлагерей и блокадники. Их нужно кормить буквально из пипетки, но Таня про синдром не слышала, зато вой тревоги монитора над третьей койкой слышали все.

Картина была еще та. Остановившийся больной, ложка с пельменем около плеча, полная пельменей тарелка на тумбочке и забившаяся в угол, абсолютно растерянная и подавленная новенькая медсестра.

Когда раздаются пять коротких приказов в секунду, когда нужно в протянутую руку моментально дать или ларингоскоп, или трубку, или шприц с сердечной иглой, или шприц вовсе без иглы, молниеносно набрать нужный препарат в нужной дозе, зарядить и повесить капельницу, прикатить дефибриллятор, снова набрать шприц, надо быть собранным и четким до автоматизма. От Тани в ее состоянии толку было немного.

Поэтому наши врачи в тот раз начали оказывать реанимационное пособие без участия медсестры. И пока сбегали в соседний блок за подмогой, свинство развели такое, как будто в блоке взорвали парочку противопехотных мин, кстати, запрещенных к применению всеми гуманитарными организациями планеты.

Можете не верить, но он завелся. Да и на аппарате-то провел потом не больше суток. В каком-то смысле бегать туда-сюда стало для него привычным делом.

Через неделю его перевели долечиваться в кардиохирургию. Я приходил туда смотреть, как он осторожно, на еще плохо слушающихся ногах ковылял по коридору.

Пару лет спустя кто-то из наших кардиохирургов, вернувшись из командировки в Архангельск, рассказал, что этот Серега из Шенкурска жив, здоров и не синего цвета, а нормального, розового, работает диспетчером на местном деревообрабатывающем комбинате. Женился на молодой веселой девушке, которая должна вот-вот родить. И сам ходит веселый и довольный жизнью.

Таню, конечно, здорово ругали, чуть не прибили, думаю, ей до сих пор не хочется вспоминать тот случай. Потом прошло время, она всему научилась, стала опытной и грамотной сестрой. Такие всё делают правильно и, уж конечно, не отдают больному свой ужин.

Минотавр

А в нашем подвале поселился Минотавр. Это я его туда поместил, скуки ради. Когда среди ночи один брел из родильного дома по подвалу, возвращаясь в отделение. Только прилег, как меня вызвали на срочное донорство. В то время в экстренных случаях иногда практиковалось прямое переливание. Теплая кровь намного эффективнее консервированной. Тем более когда речь идет о массивной кровопотере.

В роддоме возникло профузное кровотечение у роженицы, которая на девятом месяце зачем-то потащилась в Центральный детский мир, где ее придавили в перманентной гигантской очереди. Ребенка спасли, а с ней дела обстояли намного хуже.

В предоперационной у меня по-быстрому выпустили поллитра крови и отправили восстанавливаться.

Вот когда я шел обратно, тогда и придумал себе Минотавра. Путь был неблизкий, слегка подташнивало и от хронического недосыпа, и от язвы, и от недавнего донорства. Голова кружилась. Но это скорее от сигареты. Я всегда в подвале любил курить, особенно вот как сейчас – идешь, а конца ему не видно.

Еще подумал, когда буду проходить ответвление в «голубой» корпус, пощелкаю пальцами, чтобы услышать необыкновенно сильное и долгое эхо. С этим новым рукавом наш подвал стал походить на Критский лабиринт. Ну а какой же Критский лабиринт без Минотавра? Значит, он здесь и живет, в подземелье, охотится на припозднившихся безмятежных дурачков вроде меня.

Наверняка огромный, подлый, противный. Притаился за углом, об стену рога точит. Даже показалось, что в самом дальнем конце, там, где морг, мелькнула какая-то тень. Сразу чаще забилося сердце. А, ерунда, просто такая запоздалая реакция на кровопотерю. Но шагу я все-таки прибавил.

Ну и кто же я тогда? Уж конечно не герой Тезей, тем более что мне никаких клубков и не надо, чтобы из этого лабиринта выбраться. Как говорится, мне тут каждый камень знаком. Я здесь практически в ежедневном режиме ношусь. Вернее, в ежесуточном. Скорее всего, я этот, как его, Мальчик-с-пальчик!

И попробуй догони, Минотавр дурацкий! Сил не хватит! Весело придав себе ускорение – а носился я в то время и в самом деле быстро, – уже буквально через минуту запрыгнул в буфетный лифт. Вот черт, надо же, эхо проверить забыл!

Но когда закрывались двери, я услышал это.

Далекий и устрашающий вой.

Столб воды толщиной с телеграфный столб разметал в стороны стулья и скамьи, стоящие в малом конференц-зале, моментально затопив его. Достигнув дверей, первая волна секунду постояла в размышлении, будто витязь на распутье, а затем, разделившись на три основных рукава, с гиканьем и свистом, заходясь от собственной безнаказанности, устремилась на простор.

Самый мощный поток завернул на лестницу и Ниагарой обрушился на первый этаж. Два других, образовав бешено раскручивающийся водоворот в холле у лифтов и затопив попутно отделение эндоскопии, ворвались в основной коридор.

Тому, который свернул направо, не повезло: дверь в отделение гемодиализа была плотно закрыта, и ему только и оставалось, что в бессильной злобе биться об нее, как потревоженный сторожевой пес кидается на забор.

Зато левому удалось поглумиться на славу! Превратив за секунды оба кабинета ЭКГ в Атлантиду, он вальяжно, без суеты, солидно – так катит по улице тройка с бубенцами – взял курс на реанимацию.

+ + +

Несмотря на неоднократные заверения моего деда Якова о том, что род наш ведется от самого царя Соломона, я очень любил работать по субботам. Подозреваю, что и царь Соломон, окажись он на моем месте, с удовольствием выходил бы на вахту в этот святой день, к тому же «шоковым», да еще когда бригада нормальная.

Жаль только, что вот уже год, как мой друг Ваня Рюриков уволился, ну тут никто не удивился, для медбрата три года – обычно предельный срок. Медбратья или в институт поступают, или вовсе из медицины сваливают. Третий вариант бывает только в виде исключения, тем более в таком отделении, как наше.

Да если бы не Тамарка Царькова, я бы и сам отвалил отсюда, но она своими новациями мне здорово здесь жизнь скрасила. У меня даже свободное время появилось, которое еще называют «досуг».

Это означало, что после работы я не тащился, по обыкновению, на пределе сознания домой отсыпаться, а мог несколько часов заниматься всякими-разными вещами. Например, в кино пойти. Слава богу, андроповское лихолетье кончилось, и мирных граждан перестали отлавливать с милицией по магазинам и кинотеатрам.

Причина, по которой я обзавелся этим своим досугом, очень проста. Я получил возможность спать на дежурстве.

Если не было поступлений и вызовов в другие отделения, можно было дрыхнуть почти шесть часов. И хотя сон этот был весьма специфический – уж больно он всегда поверхностный и беспокойный, – результат проявился сразу. Наутро я практически был человеком. Справедливости ради нужно сказать, что спокойная ночь в реанимации выдавалась далеко не каждый раз, но мне странным образом везло.

Везение это заключалось в том, что, когда я дежурил, все утро, весь день и весь вечер больных везли, везли, везли... На вызовы в отделения я бегал, бегал, бегал... Но ночи проходили, как правило, всегда спокойно. У нас существовало поверье, которое всегда проповедовал Кимыч, что чем больше человек нагрешил, тем больше у него поступлений по «скорой». У меня выходило так, что грешил я много, разнообразно и со вкусом. Но почему-то днем.

Все начали дико завидовать. Старенькие стали говорить всякие гадости, типа «А что же тебе, Моторов, теща все никак машину не купит, ты ведь уже три года как женат!». Видимо, у них в деревнях срок три года считался достаточным для поощрения верности зятя автомобилем. Я им на это ничего не отвечал, лишь загадочно улыбался.

Тут и новеньким захотелось дрыхнуть по ночам.

Таня Богданкина подошла как-то ко мне и говорит:

– Моторов, сволочь, не надоело тебе одному по «шоку» работать, не обнаглел ли ты, часом? Давай в следующем месяце я сама Тамарку попрошу, пусть меня разок в «шок» поставит. А ты в блок иди, поперестилай малость, тебе полезно, а то, наверное, забыл уже, как это выглядит!

На том и порешили.

Таня ходила весь день довольная, как будто пылесос в лотерею выиграла. Ни одного вызова, ни одного поступления. А после ужина, как только она перемыла всю посуду и надраила пол в сестринской, тут и понеслась душа в рай! Таня приняла шесть «эстакад» и четыре раза сгоняла на вызов. Ладно, если бы просто не прилегла, так даже ни разу не перекурила. Последнее поступление случилось перед самой пересменкой, в пять минут девятого.

А у меня в блоке было всего трое больных, которые сами крутились, вертелись, какие-то астматики, один до того обнаглел, что даже газету стал читать. Поэтому я полноценные четыре часа сна получил, да еще в блоке потом часа полтора за столом кемарил.

– Нет уж, Лешенька, работай ты сам по «шоку»! – сказала мне после пятиминутки зеленая Танька. – У меня жизнь одна!

Я с ней часто организовывал бартер. То есть отпускал на пару часов поспать, а она мне крутила из марли шарики, салфетки, рисовала все сводки и температурные листы. И заодно надраивала «шок». Делала Танька это с дикой скоростью и всегда со своими фирменными шутками и прибаутками.

Не успевал я ее отпустить, как сразу начинались у меня чаепития и перекуры с Волоховым и Орликовым в «харчевне». Мы вели разговоры, травили байки, ржали. Иногда я так увлекался, что поднимал Таньку не через два условленных часа, а через три с лишним.

И хотя Танька была этим весьма довольна, притворно меня ругала:

– Моторов, опять в блоке не сидел, сволочь! Ну конечно, давление не измерял, капельницы все убежали, моча уже скоро в приемный покой польется! Правильно, ты же у нас умные разговоры ведешь со своими друзьями! А ну сознавайся, в «харчевне» сидел? С Виктором Ивановичем и с Андреем Вячеславовичем чай пил? Да что ты врешь, я же от вашей ржачки три часа ворочалась, так и не заснула!

А марлевые шарики и салфетки я делать так и не научился.

Вот и в тот день я пришел еще до завтрака во второй блок, где работала Николаша, и мы стали с ней горячо обсуждать, на какое время я должен ее отпустить к знакомому травматологу за полкило накрученной марли. Николаша – так звали в нашем коллективе Олю Николашину – вела переговоры как одесская торговка рыбой, делано возмущалась, закатывала глаза, хамила, но цены не сбавляла.

Оля была девушкой, испорченной повышенным мужским вниманием. Под конец дежурства она обычно обводила глазами сестринскую, притворно вздыхала и произносила:

– Надеюсь, я ничего здесь не забыла? Кроме своей чести, разумеется...

По Олиному мнению, в обмен на шарики и салфетки я должен был отпустить ее предаваться греху аж до ужина, причем, помимо всех капельниц и остальных назначений, мне также вменялось в обязанность вымыть полы и перестелить двух здоровенных битюгов на аппарате. От сменщицы, новенькой сестры, помощи ждать не стоило. Я уже собрался было плюнуть и пойти охмурять девок из первого блока, как тут со стороны послеоперационной палаты раздался дикий визг, причем коллективный.

Примерно такие же вопли я слышал, когда однажды изловил мышь и выпустил ее вечером в сестринской.

Мы выскочили в коридор, и причина визга сразу стала понятна. Да что там понятна, я и Николаша моментально промокли, потому что прибывающая вода растекалась по нашему мраморному полу и уже была сантиметров пять высотой. Потоки накатывали откуда-то со стороны эндоскопии, и по всему видно было, что размер катастрофы там – будь здоров.

+ + +

Маргарита Николаевна Коростелева очень любила свою работу. Больница была даже больше чем ее вторым домом. Это было собственноручно свитое гнездо, которое она любила, лелеяла и оберегала. В эту субботу, как и во многие другие, наша главная сестра приехала на работу, чтобышний раз убедиться, что все в порядке.

Она шла по первому этажу, когда увидела лужу около бухгалтерии. Что за бардак? Кран забыли закрыть в туалете, что ли? Маргарита посмотрела направо, потом посмотрела еще, только внимательнее, а потом уже побежала в направлении лестницы.

Когда мы с Николашей увидели это весеннее половодье, то, поначалу не поняв масштабов бедствия, с любопытством принялись разглядывать, как по послеоперационной палате плывут коробки от лекарств, листы историй болезни и чья-то левая тапочка.

– Ого! – восхитился я. – Прямо как в Венеции! Николаша, тебя когда-нибудь на гондоле катали?

Николашина принялась в ответ хохотать особым смехом женщины, лично знакомой не с одним гондольером.

Но через минуту воды стало по щиколотку и шутки кончились.

– Так, Ольга, быстро беги и скажи Климкиной, чтобы больных на аппаратах в первый блок перевозили! – забеспокоился я.

Та на хорошей скорости, рассекая волны словно глассер, умчалась по направлению к ординаторской. Действительно, не хватало еще, чтобы аппараты замкнуло.

А я стал пробираться вперед. Надо бы разуться и подвернуть штаны, да уже поздно. В коридоре у эндоскопии вода доходила почти до сидений привинченных к полу кресел. Когда я свернул в холл, передо мной открылась потрясающая панорама. Таким количеством воды можно оросить все засушливые, пустынные и целинные земли разом. Из распахнутых дверей конференц-зала навстречу ко мне неслись стулья, лавки, столы. Воды здесь было уже по колено. С трудом преодолевая течение, я начал двигаться вперед, но тут боковым зрением отметил какое-то шевеление на лестничном пролете.

Я даже не сразу узнал Маргариту Николаевну, которая, вцепившись в перила, пыталась подняться на второй этаж, а обрушивающиеся сверху потоки воды сбивали ее с ног. Помощь в моем лице пришлось весьма кстати.

– Леша! – видимо, от стресса назвав меня правильно, чуть не плача воскликнула Маргарита. – Что происходит, где же это прорвало?

– Не знаю, но думаю, что где-то рядом! – прокричал я. – Слышите, как шумит?!

Лавируя между проплывающей мебелью и стараясь не отпустить друг друга, мы добрались до дверей конференц-зала. И точно, у дальней стены красиво бил в потолок здоровенный фонтан, придавая всей картине некоторое сходство с Женевским озером.

Тут сзади раздалась взволнованные голоса, шум, всплески – это к нам стали прибывать люди, вернее подплывать. Диализная сестра Наташка, обе сестры из послеоперационной палаты, а от нашего отделения – Лариса Анатольевна Климкина и почему-то Николаша. Я был уверен на все сто, что она уже со своим травматологом и тот вдохновенно помогает ей расстаться с честью в очередной раз. Нет, гляди-ка, вернулась. Вот плохо мы знаем друг друга.

– Ничего себе! – произнесла Лариса Анатольевна, держась за косяк, чтобы не унесло течением. – Сейчас же лифты замкнет!

– Сейчас все замкнет! – с апокалиптическим восторгом пообещал я. – И пол обрушится!

Словно в подтверждение моих слов, откуда-то снизу, со стороны лестницы, раздался вопль:

– Да что же это такое, сделайте что-нибудь! У меня больных в диагностике заливает! Воды по колено! Ливень с потолка!

Вопли означали, что вода прорвалась в приемный покой.

Мы быстро распределили роли. Лариса Анатольевна вызвалась звонить дежурному администратору, чтобы тот связался с городом для закрытия больницы. Одна из послеоперационных сестер понеслась успокаивать своих больных, которые уже входили в роль Ихтиандров. А Маргарита Николаевна сказала, что сама побежит во второй цех, где находились все наши технические службы.

– А ты, Лешенька, очень тебя прошу, не уходи, посторожи здесь пока!

И что же я, интересно, буду здесь сторожить? И от кого? Чтобы оставшиеся стулья мародеры не украли?

Со мной за компанию решила остаться Николаша и две медсестры – диализная и послеоперационная.

Прекрасно, вот так и будем тут стоять, пока и правда пол под нами не провалится. Сторож ручья Леша Моторов со своими тремя няядами.

– Девчонки, чешите-ка вы лучше в отделение и залейте, куда только можно воды! – приказал я, входя в роль старшего. – А то когда перекроют, ни умыться нельзя будет, ни в туалет сходить!

И остался один. Только сейчас я почувствовал, как же холодно! Даже ноги перестали двигаться – так их свело. Я взгромоздился на подоконник, разулся и стал ждать. По моим подсчетам, воду должны были перекрыть минут за десять. Пять минут бежать до второго цеха и еще пять минут для решительных действий.

Но время шло, фонтан не ослабевал, а вопли снизу, справа и слева не утихали. Вместо слесарей появилась Николаша, прекрасная, как Биче Сениэль. Она мужественно, по пояс в воде, добралась до меня и уселась рядом. Мы с ней сидели, дрожали, курили и стряхивали пепел в воду. Сегодня наш конференц-зал вполне сгодился бы для сдачи норм ГТО по плаванию.

– А ты знаешь, Николаша, что из всех возможных катастроф самое большое количество жертв всегда при наводнениях? – решив блеснуть эрудицией, поведал я. – Когда разливается Янцзы, бывает, что гибнет по нескольку миллионов китайцев!

Николаша уважительно хмыкнула. Мы бросили свои окурки, проследив, как они меньше чем за секунду наперегонки умчались в сторону лестницы.

Тут в холле опять возникла взволнованная Маргарита Николаевна.

– Ребятки, молодцы, что сидите! – похвалила она нас.

Как будто от нашего сидения была хоть какая-то польза. Я давно заметил, что одно только чье-то присутствие подбадривает сильнее, чем эффективные и грамотные действия.

– Представляете? – поделилась Маргарита со мной и Николашей. – Прибегаю я во второй цех, а там все наши слесаря и электрики пьяные! Совсем!

Чего же не представлять, очень даже хорошо представляю. В нашей стране освобожденного пролетариата гегемон только и делает, что празднует это свое освобождение вот уже почти семьдесят лет.

– Пришлось городскую аварийную службу вызывать, обещали срочно прибыть, все-таки мы больница!

И точно, не успела Маргарита договорить, как фонтан стал на глазах слабеть, чахнуть, пока и вовсе не захирел.

Сразу стало тише.

За считанные минуты уровень воды спал на три четверти. Остальную мы несколько часов вычерпывали ведрами. Маргарита Николаевна, Лариса Анатольевна, обе послеоперационных сестры, я и Николаша. А на первом этаже с шумом и чавканьем работала помпа.

Посреди конференц-зала на мокром стуле сидел больничный слесарь Юра и с любопытством наблюдал за нашей работой. Он был пьян в дугу, курил и периодически заводил долгие разговоры сам с собой.

Когда мы закончили и я пошлепал в отделение отпаиваться горячим чаем, Маргарита Николаевна окликнула меня.

– Леша, ты тогда про свои курсы массажа говорил, – улыбнулась она. – Как будешь дежурить, загляни ко мне в кабинет!

Спустя некоторое время в моей трудовой книжке появилась запись, датированная восемьдесят шестым годом:

ЗА ПРОЯВЛЕННУЮ ВЫДЕРЖКУ,
ОПЕРАТИВНОСТЬ И САМООТВЕРЖЕННОСТЬ

ПРИ ЛИКВИДАЦИИ ПОСЛЕДСТВИЙ АВАРИИ ОБЪЯВЛЕНА БЛАГОДАРНОСТЬ.

Пару раз кадровики, обнаруживая сей текст, начинали проявлять интерес: что же за авария такая? На это я всегда с укоризной качал головой: «Неужели забыли, какая авария произошла в восемьдесят шестом?» Они сразу виновато потупляли взор, а потом смотрели на меня украдкой с выражением уважения и жалости. Хотя Чернобыльская катастрофа разразилась тремя месяцами позже.

Я не фаталист.

Однако уверен, что любое событие или действие, даже совершенно случайное и ничтожное, может привести к непредсказуемым и грандиозным событиям. О таком полно всего написано, неохота даже повторяться.

Также не считаю себя невезучим. Видел я настоящих неудачников, за ними не угнаться. Но все же общая тенденция была.

Вот мне шесть лет. Идет в лагере игра «Зарница». Обе наши пионервожатые вырезают из красной бумаги погоны, а из желтой – звезды, приклеивают звезды к погонам и пришивают во время тихого часа нам на рубахи. В палате я один не сплю, подглядываю – уж очень хочется получить самую большую звезду. Почему-то именно на мне желтая бумага заканчивается, и во всем лагере я – единственный рядовой среди майоров, лейтенантов и капитанов.

Приезжает из Италии отец одноклассника Сашки Кузнецова, тот на радостях выносит во двор мешочек с красивой разноцветной жвачкой. Все чинно выстраиваются в очередь, Сашка, шурша пакетиком, с важным видом раздает. И когда остается последний шарик, самый красивый, в виде футбольного мячика, а я единственный, кому еще ничего не досталось от Сашкиных щедрот, он вдруг засовывает этот чудесный мячик себе в рот, смотрит на мою протянутую руку и в недоумении пожимает плечами. Мол, он и сам не знает, как так получилось, и быстро скрывается в подъезде.

Во втором классе ужас как захотелось гэдээровский автомат, миниатюрную копию «Калашникова», который продавался за четыре рубля на первом этаже нашего дома, в магазине «Тимур». Три месяца копил деньги, кланчил по двадцать копеек. Накопил, пришел, уже чувствовал тяжесть автомата в руке, а мне говорят: «Последний продали сегодня, мальчик, где же ты раньше был, мы ими целый квартал торговали!» Я не сдался, засунул деньги в варежку, сжал их крепче в кулаке, сел на метро, добрался до большого «Детского мира», долго искал, нашел! Радостный, побежал платить. А путь мой пролегал мимо центрального входа.

Там всегда давка была. Одна толпа входила, другая выходила, перемешивая ногами бурю грязь таявшего снега.

И только я разглядел впереди кассу и сорвал варежку в счастливом предвкушении, меня кто-то толкнул, я оступился, варежка перевернулась, и все двугривенные высыпались в это болото, которое с довольным чавканьем проглотило мои четыре рубля. Я долго ползал у людей под ногами, шаря окоченевшими руками в холодной густой жиже, пытаюсь спасти утонувшие монетки. Меня толкали, ругали, отдавили все пальцы. Я ковырялся там с час, если не больше, но собрал только рубль с мелочью.

Ну и потом – в том же духе. Взять хоть работу в больнице. То на народную дружину от отделения заставят выходить, хулиганов ловить, как самого крайнего, то в дни экзаменов суточных дежурств налепят, то лопатой снег с эстакады поручают зимой сбрасывать, будто я дворник.

Поэтому я несколько не удивился, когда узнал, что в политике поступления на массажные курсы произошли очень серьезные изменения.

Маргарита Николаевна при мне из своего кабинета позвонила по секретному телефону и вежливо, но с особым нажимом произнесла, что ей для одного мальчика НАДО получить в этом году путевку. Дальше, по мере разговора, по отрывочным словам и выражению лица главной сестры я понял, что путевка будет, но случилась какая-то лажа.

Действительно, чиновница заверила, что путевку даст, коли сама Маргарита Николаевна хлопочет.

Но добавила:

– Мальчику вашему нужно держать экзамен, который будет проходить через неделю. И почему вы так поздно, уже три месяца как все готовятся!

Оказалось, что больницы и поликлиники стали заваливать все инстанции жалобами на блат при распределении мест на курсах. Было решено количество путевок не ограничивать, давать всем желающим, чтобы те подавились.

Зато ввели жесткий письменный экзамен по анатомии и сократили на треть число мест для студентов. Постановили принимать раз в полгода группу из двадцати человек. И первая двадцатка московских массажистов должна быть сформирована через неделю.

Чиновница уверяла, что рада бы помочь, но результаты экзамена будет проверять специальная комиссия, к которой она лично не имеет никакого отношения.

– Ну что, Сашенька? – с сомнением посмотрела на меня Маргарита. – Успеешь за неделю подготовиться?

– Успею, Маргарита Николаевна! Неделя – большой срок! – бодро ответил я.

Зачем ее расстраивать, что у меня на этой неделе три суточных дежурства.

Я стал штудировать анатомию с рвением чернокожего легкоатлета, переборщившего с допингом. Дошло до того, что почти перестал спать, в том числе и после дежурств. Учил в транспорте, в очередях и даже в лифте. В момент любой паузы на работе, включая перерывы на обед и ужин. Приставал с вопросами к нашим уже подзабывшим институтский курс анатомии врачам, которые, заведя меня, начинали шарахаться в сторону, как от заразного.

Дома я забывал про еду и перекуры. Ночью, когда засыпали домашние, мы с Леной садились на кухне, и она проверяла по учебнику мои познания.

Как бы там ни было, но на пятый день я чувствовал себя полностью готовым.

В воскресенье я приполз с суточного дежурства, наповторялся пройденного так, что у меня разболелась голова. И даже пораньше лег, чтобы завтра со свежими силами сдавать экзамен.

Я проснулся утром в понедельник с температурой тридцать девять, с разламывающейся головой и ватными ногами. Вокруг меня колыхался горячий воздух. Первый и самый хреновый день гриппа. В прихожей мне еле удалось одеться, руки не слушались.

Не пойти на экзамен нельзя, другого шанса не будет, это точно. Хватит быть мальчиком, у которого высыпались деньги из варежки.

Не помню, как доехал из Тушина до Беляева, как потом ехал на троллейбусе, как шел пешком.

Помню лишь, когда я вошел в училище и свернул к аудитории, то поразился, какая здесь толпа. И впрямь дали путевки всем желающим. Они стояли и заламывали в волнении руки. Права Томка Царькова – аферисты, наглые рожи! Три месяца зубрят, приезжают здоровенькие и еще переживают. А мне хуже, чем Павке Корчагину в тифозном бараке!

С час нас мариновали, потом объявили, что абитуриентов очень много, поэтому экзамен будет проходить в несколько этапов, согласно спискам и расписанию. А результаты будут вывешены здесь же в следующий вторник.

С трудом – все двоилось перед глазами – я нашел себя в списках. Моя группа приступала к экзамену в шесть вечера. Это означало, что надо где-то перекантоваться часов этак восемь.

Смутно помню, чем я тогда занимался, кажется, сначала спал, сидя на подоконнике, потом вроде выполз на улицу, несколько раз пил воду из крана в туалете. В холле продолжала шуметь толпа абитуриентов, обсуждая текущий экзамен и вопросы, что достались выходящим. Я и не пытался вслушиваться, так плохо соображал. Вдобавок с голодухи стала ныть язва, но у меня не было ни сил, ни денег пойти куда-то поесть. О том, чтобы ехать домой, даже думать не хотелось. Я бы не вернулся.

Наконец нас запустили, раздали вопросники. С превеликим трудом я силился вникнуть в написанное и с еще большим трудом вписывал ответ в тестовое окошко. Помню только, что сдал листочек и вышел первым. Казалось, еще три минуты – и я прямо за столом окочурюсь. В коридоре еще толкались абитуриенты, кто-то из них о чем-то стал спрашивать, но быстро отстал.

Только получив свое пальтишко в гардеробе, я обратил внимание, что списки кончались цифрой триста шестьдесят. Нехило. Восемнадцать человек на место. Почти как в МГИМО.

Шесть дней я болел от души. На седьмой выздоровел и пошел на сутки.

Был понедельник, значит, завтра будет вынесен вердикт. Честно говоря, я слабо верил в счастливый исход.

Видя, как я маюсь, наш врач-лаборант Фингер предложила:

– Лешка, у меня в этом училище работает хорошая знакомая. Ну хочешь, я ей позвоню после обеда? Наверняка твоя оценка уже известна.

– Конечно хочу, Людмила Геннадьевна, сделайте доброе дело! – воскликнул я.

Кому охота тащиться после суток в Коньково, да еще заранее представляя негативный результат...

Было около пяти, я проносился по коридору, когда на тумбочке около пульта зазвонил телефон.

– Реанимация слушает! – засевшим в кровь паролем выпалил я.

– Будьте добры Людмилу Геннадьевну! – отозвался телефон приятным женским голосом.

Я почувствовал, как у меня началась бешеная тахикардия. И, с трудом переведя дыхание, максимально спокойным голосом наврал:

– Людмила Геннадьевна отошла в другой корпус, могу ли я ей что-нибудь передать?

– Да, передайте, пожалуйста, что все в порядке. ЕЕ МАЛЬЧИК ПОСТУПИЛ!

– Огромное вам спасибо! – завопил я.

Теперь вдобавок и в голове застучало.

– Да пожалуйста! – удивленно ответил голос. – Вы только передать не забудьте!

– Передам, обязательно передам! – Мои заверения звучали искренне. – Еще раз спасибо!

Я издал победный клич, лихо прищелкнул пальцами и, опустившись на колено, послал воздушный поцелуй Тане Богданкиной, которая вышла на шум.

Та, выразительно покрутив пальцем у виска, снова скрылась в блоке.

Когда на первом занятии нам раздали экзаменационные работы, у меня на пятьдесят ответов оказалась одна ошибка. Абсолютно дурацкая.

Моя жизнь в кино, «еврейская рожа» и магия числа 7

Многие только тем и занимаются, что всю жизнь ноют. И детство, видите ли, у них было обделенное лишь потому, что бумажные погоны не те пришили да игрушечный автомат купить не удалось, и юность полна лишений по той причине, что институт не сразу свои двери распахнул. И зрелость убогая, без общественного признания – из-за того, что всего-то пару раз, причем по-человечески, попросили побросать лопатой снежок с эстакады. Ходят, стонут, на всех разобиженные, можно подумать – самые бедные-несчастные.

Слава богу, я не такой. Нет, конечно, и у меня не все гладко, но покажите человека, у которого жизненный путь ровный и блестящий, как серебряное блюдо. Не найдете.

А мне грех жаловаться.

Пойдем с раннего детства. Пока все мои сверстники сидели за заборами в своих коклюшечных детских садах и там над ними измывались полуграмотные няньки и воспитательницы, я жил как у Христа за пазухой на нашей фамильной даче – с бабушкой, в компании своих двоюродных сестры и брата. Нас там не шпыняли, не гоняли, не докучали воспитанием. Да можно сказать, вообще не воспитывали.

Только обучали самым необходимым вещам. Молиться Богу, чистить зубы, читать, играть в шахматы, жевать жвачку, держать правильно ложку, лепить снежную бабу говорить слово «сволочь» с миллионом интонаций, ловить блох у кошки, играть на гитаре, поливать огород из лейки, петь хором, зажигать спички, слушать Вертинского и опять молиться, только уже на ночь.

А когда я все это постиг, уже было не страшно вытолкать меня в самостоятельную жизнь. И конечно, я там не пропал.

Первый раз на сцену с гитарой я вышел в пять лет. А в шесть, в пионерлагере, мое выступление произвело настоящий фурор, что позволило мне сразу стать знаменитостью даже среди старших отрядов.

В третьем классе я получил свою первую, но, правда, предпоследнюю почетную грамоту, в четвертом победил в школьном конкурсе политического рисунка, разоблачавшем хунту генерала Пиночета. В пятом классе выиграл районную историческую олимпиаду, в шестом – географическую. В седьмом занял первое место в общешкольной викторине «Знаешь ли ты биографию В. И. Ленина?», и в том же году одна девочка в пионерлагере «Березка» пригласила меня на белый танец.

А с восьмого класса, когда я начал ездить в другой лагерь – под названием «Дружба», так там вообще началась сплошная полоса счастья.

И после школы – пусть некоторые говорят, что в институт не поступил, да к тому же слишком рано женился, зато жена красавица и сынок Рома хороший и смешной, белая голова. А что работа тяжелая – так я это сам выбрал, зато при деле состою и человек в нашем отделении не самый последний. Не случайно из всей кучи народа меня практически одного отобрали, чтобы в кино снимать.

Самое интересное, что я здесь не дебютант зеленый, у которого поджилки трясутся, а человек искушенный, познавший, так сказать, тернистый путь в мир киногорез.

Впервые я попал на экран, когда переходил в третий класс. Тогда в пионерский лагерь «Орленок» прикатил целый автобус с киношниками. Два дня они отбирали по всем отрядам детей, а потом приступили к съемкам.

По их замыслу я, вооружившись духовушкой, должен был бежать по футбольному полю наперегонки с другим мальчиком из нашего отряда, Вовкой Булеевым. Нам объяснили задачу: во весь опор нестись с ружьями наперевес до поворота, который заботливо обозначили крас-

ным флажком. Там повернуть, не сбавляя темпа, вернуться к исходной точке и только тут остановиться.

Я сразу смекнул, что могу попасть в историю. И опозориться просто не имею права. Поэтому когда киношники наладили камеру, свет и кто-то заорал в мегафон: «Мотор!», а наш вожатый Слава Сердечкин завопил: «Побежали!», я рванул с места так, что только пятки сверкали. Не хватало еще, чтобы все увидели, как меня обгонит Вовка!

Напрасно я беспокоился. Булеев отстал сразу, а на повороте он поскользнулся и шлепнулся на землю, как дурак, вдобавок ко всему выронив ружье. Правда, я этого не видел, мне потом ребята рассказали. Я, пока бежал, только перед собой смотрел.

Режиссер нас похвалил, а Вовка Булеев до конца смены со мной не разговаривал. Как будто я виноват, что он бегать не умеет.

На следующий год, когда меня снова отправили в «Орленок», в клубе нам всем показали снятый фильм. Оказалось, это такое документальное кино о том, как хорошо детям живется в разных пионерских лагерях Подмосковья. Наш «Орленок» показывали минуты две. А сцену с моим участием – так вообще прокрутили за пять секунд.

Я бегу с винтовкой, подбегаю к столу, кладу винтовку и снимаю противогаз. Забыл сказать, что я там почти весь эпизод в противогазе. Не потому, что отличаюсь каким-нибудь необычайным уродством, нет, у меня все как у всех. Просто мы изображали игру «Зарница», которая, кстати, тогда была неделей раньше. Так что мое лицо показывали и вовсе полторы секунды.

Но мой друг Миша Кукушкин меня узнал. И еще одна девочка из отряда. И Вова Булеев тоже узнал. И опять со мной разговаривать перестал. Его даже не показали, вырезали, как потом объяснили знающие люди.

Прошло семь лет, и советский кинематограф проявил ко мне интерес во второй раз. Как ни странно, тогда я тоже был в пионерском лагере. Нашей «Дружбе» исполнялось двадцать лет, и под это дело завхоз Лев Маркович Генкин предложил снять фильм к юбилею и договорился с кинофотоотделом института, откуда приехал мужик с камерой – оператор и режиссер в одном лице.

Киноотдел медицинского института в основном только тем и занимался, что снимал разные учебные фильмы для студентов. Например, как правильно производить вскрытие, ампутацию или кесарево сечение. Вот почему этот мастер жесткого реализма сначала растерялся, не зная, что ему делать с полутора сотнями живых и здоровых пионеров. Но за пару дней, проведенных на природе, он освоился и начал потихоньку снимать. Именно потихоньку, так как его совсем не было видно. И уж тем более он не орал такие слова, как «Камера!» или «Мотор!».

День примерно на пятый, после того как были отсняты футбол и танцы в столовой, он зашел к нам, музыкантам ансамбля, на репетицию в клуб и, смущаясь, поведал свою горестную историю, которая мне чем-то напомнила сказку Аксакова «Аленький цветочек».

Оказалось, что у него две дочери. Старшая – вполне обычная, в институте учится, все с ней нормально, ни забот ни хлопот. А младшая всю дорогу что-нибудь придумывает, фантазирует, и желания-то у нее какие-то необыкновенные. Вот, к примеру, в сентябре ей исполнится шестнадцать, тут бы попросить в подарок что-нибудь реальное, что хотят все нормальные девушки. Наряд какой-нибудь, джинсы там, сапоги, пальто. Так нет, придумала, чтобы ей нашли песню, и не просто нашли, а записали. Потому как ни на одной пластинке ее нет, уже проверено. А песню она услышала в прошлом году, когда они всем семейством ехали на юг и кто-то невидимый в соседнем купе пел ее под гитару. И кроме той песни ничего не хочет. А где ее взять, бедный работник учебной киностудии понятия не имеет. Да и слов-то толком, включая саму младшую дочь, никто не знает. Кроме двух строчек:

Я хочу целовать песок,

По которому ты ходила.

Тут мы все загоготали, как по команде. И, отсмеявшись, объяснили причину смеха удивленному режиссеру-оператору. Это был прошлогодний лагерный хит, от которого всех уже тошнило. В нынешнем сезоне его, слава богу, не исполняли за отсутствием подходящих солистов.

Посоветовавшись, мы, можно сказать, насильно затащили в клуб первую попавшуюся пионерку старшего отряда Светку Антипову, попутно пообещав ей славу Розы Рымбаевой.

– Светка, – сказали мы ей, – ты всю дорогу себе под нос что-то напеваешь, сделай то же самое, только в микрофон!

По окончании короткой репетиции счастливый отец снял данный шедевр на камеру. Предупредил, правда, что на экран песня не попадет, не пионерского она формата, начальство не пропустит.

– Дочке вот только покажу, – говорит, – порадую, а то целый год как неприкаянная!

Никто, разумеется, возражать не стал.

А через два дня, когда мы шли курить на наше секретное место, он подошел, посмотрел на всех внимательно и почему-то обратился ко мне:

– Хочешь, парень, в эпизоде тебя сниму? У меня по сюжету пацан маленький в лесу заблудился, вот ты его как будто и найдешь! Соглашайся, роль геройская!

Я, конечно, согласился, дураков нет отказываться, тем более когда роль геройскую предлагают.

Оператор тогда попросил нас сделать факелы и раздобыть для них бензина, потому что по сценарию в этом эпизоде должна быть ночь. Факелы мы быстренько соорудили из палок и старых консервных банок. А солярку слили у трактора, который уже неделю стоял у главных ворот, его, видимо, колхозники по пьянке потеряли.

Съемки заняли две минуты, и мы пошли по своим делам, куда собирались ранее, то есть на перекур.

Премьера состоялась через несколько месяцев, во время профсоюзной конференции Первого медицинского института. Весь наш ансамбль к началу опоздал, ждали, как всегда, басиста Вову, пока он час прихорашивался. Когда наконец удалось пробраться в зал, оказалось, что фильм начался, уже показывали эпизод с футболом, где сборной пионеров противостояла парткомовская комиссия во главе с ректором. И когда я плюхнулся на свободное сиденье, на экране ректор института Владимир Иванович Петров как раз лихо пнул по мячу лакированным ботинком.

Мы, конечно, ржали, шумели всякий раз, когда видели знакомые лица, сказать по правде, они все были знакомы. На нас стали оборачиваться и шикать профсоюзные делегаты, видимо, смех сбивал их с делового настроения. Как вдруг...

Как вдруг показали сцену в клубе, нас на этой сцене и то наше выступление по просьбе оператора.

Режет ливень наискосок,
Рыжий берег с полоской ила.
Я хочу целовать песок,
По которому ты ходила...

Исполнение было ужасным, Светка совсем не умела петь в микрофон, невероятно фальшивила, а мы, все скопом, были похожи на полных дурачков! Почему эта песня попала в фильм, непонятно. Видимо, благодарный, выполнивший дочкин наказ оператор отстоял ее перед начальством.

Фильм шел еще минут десять, я подивился, как в том эпизоде, где нахожу паренька, получилась такая темная ночь и густой лес, хотя снимали перед полдником около нового корпуса. Искусство творит чудеса.

И вот снова минуло семь лет, и я в третий раз понадобился нашей киноиндустрии. Только завершилось мое феерическое поступление на массажные курсы, до начала занятий оставалось около двух недель. Был февральский вечер, уже давно стемнело, когда я добрался до квартиры в Тушине.

Дверь открыла Лена и с порога сообщила, что несколько часов назад меня дважды разыскивала Тамара Автандиловна с работы, которая потребовала, чтобы я с утра был в отделении.

Я очень удивился, завтра был выходной, хотя, сказать по правде, у нас предполагалась процедура оповещения на случай катаклизмов, войны и прочего. Но, как пояснила Лена, дело тут совсем не в войне, а в том, что я снимаюсь в главной роли в фильме про любовь. И первые съемки – завтра. По всему было видно, что она до сих пор под впечатлением от разговора с Томой Царьковой. Ну еще бы!

– Здравсьте, мне Лешу Моторова! Как нет дома, а где, интересно, он шатается? Понятненько, значит, спать после дежурства он не хочет, аферист! Так, девочка, ты кто, Лешкина жена? Как тебя зовут? Лена? А меня Тамара Автандиловна, я у твоего Лешки начальник. В общем, передай ему, чтобы он завтра к девяти, постиранный, наглаженный, был на работе! Я договорилась, он будет сниматься в главной роли в фильме про любовь! Пусть мне деньги за это платит, наглая рожа! Ну все, пока!

Минут через двадцать она перезвонила:

– Что, не пришел до сих пор? Вот придет, спроси его, скотину, где шляется! Интересно, что он тебе наплетет? Да, чуть не забыла, пусть побреется, а то вечно ходит как чучело!

Я попытался дозвониться до Царьковой, но это был дохлый номер. Все знали, что, если ей звонить после восьми, в лучшем случае не подойдет, в худшем – облает.

– Кто мне вечером позвонит, тот мой враг номер один! – так обычно заявляла Тамарка. Она очень рано ложилась спать, чтобы явиться на работу к шести.

Без четверти девять я был в отделении. На полу «шокового» зала стояла здоровая камера, горели прожектора, а в гараже перекуривала съемочная бригада. Они-то все и объяснили, попутно одоблив мою кандидатуру.

Фильм назывался «Мгновения вечности» и был не про любовь, а про жизнь и смерть. И не художественный, а документальный. В нашем отделении они собирались отснять моменты, когда человек оказывается между этих двух основных систем координат.

Им очень нужно было показать момент реанимации или, на худой конец, как больного в критическом состоянии доставляют с улицы.

– У нас командировка на две недели. Нам сказали, что у вас веселее, чем в Склифосовского. За две недели отснимем?

– У вас к ужину пленка кончится! – заверил я киношников и пошел ловить Царькову.

Пятиминутка, судя по шуму голосов, закончилась.

– Слушай, аферист, откуда я знала, что фильм не про любовь? Сам же говоришь, какое там у них название? «Мгновения вечности»? Вот! Конечно, я сразу подумала, что так только про любовь назвать могут. Да сам ты дубина! Еврейская рожа!

Надо сказать, чем теснее становились мои отношения с Тамаркой, тем больше мы с ней ругались, причем оба от этой ругани получали большое удовольствие.

В такие минуты Царькова, давно распознавшая наметанным глазом генный материал, оставленный дедом Яковым, называла меня уже не «наглая», а «еврейская рожа», подчеркивая мою индивидуальность. А я, чтобы не отставать, говорил ей, что она абхазская дубина. Тамарке ее новое прозвище даже нравилось.

Как-то она шла по коридору и вопила, по обыкновению:

– Где ты, Моторов? Ну только попадись мне, дубина!

Потом остановилась и задумчиво сказала обступившим ее сотрудникам:

– Что-то я запуталась, это же я дубина, а он – рож!

Однажды она с этой «рожей» чуть не допрыгалась. Заместителем главного врача по хирургии у нас работал невероятно важный мужик по фамилии Френкель. Раньше он занимал большой врачебный пост в обществе «Спартак» и к нам был переведен, видимо, с понижением. Он не любил подолгу говорить с нашими врачами, те его подавляли своей эрудицией.

Вот, к примеру, подходит он к Татьяне Александровне Жуковской и задает невинный вопрос о том, что обнаружилось на вскрытии у недавно умершего больного с панкреонекрозом. Почему бы не сказать бывшему спортивному врачу, что на вскрытии диагноз некроза железы подтвердился, а причина смерти обусловлена сердечно-сосудистой недостаточностью, и дело с концом.

Ну уж дудки! Татьяна Александровна начинает употреблять всякие слова, типа: полный аутолиз, колликвационный некроз, энзимная агрессия, ателектаз, баллонная дистрофия, секвестрация, дистресс-синдром. И так полчаса.

Вот почему Френкель стал совершать обход в нашем отделении рано, в начале восьмого. Тогда заканчивающие суточное дежурство врачи не столь красноречивы.

В тот раз во втором блоке находился только я, доктор Мазурок еще спал, пришлось самому коротко, по-солдатски, отрапортовать без лишнего выпендрежа, сколько за сутки поступило больных хирургического профиля, какие оперативные вмешательства проведены и каково послеоперационное течение.

Френкель, весьма довольный моим докладом, пошел к первому блоку, а я тем временем решил сбегать одолжить там же простыней.

И только я неслышно пристроился за могучей френкелевской спиной, как тут из своего кабинета нарисовалась Тамарка. Она встала посреди коридора, уперев руки в боки, поза ее не предвещала ничего хорошего.

Завидев ее, Френкель кивнул. Та небрежно кивнула в ответ и, заметив мою голову из-за его плеча, истошно заголосила:

– Вот только в коридоре тебя и вижу, аферист! Чем просто так здесь мотыляться, ЕВРЕЙСКАЯ РОЖА, занялся бы в кои-то веки делом!!!

И, стремительно повернувшись, скрылась в кабинете, мощно саданув дверью.

Френкель остановился. Вернее, остолбенел. Я уже говорил, что он был очень важный. Но тут он растерялся.

Я бесшумно юркнул во вторую дверь блока, а сам украдкой, в щелочку, стал подсматривать. Френкель медленно обернулся. И естественно, никого не увидел. Тогда он застыл в глубокой задумчивости. Сделал несколько шагов вперед. Потом опять остановился. Я понял, что он размышляет, идти ли ему разбираться или нет.

Постояв так с минуту, Френкель решительными шагами направился в холл, откуда был выход на лестницу и на первый этаж.

Вскоре он уволился из больницы и, как рассказывали, уехал в Израиль. Не исключая, что последней каплей, которая довела его до эмиграции, были слова Тамары Царьковой.

Тогда, кстати, я сразу поведал Томке о комедии положений, в очередной раз обозвав ее дубиной, но Царькова лишь отмахнулась.

– Ты уж совсем его за дурака принимаешь, скотина! А то он не знает, кому я так могу сказать. Пошли лучше покурим!

Киностудия «Киевнаучфильм», приехавшая на съемки, была мной горячо любима и уважаема. Помимо захватывающих неигровых фильмов, эти киевляне снимали потрясающие мультфильмы про Алису, капитана Врунгеля и доктора Айболита.

Нас попросили, когда наступит подходящий момент, вести себя естественно, не тушеваться, не замирать, забыть про камеру, просто делать свое дело.

Вот чего у меня не было, так это скованности. Наоборот, я чувствовал в себе полную свободу и непринужденность, которая и отличает настоящую кинозвезду от простого смертного.

– Томка, а почему я снимаюсь, что у нас, народу мало? – спросил я Царькову, когда она налепила мне чудовищное количество суточных дежурств на эти две недели съемок.

– Ты чего, Леха! Я что, по-твоему, Караеву должна была поставить? Ее же за каталкой не видно! Или, может, Мартынову? Да она своей жопой пол-экрана загородит! Ты же знаешь, у нас кто умеет работать, у того ни кожи ни рожи! Без слез не взглянешь! А те, кто еще ничего, совсем безрукие, они и так не умеют ни черта, а перед камерой и подавно!

Интересно, а я в какую категорию у Томки вхожу? Видимо, в промежуточную.

– Ну а ты сама, Тамарка, – все не унимался я, – ты-то почему не хочешь стать звездой, этот фильм потом миллионы увидят!

– Нет уж, Лешечка, – серьезно сказала Тамара, – если меня снимать начнут, я прямо там же со страху обделаюсь!

Но в следующий раз я заметил, что она пришла по-особому нарядная и накрашенная.

А я ходил в идеально отглаженном халате, ни морщинки, ни складочки. Мне даже садиться не разрешали. Это чтобы на экран попасть человеком и не опозорить родное отделение. В сестринской в те дни наготове стоял уют, и если где-нибудь мой халат заминался, его срочно переглаживали. А через пару дней кто-то додумался в «шок» повесить на плечики еще один – запасной.

Роли мы распределили так. Когда поступит больной, в предбаннике нужно быстро срезать ему одежду и моментально перетащить на койку в «шок». А там – по ситуации. Если пойдет настоящая реанимация, я начну качать, а кто-то из докторов при необходимости дефибриллировать. Подключичку доверили мне как большому специалисту, а интубировать – доктору, но так как на всю страну показывать, что медбрат катетеризирует центральную вену, нельзя, решено было допустить до съемок еще одну сестру, а меня выдать непонятно за кого. За какого-то боевого фельдшера. Сестра в этот момент подойдет и вставит кончик уже заряженной капельницы в канюлю катетера, попутно закрепив его.

Вот на эту роль назначили Тамару Царькову. Заодно ей доверялась процедура измерения давления. А мне надлежало присоединить больного к монитору и закрепить интубационную трубку. Потом врач приступит к аускультации. В общем, на экране все должно было получиться максимально натуралистично и вместе с тем впечатляюще.

Осталось дожидаться подходящего пациента.

Те, кто работал в настоящей реанимации, знают главную прелесть этого отделения. Никогда не известно, что случится в следующую минуту.

Понятно, что и в реальной жизни тоже никто не представляет, что ожидает нас в ближайшем будущем. Но когда ты работаешь в таком месте, где сходятся несчастья, произошедшие в огромном секторе гигантского города, уж точно ничего нельзя ни спланировать, ни предугадать, а готовиться всегда нужно к худшему.

Таких двух недель, как те, что провели у нас киношники, не было никогда, ни до, ни после. НИ ОДНОГО ПОСТУПЛЕНИЯ С УЛИЦЫ. Ни одного вызова на этаж. И это в открытой для поступлений больнице скорой помощи, да еще зимой!

Киношники маялись, снимать рутинные поступления больных из операционной им было не с руки, а других вариантов не имелось. Они стали жить в больнице, в помещении опера-

ционной напротив «шока», куда им принесли матрасы, чтобы они могли снять поступление ночью или рано утром. Но и ночи были – сплошная тоска.

Дошло до того, что Суходольская позвонила на центральный диспетчерский пульт «скорой» и попросила больных в критическом состоянии везти только в реанимацию Семерки. «Передайте вашим бригадам, что примем всех, даже трупы!» – заверила Лидия Васильевна.

Никакого эффекта.

Я одурел от безделья, целые сутки напролет играл с киевлянами в кости, травил байки, а они научили меня петь нескладухи.

Из-за леса выезжала
Паровозная труба.
Здравствуйте, товарищ Сталин!
Я щекотки не боюсь.

Или:

В Ленинграде дождь идет,
А в Одессе сухо.
Здравствуй, милая моя,
Бабах с пистолета.

А вот еще:

Шел по лесу колобок,
Красной армии боец.
Ну и пусть себе идет,
Может, там его гнездо!

А поступлений так и не было, и камера в «шоковом» зале ржавела без дела. Все только и делали, что обсуждали невиданную паузу в работе, а Кимыч, лежа на диване, с важным видом рассказывал, что похожее было в Олимпиаду, но это и без него знали.

Только я догадывался о причине такого странного затишья, но никому не говорил. Просто в нашем подвале заснул Минотавр.

Ну а жизнь шла своим чередом. Необъяснимая ситуация с отсутствием поступлений продолжалась. Конечно, это привело к полному срыву графика съемок. Киношники в последний съемочный день, отчаявшись запечатлеть что-либо путное при участии людей, засняли кучу реанимационной аппаратуры и записали ее звуки. Вечером они ткнули мне под нос ведомость, по которой я получал ни много ни мало девятнадцать рублей сорок копеек. Видимо, это такой тариф для несостоявшихся исполнителей главных ролей.

– Ничего, – утешали они меня, выдавая деньги, – в следующий раз повезет, снимешься!

– Ничего, – утешали съемочную группу, закрывая за ними ворота гаража и провожая их в ночь, – приезжайте еще, в следующий раз обязательно кто-нибудь поступит!

Поезд на Киев отходил в начале пятого.

Закрыв ворота, я направился в буфет вскипятить чайник. И пока брел по коридору при тихшего отделения, принялся неторопливо рассуждать о том, что если учитывать странную семилетнюю цикличность моего участия в кино, можно предположить, что следующим выходом под софиты будет девяносто третий год.

Мне нравилось подчиняться магии числа семь.

Забегая вперед, скажу, что именно так и случилось. В девяносто третьем я попал в документальный фильм «Дом с рыцарями», снятый признанным мастером неигрового кино Мариной Голдовской. Он даже получил приз как лучший документальный фильм Европы. А я и не знаю, показали меня там или нет. Но это было уже в совсем другой моей жизни.

А сейчас не успел я дойти до буфета, как раздался резкий и требовательный звонок с эстакады.

«Наверное, киношники вернулись, забыли что-то», – подумал я и побежал открывать.

Это были не киношники. Это прилетела «скорая». До пересменки мы приняли еще три поступления с улицы.

Минотавр вышел из спячки и стал лютовать. За несколько дней к нам привезли какое-то несметное количество больных. Никто не отдыхал, не болтал, не перекуривал. А в блоках в одну из этих ночей умерли двое наших пациентов. Собственно, в любой реанимации всегда умирают люди, но эти смерти были из разряда тех, что запоминаются надолго.

Первым был пожилой мужчина с сепсисом, у которого после ампутации голени началась пневмония, а дальше пошло-поехало. Он находился у нас не меньше месяца, и у всех остался в памяти даже не он, а его жена. Кажется, весь тот месяц, пока он у нас лежал, эта женщина провела в холле у дверей отделения. Такое впечатление, что она не ела, не спала и жила от передачи до передачи.

За месяц он то улучшался, то снова тяжелел. Иногда нам казалось, что все, мы его вытащили. Но на следующий день он уходил у нас на глазах. Ему устраивали всякие новомодные процедуры, такие как гемосорбция и плазмаферез. Он стал одним из тех, кому я сдавал свою кровь по дежурству.

Той ночью он устал бороться. Получасовая реанимация к успеху не привела.

А под утро встала та девочка, из третьего блока.

Чернильный штамп

С этой девочкой случилась поразительная по своей нелепости история. Настолько абсурдная и несправедливая, что если б кто рассказал, я б не поверил.

Ей было всего девятнадцать, и жила она в маленьком украинском городке. У нее был врожденный порок сердца, кажется, стеноз аорты, вполне компенсированный, с таким можно было жить, лишь немного ограничивая нагрузки. Но она приняла решение и сама настояла на операции, приехав в Москву вместе с матерью. Ей хотелось стать как все, безо всяких ограничений.

Операцию назначили на пятницу. Там все прошло по плану, сделали чистенько, да и первые сутки в реанимации протекали весьма гладко, но Суходольская, которая обычно при каждой возможности переводила больных в профильные отделения, почему-то решила поддержать девочку до понедельника у нас.

– Слабенькая она какая-то, – объяснила в субботу утром свое странное решение заведующая, – да и моча темновата...

– Гемолиз, похоже! – пошутил Орликов. – Небось кардиохирурги иногруппное переливание устроили!

– Типун тебе на язык, Андрюшка! – замахала на него Лидия Васильевна. – Скажешь тоже!

И начала докладывать следующего больного. Она сдавала смену во втором блоке и уходила домой. А Орликова слушать не стала, ну и правильно. Все к тому времени привыкли к его циничному юмору.

Девочка была очень красивая, наверное, самая красивая из всех, кто прошел через отделение за то время, что я здесь работаю. Честно говоря, я и не смотрел никогда на наших больных под этим углом – красивые, некрасивые... Да и какая может быть красота, когда в реанимации люди в таком состоянии, что неподготовленному лучше не показывать. Но эту можно было снимать хоть на обложку журнала «Советский экран».

Она и правда была немного вялая, но в полном сознании, разговаривала, про себя рассказывала. Согласитесь, после такой операции быть бодрой и готовой к труду и обороне как-то странно. Некоторые от банальной простуды две недели в себя приходят, ноют. Так что перемудрила наша начальница, не иначе. Но уж лучше пусть такая красавица полежит на этой койке пару дней, чем очередной алкаш из-под очередной электрички.

В понедельник с утра ее перевели в отделение кардиохирургии, а там решили перелить немного крови, гемоглобин был низковат. Лечащий врач заказал пол-литра третьей группы, той же, что переливали во время операции, тогда, правда, прокапали в три раза больше. Во время операций на сердце это обычная практика.

Но на тарелке обе банки показали плохую индивидуальную совместимость. Тогда доктор не поленился и побежал ругаться в отделение переливания крови, которое располагалось в отдельном корпусе.

Он явился туда с двумя банками, историей болезни и начал с порога качать права:

– Что вы нам кровь какую-то отправляете непонятную! Одну банку совместили – не совмещается, вторую начали совмещать – та же история! Дайте нормальной крови, у меня больная после серьезной операции, а гемоглобин низкий!

Сотрудники отделения переливания, все как на подбор немолодые и спокойные женщины, обступили его и весьма подивились ситуации, когда кровь от двух доноров не совмещается с кровью пациента.

– Подождите, доктор, не шумите. Как фамилия больной, какое отделение? – спросили они хирурга.

– Фамилия ее Сеницына, восемнадцатое отделение, кровь третья плюс! – ответил доктор.

Тогда они зашуршали журналами и через пару минут радостно объявили:

– Ну все понятно, доктор! У вашей Синицыной не третья, а вторая группа! Берите ей вторую, отдавайте нашу третью, и дело с концом!

– Да что вы мне такое говорите! – возмутился тот. – Какая вторая, вот же у меня история болезни в руках, вот ваш анализ приклеен, там ясно написано – третья группа, резус положительный! Мы и во время операции пять банок третьей плюс ей перелили!!!

И в подтверждение своих слов он раскрыл историю болезни, где среди вороха других анализов был подклеен желтый бланк группы крови и резус-фактора. Третья группа, резус положительный – значилось на штампе. И пять этикеток третьей группы от пяти банок, наклеенных на протокол гемотрансфузии.

Заведующая отделением переливания крови медленно и мягко приняла у него из рук историю болезни, присела за стол и раздвинула кипу бумажек, наклеенных поверх анализа группы крови. Она внимательно прочитала заключение, вырвала бланк из карточки и протянула кардиохирургу.

На бланке с большим фиолетовым штампом, удостоверяющим, что кровь третьей группы, положительного резуса, в графе Ф. И. О. значилось совсем другое имя и другая фамилия. Ей приклеили чужой анализ.

– Сколько лет вашей пациентке? – спросила заведующая у побелевшего хирурга.

– Девятнадцать! – прошептал тот.

Кто-то, не стеснясь, заплакал в голос.

У нее просто не было шанса выжить. Ни единого. И все это хорошо понимали. Иногруппное переливание я уже видел.

Помню, тремя годами раньше, во время операции один лапоть-анестезиолог перелил женщине вместо первой группы вторую. Как банка второй группы попала в операционную, никто так и не понял, включая анестезиолога. Но там, едва успела откатать четверть банки, больная выдала реакцию прямо «на игле». Давление упало по нулям, она вся посинела, начался страшный озноб. Женщину отправили к нам, две недели мы ее «размывали», то есть выводили из кровеносного русла мельчайшие сгустки склеенных между собой разрушенных эритроцитов. Она выжила и выписалась.

Но здесь был не тот случай. Почти полтора литра, что перелили этой девочке, вполне способны отправить на тот свет два десятка человек.

Почему реакция произошла не сразу, в момент переливания, толком объяснить никто не мог, видимо, была какая-то частичная совместимость. Ухудшение началось резко, часа через два после того, как обнаружилась ошибка с анализом. К тому времени ее уже спустили в реанимацию, где спешно развернули законсервированный третий блок. К вечеру она перестала дышать сама и загремела на аппарат. На следующий день стали отказывать почки.

При переливании крови другой группы происходит массовое разрушение эритроцитов, такая кровь перестает переносить кислород к тканям, кроме того, происходит слипание форменных элементов, и эти сгустки забивают мельчайшие капилляры организма, а самое главное – капиллярную сеть почек и легких, которые перестают работать первыми.

Она уходила с каждым днем. К ее койке была прикреплена индивидуальная бригада, лучшие сотрудники, самая современная аппаратура. И это только оттягивало неизбежный финал. А еще все понимали, что два человека запросто могут пойти в тюрьму: лечащий врач, который заказал кровь в операционную, и анестезиолог, кровь переливший. Их подписи стояли под протоколом гемотрансфузии. На них страшно было смотреть, так они осунулись и постарели.

Врачи идут под суд за три вещи. Наркотики, криминальный аборт и переливание крови другой группы. А здесь в истории болезни имелись все доказательства. Достаточно было, чтобы родители девочки написали заявление в прокуратуру.

Ничего не понимающая мать ходила по больнице, спрашивала, почему ее дочку опять отправили на второй этаж. Совсем простой женщине отвечали что-то односложное и отводили глаза.

А я во время перекуров говорил о том, что всякий раз, когда мне нужно было узнать группу крови пациента, смотрел на штамп, который ставился большой фиолетовой кляксой внизу заключения. Не на фамилию и имя, а на штамп. И почти все со мной соглашались.

Когда она остановилась, реанимация продолжалась больше часа. Такую реанимацию не помнили даже старожилы. Нами двигала не надежда, а отчаяние. Когда отказывает большинство органов, реанимация не имеет смысла. Но смириться с тем, что такая молодая и красивая девочка умирает из-за глупой ошибки с бумажкой, мы не могли.

Хорошо, третий блок после генеральной уборки снова закрыли. Смотреть на эту пустую койку было непросто.

Обращаться в прокуратуру родственники не стали, в самой больнице постарались спустить все на тормозах, но этих двоих, анестезиолога и хирурга, та ситуация сломала. Хирург, молодой еще мужик, стал безудержно спиваться. Анестезиолог, очень веселый человек, быстро уволился из больницы и до самого увольнения больше ни с кем не шутил.

+ + +

Любой массаж должен начинаться с поглаживаний и ими же заканчиваться. Говорю для тех, кто не знает. А я уже не только про поглаживания, но и про многое другое имею понятие. Хотя после наших больных в реанимации научиться понимать, что кто-то может страдать от такой ерунды, как невралгия или мигрень, невероятно трудно.

Занятия вел молодой спокойный мужик по фамилии Пугачев, от которого все девицы на курсе приходили в состояние сильного волнения. Из нашей двадцатки две трети студентов уже работали массажистами, а остальные так же, как и я, только делали первые шаги в этой науке мануального воздействия на организм человека.

Народ подобрался необычайно душевный, а я сразу обзавелся парочкой приятелей, с которыми коротал время перекуров. Первый оказался моим старым знакомым, его звали Дима, и мы с ним посещали одну секцию карате под руководством знаменитого тренера Николая Немчинова. А вторым моим корешем стал совсем взрослый мужик по имени Чингис, который работал в реанимации Боткинской. Чингис разглядел во мне родственную душу, и мы в общих разговорах вовсю употребляли специальные термины – реанимационный жаргон, понятный только нам двоим. Остальные курсанты смотрели на нас с неподдельным уважением. Никто и никогда уже не оспаривал нашу роль интеллектуального ядра группы.

Да и вообще мне там нравилось. Настолько, что я даже не проигнорировал объявленный в середине апреля традиционный ленинский субботник. Всех организовали прочесывать граблями газон и жечь мусор, а меня отправили на склад наводить красоту.

Пусти козла в огород. На складе я разжился шикарной аптечной банкой с притертой пробкой, на которой по-латыни было написано: *Spiritus aeihylicus*. Отлично! Буду туда спирт сливать, который таскаю домой из больницы. А вдобавок я стащил из коробки со скелетом череп. Нижняя челюсть у него была на пружине и здорово щелкала. Всю жизнь, с раннего детства, мечтал о таком.

Интересно, как Рома отреагирует? Ему же только три года. Вдруг перепугается и, не дай бог, заикаться начнет? Хотя что тут гадать, нужно проверить. В прихожей я расстегнул молнию на сумке и, вытащив завернутый в газету череп, торжественно объявил:

– Смотри, сынок, что я принес!

Пока я шуршал бумагой, сынок стоял не шелохнувшись. И, увидев извлеченное на свет божий, весь подался вперед и засветился от счастья. А когда, демонстрируя все свои достоин-

ства, бедный Йорик громко шелкнул челюстью, Рома не выдержал. Выхватив череп у меня из рук, он принялся его гладить и целовать:

– Это мой любимый дядя Робот!!!

Гены, что вы хотите.

Хотя наши пятимесячные массажные курсы считались «с полным отрывом от производства», мой график мог быть с отрывом от чего угодно, только вот не от этого самого производства. Вместо суточных дежурств мне натыкали ночных, и так часто, что казалось, будто я смотрю не в график, а в школьный журнал. В таких журналах ставили букву «Н» напротив фамилии ученика, если тот отсутствовал – как правило, по болезни. Вот и у меня случилось такое заболевание под названием «гуманное отношение начальства к персоналу». Напротив моей фамилии красовался целый забор из букв: НННННННННННННННН.

Четырнадцать ночных дежурств. Два раза по магическому числу семь. После смены я отправлялся не домой отсыпаться, а в Коньково постигать тайны массажного мастерства. А к вечеру плелся в Тушино отдыхать перед очередной трудовой вахтой.

Наверное, из-за того, что я постоянно находился в состоянии полутранса, у меня в голове начали происходить странные вещи. Например, я стал почти безошибочно угадывать масть игровой карты, повернутой ко мне рубашкой, причем не только масть, а даже ранг. Приходя на дежурство, я с порога объявлял, сколько сегодня ожидается поступлений, и ни разу не ошибся. Перед зачетными занятиями на подходе к училищу ясно видел вопросы в билете. Подобная необъяснимая интуиция была у моей бабушки Люды. Она всегда спала после обеда, и за мгновение до погружения в сон у нее частенько случались озарения.

Однажды моя тетка, тоже Люда, зимой на даче потеряла обручальное кольцо. Не помню точно, но, кажется, кольцо было с историей, и тетке было его очень жаль. Обшарили весь дом, тропинки, даже растопили снег около сарая, где тетка вроде бы неосторожно взмахнула рукой. Все без толку. Огорченная тетя Люда уехала в Москву.

Через пару дней бабушке перед сном привиделось, что кольцо находится не дома и даже не на участке. А будто бы оно лежит на улице около водопроводной колонки, и не просто лежит, а под одним из кирпичей, на которых эта самая колонка стоит. Она накинула пальто, платок, вышла на улицу, каблуком проломила лед в луже, долго шарила окоченевшей рукой под кирпичами, пока не вытащила колечко.

Я, конечно, никаких золотых культовых предметов не находил. Мои озарения, или как это все назвать, начисто были лишены практического смысла.

Как-то дежурили мы неполной бригадой, я стоял в любимом втором блоке. Было около часа ночи, тишь да гладь. Подходит ко мне Галька, медсестра из молодых, и спрашивает, что, по моему мнению, можно уколоть бабушке из первого блока после грыжесечения, а то она жалуется на боли в области послеоперационного шва.

Тут, конечно, я начал умничать, рассказывать, как у стариков мощные анальгетики вызывают депрессию дыхания, что очень опасно. Отвлечешься, например, на мытье полов, а они уже и дышать перестали.

– Введи-ка ты ей лучше в вену анальгин с димедролом! – сказал я. – Должно помочь, заодно поспит бабушка. Хотя от анальгина видел раз такое...

+ + +

Это было мое второе дежурство в отделении. Я тогда находился в статусе «принеси-подай», и этим от души пользовались все желающие. Кстати, именно в те сутки меня научил интубировать Юрий Владимирович Мазурок, серьезный молодой доктор, бывший

тогда комсоргом нашего отделения. Впоследствии он стал лауреатом Государственной премии, указ о которой был подписан самим президентом страны.

Так вот. На этом же дежурстве, вечером, нам привезли больную, которая буквально поми-рала от инъекции анальгина.

Она была симпатичной блондинкой двадцати трех лет и совсем недавно вышла замуж. Все молодожены развлекаются по-разному. Эти напивались, закатывали поочередно сцены ревности, а потом били друг друга смертным боем. В один из таких романтических вечеров медового месяца муженек перестарался и устроил своей молодой супруге сотрясение мозга.

Приехавшая вслед за милицией «скорая» решила девушку госпитализировать. Честно говоря, урон ее здоровью был нанесен незначительный, скорее всего, бригада «скорой» действовала из альтруистических соображений. Ну и в самом деле девушке необходимо было сменить обстановку, а то каждый день пьянство да мордобой. Взять небольшую паузу, чтобы, как говорится, не приедалось.

А по дороге, уже в машине, закатали ей ампулу анальгина. Тоже из альтруизма, видимо, они добрые были ребята. Это хорошо, что они укололи ее в машине, а не в квартире, иначе могли бы и не довести. У нее случился анафилактический шок, про который почти все слышали, но точно, что не все видели. И не дай вам бог увидеть его, настоящий анафилактический шок. Бессмысленный и беспощадный. Ну а когда увидите, то навсегда запомните, я вам обещаю.

Нам Суходольская, которая принимала эту несчастную жертву брачных игр в «шоковом» зале, так и объявила:

– Смотрите, дети мои, смотрите и запоминайте, что такое анафилактический шок! Единственное абсолютное показание для внутривенного введения адреналина!

Это она правильно сказала – не про то, что мы ее дети, Суходольская любила выражаться подобным образом в минуты сильного волнения или душевного подъема, а насчет анафилактического шока и адреналина. Только при этом виде шока развивается такая выраженная относительная гиповолемия, и тогда нужно резко сузить объем кровеносного русла.

И, несмотря на то что пациентка эта при поступлении была в крайне тяжелом состоянии и сразу загремела на аппарат, она стремительно шла на поправку и день на третий ее перевели в нейрохирургическое отделение лечить сотрясенный мозг. Перед отправкой мы огромными красными буквами написали на ее истории, что больная не переносит анальгин, а фамилия у нее была немного похожа на мою. Морозова...

Я уже заканчивал свой рассказ, когда раздался звонок с эстакады. Значит, привезли кого-то. Прежде чем отпустить Гальку колоть старушке анальгин, я напоследок поведал ей, что встретил тогда ту блондинку в нейрохирургии всего через несколько дней после ее перевода.

Она сидела на корточках в холле у телевизора и рисовала на огромном куске ватмана. Рисовала, как я понял, какую-то дурацкую стенгазету, очередной бред социалистических обязательств отделения нейрохирургии. Обязательства эти заключались в несметном количестве черепов, которые взялся просверлить этот дружный коллектив за следующий отчетный год, о чем торжественно уведомлял родную коммунистическую партию.

Так классно и с такой выдумкой рисовал только пионер нашего лагеря «Дружба» Шурик Беляев. Я встал сзади и открыл рот.

– Морозова! – спросил я. – Морозова, скажи честно, у тебя после удара по башке такие замечательные способности открылись?

– Ой, Леша, напугал! – засмеялась она. – Нет, не от удара, я же художник, этим летом художественное училище закончила! Мы, художники, – веселые люди!

Тут все побежали смотреть, кого привезли по «скорой», а я принялся намыывать блок. По часовой стрелке, начиная с крайней тумбочки. Странно, такой интересный случай, а я про него ни разу за четыре года не вспоминал. Это потому, что других случаев было полно.

Часа через полтора в блок заглянул дежурный врач Андрей Кочетков, я у него поинтересовался, что за пациент лежит сейчас в «шоковом» зале.

– Да бабу привезли, выловили из какой-то канавы, морда вся разбита, мокрая до нитки, головастики в волосах, алкогольная кома! – сообщил анамнез Кочетков. – Сейчас к тебе ее переведем, готовь койку!

Я кивнул, понятное дело, поздняя весна, вот и головастики.

– Вы только вычешите их из волос этой вашей Горгоны, а то мне здесь с ними возиться некогда будет!

Кочетков поправил очки, согласился и вышел. А через полчаса ее прикатили. Женщина как женщина. Только мертвецки пьяная, свежий синяк под глазом и губа разбита. Выпила, подралась, поскользнулась и в канаву с водой упала. Хорошо – нашли. Сегодня проспится, завтра переведем, через пару дней из больницы выпишут. Как говорится, до новых встреч. Такие часто повторно попадают. Идут на рецидив.

Я очень люблю алкогольные комы. Нет, не впадать в них, боже упаси, а пациентов, в них находящихся. С ними чертовски приятно работать. Вставил один катетер в вену, а второй в мочевой пузырь, покапал разных освежающих растворов, и через два-три часа все – готово дело. Клиент трезвый как огурчик, некоторые, правда, буянить начинают. Но тут главное при-вязать заранее, чтобы никто в окно не выпрыгнул.

Вот и дама эта через часок заворочалась, замычала протяжно, глазами захлопала. Я подошел поближе, встал у кровати. Интересно, сколько ей лет? В истории болезни написали: «Неизвестная, приблизительно тридцать пять». Хотя тут может оказаться и двадцать пять. Такой образ жизни, когда валяешься по канавам с головастиками, хоть и закаляет характер, но преждевременно старит.

Она окончательно очнулась, затем немного поблуждала взглядом и наконец уставилась на меня.

– Ты кто? – последовал традиционный вопрос.

Я был воспитанным и никогда не отвечал в рифму типа: «Конь в пальто!»

Вместо этого я спросил:

– А как ты думаешь?

Неизвестная глубоко вздохнула, внимательно пригляделась ко мне и произнесла:

– Ты из вытрезвильки!

Да, нелегкая жизнь у нашей неизвестной. Я понял, что бесчинствовать в ее планы не входит, и отвязал ей руки. Медленно, морщась, та стала ощупывать свое лицо.

– Здорово мне вывеску попортили? – спросила она, подмигнув здоровым глазом. – Небось смотреть страшно!

Я пожал плечами, включил верхний свет, снял у рукомойника зеркало со стены и дал ей в руки.

– Да, нормально разукрасили, неделю на улицу не покажешься! – определила пострадавшая. – Только вы не думайте обо мне плохо, молодой человек. Мы, художники, – веселые люди!

Я в этот момент пошел снять капельницу на другую половину блока, но замер и медленно повернулся.

– Голова-то болит у тебя? – начал я, чувствуя нарастающее волнение.

– Бобо, бобо головка! – жалобно простонала неизвестная женщина-художник. – И ведь не похмелишься!

– Так зачем же похмеляться! – подошел я ближе. – У нас же не вытрезвилька, а больница, давай тебе укольчик сделаем – и дело с концом!

Говорю, а сам думаю: «Не может быть! Неужели я ее за несколько километров почуял?»
– Какой такой укольчик? – подобралась вся жительница канавы. – Как называется?
– Называется очень просто – анальгин!!! – торжественно произнес я, уже не сомневаясь, с кем говорю.

И точно. Ее подбросило на метр, чуть из кровати не выпрыгнула.

– Ну уж нет!!! Мне раз сделали укольчик!!! Несколько лет назад! Вот спасибо хорошим людям, откачали! Ты даже не вздумай анальгин колоть! Лучше сразу пристрели!

– А где же эти люди твои хорошие работали, что тебя откачали? – уже не скрывая улыбки, поинтересовался я.

– Да на Каширке больница есть, вот я там в реанимации лежала! – с некоторой важностью ответила она. – Говорю же, еле спасли!

Я подошел совсем близко, зачем-то взял из ее рук зеркало.

– Морозова! Здорово же ты наквасилась, если старых друзей не узнаешь! – И громко рассмеялся. – Всего-то четыре года прошло!!!

– Андрюша! – завопила Морозова и кинулась мне в объятия. – Моторин!

Ну, имечко и фамилию она немножко переврала, но я не обиделся. Ведь прошло четыре года, приняла девушка не менее двух бутылок водки да еще часок-другой провалялась в холодной воде. На ее месте любой другой даже свое собственное имя забыл бы. Тут главное не детали, а суть.

И мы с ней радостно, как добрые знакомые после долгой разлуки, проболтали впритык до пересменки. А на обложке истории болезни я написал ее настоящие имя и фамилию и большими буквами красным карандашом вывел: АНАЛЬГИН!

+ + +

Как нельзя кстати подоспел месяц май. Самый выгодный с коммерческой точки зрения. Дежурства в праздник подлежали двойной оплате. Царькова по блату поставила мне сутки и первого и девятого. Молодец, дает возможность подзаработать бедному студенту.

В отделении осталось всего трое пациентов. Перед праздниками всегда устраивался массовый перевод. Те из нас, кто побойчее, отправились на кухню. Первомайское застолье – дело святое. Те, кому нельзя было доверить готовку, остались с больными. А меня ближе к одиннадцати погнали в магазин. Как самого шустрого.

Нужно было купить несколько бутылок сухого. Буквально в пересменку поступил мужик, у которого в чемодане лежали четыре здоровые индюшачьи тушки. Он летел через Москву транзитом, возвращаясь от своих украинских родственников. Вез этих индюшек домой. Вез, но не довез. Такси, не успев отъехать от Домодедова, влетело в какой-то самосвал.

Дичь мы разделили по-братски. Парочку решили потушить, а двух оставшихся торжественно передать завтрашней смене. Поработать поваром вызвался Кимыч. Он знал, как обращаться с живностью. У себя на участке Кимыч разводил кроликов. Холил, лелеял пушистые комочки. Кормил, поил. Потом делал из них шапки, которые впаривал нашим медсестрам.

И хоть я и успел минут за десять до открытия, перед входом уже гудела основательная толпа страждущих. Хорошо бы до обеденного перерыва обернуться. А что вы хотите? Самые большие очереди в винные отделы, они всегда по выходным. Особенно сейчас, после провозглашенного курса на борьбу с зеленым змием. А тут к тому же и праздник. День солидарности трудящихся.

Трудящиеся облепили магазин, словно муравьи леденец. Народ стоял разношерстный, как всегда, преобладали уголовные рожи. Да сюда хоть академика Лихачева поставь, он тоже в такой компании будет на урку смахивать. Пьянчуги курили, негромко и нервно матерились, задние напирали на передних, а у дверей, судя по звукам, началась традиционная рукопашная.

Кто в винный не стоял, тот жизни не знает. В подобную очередь я впервые попал четырнадцатилетним. Тогда был тоже выходной день. И отправил меня туда не кто-нибудь, а мой родной дядя. При этом он не то что не был алкоголиком, а, можно сказать, вообще не пил.

Дядя Вова был большим ученым.

Лирическое отступление № 1

Про моего дядю, заграничную жизнь, туркменских хлопкоробов и автомобиля «Волга»

Мой дядя считался вундеркиндом едва ли не с самого рождения. Впрочем, в нашей семье вундеркиндов хватало. Но если из таких, как верно подмечено, в дальнейшем ничего путного не получается, то дядя Вова уже в молодости стал большим ученым. Правда, дебют его научной карьеры был весьма оригинальным. После окончания биофака МГУ он по распределению попал к каким-то шарлатанам, которые занимались тем, что в специально оборудованных теплицах заводили овощам симфоническую музыку.

В то время считали, что если картошка с морковкой будут всю жизнь, буквально с младых семечек, слушать Генделя и Баха, то, попав на стол интеллигентными и эрудированными, станут выгодно отличаться от простонародных собратьев.

Нет, конечно, еврей, посещающий московскую филармонию, действительно отличается от чабана-киргиза. Хоть ты тресни. И не только по вкусовым качествам. А из прослушавшего все шедевры мировой классики баклажана икра получается ничуть не лучше, чем из овоща темного и необразованного, который и терцию от октавы отличить не в состоянии.

Короче говоря, дядя Вова сбежал оттуда и начал заниматься другими вещами. Витаминами. И невероятно быстро преуспел. Настолько, что его, молодого кандидата наук, пригласили работать в Японию.

В Японии дядя Вова провел целый год. Он очень скучал по дому. Дошло до того, что он решил на Пасху зайти в православную церковь.

Смешной узкоглазый японский батюшка весело восклицал с амвона:

– Клистос восклесе!

А смешные узкоглазые японские прихожане осеняли себя крестным знаменем, мелко кланялись и радостно отвечали:

– Воистину восклесе!

Из Японии дядя Вова привез мне майку с Микки-Маусом и робота на батарейках.

В дальнейшем ездить по заграничным странам он стал часто. Его постоянно приглашали западные университеты, институты и прочие научные учреждения. Дядя Вова приезжал, читал лекцию, а потом сразу бежал на рынок. Рынки он любил.

По возвращении на родную землю он обзванивал друзей и родственников, которые тотчас съезжались за подарками и рассказами о заграничной жизни.

Веселый, возбужденный дядя Вова стоял у раскрытого чемодана и, шурша пакетами, хрустящими особым заморским хрустом, одаривал каждого гостя. Получившие благодарили с разной степенью искренности, отходили неохотно, ревниво поглядывая в чемодановы недра.

По завершении раздачи дядя Вова приступал к повествовательной части.

– Ой, как же я удачно в этот раз поселился! – начинал он историю о месячной поездке в неведомый город Ульм. – Прямо у соборной площади! Между прочим, Ульмский собор – самый высокий в мире!

Дядя Вова улыбался, прикрыв глаза, видимо вспоминая что-то необычайно приятное. Наверное, самый высокий в мире собор. Но, оказывается, нет, не его.

– А рынок вокруг собора какой! И сколько же там всего! Кафе и рестораны через каждые пять метров стоят! И все, что на рынке продается, тут же тебе приготовить могут! – Он опять

зажмурился и продолжал: – Я по несколько часов в день там проводил! Чего я только не попробовал!

Дядя Вова с полчаса перечислял, что он продегустировал за месяц в Ульме. Перед слушателями калейдоскопом мелькала не только германская, но и вся мировая гастрономия. Описывались неведомые блюда, способы их приготовления и невероятные вкусовые ощущения.

– Я не то что некоторые. Чтоб неделями голодать, лишь бы валюту сэкономить! – весьма довольный собой, сообщал дядя. – Чтоб из-за каких-то дурацких шмоток язву себе наживать!

У гостей начинались мощные голодные спазмы. Нервно терзая свои пакеты с дурацкими шмотками, они, сглатывая слюну, посылали дяде Вове отчаянные флюиды, чтобы тот наконец замолчал.

– Вовка, – строго начинал какой-нибудь особо впечатлительный, прерывая увлекательный рассказ про шипящую телячью корейку, зажаренную на углях, и запотевшую кружку темного пива, – да ладно тебе про жратву, ты скажи лучше, в музее был?

– Был! – обреченно кивал дядя Вова. – Водили меня... – Он тяжело вздыхал. – Хожу я по музею... – Тут лицо его прояснилось, и он заканчивал со смехом: – А самого так и тянет, так и тянет на рынок!

И тогда уже приглашал всех к столу.

Я всегда любил приезжать к нему в гости. Во-первых, мне очень нравилось с ним общаться. Выражалось это в том, что дядя Вова говорил невероятное количество глупостей, от чего я ржал так, что у меня всякий раз случались колики.

Во-вторых, я постоянно клянчил у него всякие заграничные штуки. Ритуал был особый и неизменный.

– Дядя Вова! – начинал я скулить, заметив на столе какой-нибудь притягательный объект, вроде необычайно толстого фломастера. – Дядя Вов, ну подари!

– Нет, Алеша, ни за что! – махал он в священном ужасе руками. – Ты хоть знаешь, что это такое?

Он хватал фломастер со стола и прятал за спину.

– Это очень редкая вещь, называется маркер, я его купил в Лондоне, целых полфунта отвалил.

– Всю жизнь именно о маркере мечтал! – продолжал я ныть. – Мне весь класс завидовать будет!

– Точно? – заглядывая в глаза, недоверчиво вопрошал дядя Вова. – Точно, что весь класс?

– Конечно! – жарко заверял я. – Еще бы! Все будут завидовать и клянчить!

– А училка твоя? – продолжал допытываться дядя. – Как думаешь, небось тоже такой чудесный маркер захочет?

– Да она первая! – подхватывая брошенную кость, начинал я разоблачать поползновения училки. – Как только увидит, так сразу сбрендит!

– Видать, у нее губа не дура! – соглашался дядя Вова. – Наглая какая, у ребенка последнее хочет заграбастать!

Он доставал из-за спины свое сокровище, долго любовался им, громко читая английские буквы на корпусе.

– Ой, нет, не могу! – начинались вдруг страдания. – Давай, Алеша, в следующий раз! Мне нужно привыкнуть к мысли, что я расстанусь с такой хорошей вещью!

Я искренне начинал убеждать дядю Вову, что именно этот раз очень даже подходящий и что с мыслью о потере пора смириться.

Он уже было протягивал маркер, но вдруг рука его повисала в воздухе на полпути.

– А помнишь, я тебе в прошлый раз ручку подарил, что из Швейцарии привез? – начинал меня пытаться дядя Вова. – Ты ее в школу приносил?

– Приносил, конечно! – интенсивно кивал я. – До сих пор каждый день с ней хожу!

- А ребята что сказали? Спросили, откуда у тебя такая ручка?
- Спросили, разумеется!
- Как спросили?
- Да сразу грабли стали тянуть и приговаривать: «Ох, и ни фиги себе, какая ручка!

Откуда?»

- А ты что?
- Я им: «Отвалите, это мой дядя из Швейцарии привез!»
- Молодец, а они чего?
- А они мне: «Да хорош тебе, из Швейцарии!»
- И ты тогда?
- А я им тогда говорю: «Мой дядя – большой ученый, в Швейцарию лекции ездил читать, в город Берн!»

- Правильно, только еще в Цюрих и Базель!
- Точно. Еще в Цюрих и Базель!
- Они тебе поверили?
- Сначала не верили, потом поверили, куда денутся!
- Еще бы, все такого дядю хотят! А ты сказал им, что я доктор наук? И почетный член Британской академии?

- Первым делом!
- А что я заместитель директора института по науке, сказал?
- Сказал!
- А про то, что я заслуженный изобретатель СССР?
- И это не забыл!
- Что я лауреат многих престижных научных премий?
- Да!
- А то, что я автор нескольких больших научных монографий?
- Угу!
- И про мою золотую медаль ВДНХ?
- И про нее!
- Ну и как они? Стали тебя уважать?
- Разумеется! А один мальчик даже заплакал от зависти!
- И правильно! – Удовлетворенный дядя Вова протягивал мне маркер. – Держи! Только в следующий раз еще обязательно скажи, что я председатель ученого совета.

Потом он сразу расстраивался и начинал подталкивать меня к дверям:

- Все, ладно, иди быстрее домой, пока я не передумал!

А когда я одевался, на прощание грозил пальцем:

- Только, Алеша, смотри, я очень боюсь, как бы твоя училка маркер не сп...ла!

Ранним сентябрьским утром семьдесят седьмого года в его квартире раздался звонок. Дядя Вова в одних трусах выбежал в коридор. На лестнице около лифта стояли три восточных человека. Двое мужчин и подросток. Солидная поклажа лежала у ног. Для полноты картины не хватало только верблюда.

Старший поклонился и произнес:

– Салам алейкум, Владимир-ага! Ваш адрес нам дал уважаемый Гурбан, вы в доме его брата Ханджара в Теджене три года назад были гостем. Меня зовут Каракельды, со мной мой друг Баймырат и племянник Керим.

Тут уже все трое отвесили поклон.

Еще надеясь, что ему это снится, дядя Вова потряс головой, но видение не исчезло.

Старший восточный человек, закончив кланяться, продолжил:

– Владимир-ага, мы на хлопке работаем. Деньги мало-мало есть. Приехали в Москву машины покупать. Поживем у вас.

Он кивнул остальным, и те подняли с пола баулы и мешки.

Пока они обустраивались, озадаченный дядя Вова сидел в кухне на табуретке и лихорадочно вспоминал, что и в самом деле три года назад ездил в Туркмению в командировку. Налаживать промышленный синтез витамина В₁₂. И пару дней провел в городке Теджен, у иранской границы, где его принимал местный бай, директор хлопкоочистительного комбината.

И, растроганный приемом, дядя оставил ему свой московский адрес. Так, на всякий случай. Вот случай и представился.

Туркмены сначала никак не могли поверить, что такой уважаемый человек, профессор из Москвы, живет в крохотной однокомнатной квартирке. Это просто не укладывалось у них в головах. Видимо, они представляли себе, что по огромному профессорскому дому расхаживают павлины, несметные слуги снуют с золочеными блюдами, а в бассейне резвятся гурии.

Первым сориентировался старший. Осознав наконец, что другого жилища у моего дяди нет и, скорее всего, не будет, внимательно оглядев убранство, он что-то шепнул остальным, и они, некоторое время побегав по магазинам, приволокли большой ковер и расстелили его в комнате.

– Мы здесь спать будем, Владимир-ага, – сказал старший, – не волнуйтесь, одеяла нам не нужны.

Потом хлопкоробы степенно пили чай и рассказывали, что приехали за машинами. Хотят взять каждому по «Волге». Покупать будут у замминистров с большой переплатой. Так все делают.

А пока суд да дело, они у дяди Вовы поживут, Москву посмотрят.

Старшие заработали деньги на каких-то махинациях с хлопком, а семнадцатилетнему Кериму, который всю дорогу сидел молча и не поднимал глаз, дедушка подарил двадцать тысяч в честь окончания школы. Хороший какой дедушка. Трехкомнатная квартира в Москве стоила не больше десяти.

В то время у любого министра было несметное количество заместителей, и каждому из них полагалась «Волга», вроде бы раз в три года. Тогда «Волга» стоила чуть больше девяти тысяч. Купить такую машину официально было невероятно трудно, а желающих с большими деньгами хватало с лихвой. Чиновники продавали ее за пятнадцать кавказцам и жителям Средней Азии, а потом без очереди покупали себе «жигули» за семь.

В субботу дядя Вова позвал меня в гости. Туркменов показать. Когда я приехал, он еще в прихожей, приложив палец к губам, негромко сказал «Тс-с-с!». Я осторожно приоткрыл дверь и заглянул. Туркмены в комнате смотрели мультфильмы. В темноте стрекотал японский кинопроектор, по стенам гуляли причудливые тени. Три человека сидели на ковре, с непроницаемыми лицами уставившись на служившую экраном натянутую простыню, где волк пытался догнать зайца.

– Чего это они такие серьезные? – искренне удивился я. – Как будто «Международную панораму» смотрят.

– Алеша, люди приехали издалека, устали. Русский язык плохо знают. Что ты к ним пристал?

Действительно, что пристал? Тем более что мультфильмы были без звука. Вскоре пришел Дима, сын дяди Вовы, мой двоюродный брат. Как раз сеанс закончился, мы зашли в комнату и познакомились. Все по старшинству пожали нам руки. Кериму исполнилось семнадцать, хотя ему можно было дать от силы тринадцать, уж больно он был шупленький, как Дима, и тоже на полголовы меня ниже.

Тут и обед подоспел. Мы едва расселись на крохотной кухне.

Дядя Вова беспрерывно что-то говорил, смеялся, шутил, правда, было видно, что гости не всегда понимали его юмор.

Потом старший туркмен по дядиной просьбе стал рассказывать про то, какая у них в городе Теджене интересная жизнь. Например, какой калым платят за невесту. Вот когда женился его брат, тот заплатил сорок тысяч.

Способный к математике Дима сразу подсчитал, что при зарплате сто семьдесят рублей такую сумму можно скопить только лет за двадцать, да и то если откладывать все без остатка.

– Ты-то чего беспокоишься? – засмеялся дядя Вова. – За таких, как вы с Алешкой, самых страшных и старых баб отдадут, да еще вам приплатят!

Туркмены вежливо рассмеялись.

Средний завел разговор о национальных блюдах. Про пирожки с луком, говурму, плов. Про то, что самая вкусная вещь – это чал, прохладительный напиток из верблюжьего молока. И начал объяснять, как его правильно нужно заквашивать.

– Какая гадость! – произнес Дима.

Тут дядя Вова вывел его в прихожую и начал истошно орать, что никогда людям нельзя говорить «гадость» про то, что они привыкли есть и пить с детства, что это нехорошо. И про то, что есть богачи, которые каждый день обжираются севрюгой и черной икрой, а есть те, кому только на кровяную колбасу за сорок копеек и хватает. Но сказать им про эту колбасу «гадость» никто не имеет права.

Потом, когда дядя Вова немного успокоился, Керим, приободрившийся оттого, что он в этой компании уже не самый младший, поведал о приграничной торговле. Теджен располагался в непосредственной близости от двух границ – иранской и афганской.

Оказывается, жители Ирана и Афганистана прямо на границе устраивают что-то вроде базара. И пограничники странным образом этому не препятствуют. Еще мы узнали, что иранцы продают очень хороший товар, например красивые солнечные очки. А вот афганцы – всякую ерунду. Например, гашиш. Но иранцев обмануть нельзя. Они хитрые. А афганцев – запросто. Они дикие.

– Считать совсем не умеют, – улыбался Керим. – Он тебе показывает на пальцах, что десять рублей хочет, а ты ему начинаешь давать по рублю, дашь три и спрашиваешь: «Хуб, хорошо?» Он кивает: «Хуб, хуб!»

Потом мы стали спрашивать, как им Москва. Они отвечали, что большая. Магазины большие. Народу много, машин. По Москве на машине хорошо ездить. На метро плохо. Темно, страшно. Мы вместе смеялись.

Еще в Москве все их обмануть хотят. Старшему часы продали, красивые. Вместо стрелок – цифры. За триста рублей, сказали – швейцарские. Он их купил, принес, а Владимир-ага посмотрел, надпись увидел «Электроника». Оказалось – советские часы, в магазине семьдесят рублей стоят.

Средний решил чеки приобрести, на которые в «Березке» заграничные товары продают. У магазина нашел человека, зашел с ним в подворотню, дал ему четыреста рублей за двести чеков, а когда человек ушел, пересчитал, а чеков-то всего двадцать. Нехороший человек успел пачку подменить.

Керима одна цыганка около универсама «Лейпциг» попросила деньги разменять. Шумела, несколько раз пересчитывала, потом быстро смылась, а в результате на сто рублей наколола.

Так что кругом есть «афганцы». Все относительно.

Дядя Вова немедленно сбегал в комнату и торжественно вручил Кериму все свои магнитофонные записи французской эстрады, чтобы тот не расстраивался из-за ста рублей. Пусть в Теджене музыку слушает и думает о хорошем. О Монмартре и Люксембургском саде.

Ближе к вечеру пришел старинный друг дяди Вовы с сыном. Наверное, тоже решили, пользуясь случаем, побольше разузнать о неведомой жизни на юге нашей большой страны.

Видя такое дело, старший туркмен, подойдя к дяде Вове на кухне, негромко сказал:

– У вас гости, Владимир-ага, нужно идти коньяк покупать. Покажите Кериму, где тут магазин.

Дядя Вова кивнул в знак согласия и крикнул в комнату, замахав авоськой:

– Алеша, сходи с Керимом в магазин! Только я тебя прошу, не тяни, а сбегай прямо сейчас!

Старший отозвал Керима, произнес напутствие на своем языке и что-то сунул ему в карман. Я понял только одно слово: «Коньяк».

Винный был недалеко, минут пять неспешным шагом. Правда, я до этого никогда ничего не покупал в подобных заведениях. Но когда-то ведь нужно начинать. Уже стемнело. Очередь начиналась от крыльца. Внутри был липкий пол, стоял дикий гомон, а продавщица орала дурным голосом:

– Кому говорю, тары нет, больше посуду не принимаю!

Мужики в очереди были то что надо: с фингалами, фиксами, татуировками. Стоящий рядом сухошавый алкоголик в драной шляпе посмотрел на нас с юмором и, обдав винными парами, подмигнул:

– Ребятки, вы чего одни? За пивом небось? И без папы? Не рано?

Керим смотрел вокруг с явным восхищением, воображая себя таким туркменским Миклухо-Маклаем. До прилавка оставалось еще человек двадцать, когда продавщица рявкнула:

– Через пятнадцать минут закрываю, и не стойте там – магазин до семи!

Задние сразу навалились, меня стиснули так, что потемнело в глазах и стало нечем дышать. Передние стали материться на задних. Несколько самых наглых попытались пролезть без очереди. Кому-то у прилавка со смачным звуком дали по рылу. Что-то вдребезги разбилось. Продавщица завизжала. Чье-то большое рычащее тело поволокли мимо нас к выходу. Я подмигивал Кериму, всем видом показывая ему, что происходящее – дело привычное. За пять минут до закрытия перед нами оставалось только три человека.

– Что брать будем, Керим? – с любопытством оглядывая полки, тоном бывалого покупателя заорал я ему в ухо.

– Дядя сказал – коньяк!

Керим потупил глаза от почтения к своему дяде.

– Какой коньяк? – почти сразу найдя искомое, продолжал надрываться я.

Коньяк был по восемь, по десять и по двенадцать рублей.

– Дядя сказал – самый дорогой! – не скрывая гордости, важно улыбнулся Керим.

– А сколько? – решил я уточнить совсем уж на всякий случай. – Сколько бутылок?

– Дядя сказал – на все! – Керим вытащил из кармана пачку денег.

Это была банковская упаковка. Сто бумажек по пять рублей. Похожие я видел по телевизору, когда показывали фильмы про жуликов.

Я хоть и не был таким способным к математике, как Дима, но все же подсчитал в уме, что если на все – это сорок бутылок.

– Не унести! – прокричал я Кериму. – Давай двадцать возьмем!

– Дядя сказал на все! – упрямо повторил тот.

– Так, ребята, говорите быстро, вам чего? – Громкий голос продавщицы вывел меня из оцепенения.

– Нам двадцать бутылок коньяка по двенадцать рублей! – пытаюсь перекрыть очередь, пронзительно завопил я.

И вдруг стало тихо. Настолько, что было слышно, как за открытой дверью ветер шуршит сухими листьями.

– Сколько?!

– Двадцать бутылок по двенадцать! – упавшим голосом повторил я, чувствуя за собой нарастающий ропот.

– Ну а деньги-то у вас есть, молодежь? – совсем растерялась продавщица.

Я толкнул плечом Керима, и тот лихо припечатал пачку к прилавку. По очереди пошел тяжелый вздох.

– Ну вы даете! Банкет у вас, что ли? – пытаюсь придумать себе подходящую версию, спросила продавщица и, не дожидаясь ответа, стала попарно выставлять коньяк из ящика.

Я вытащил из кармана большую авоську, которую всучил мне дядя Вова. Взявшись каждый за ручку, мы с Керимом резво начали опускать в нее бутылки. Влезло только четырнадцать. По две мы засунули за пазуху, а по одной взяли в свободную руку.

Отсчитав положенные, Кериму вернули изрядно похудевшую пачку.

Мы покидали магазин в полном молчании. Два худеньких пацана, уносящие в темноту ящик коньяка и две с половиной сотни сдачи. У нас подгибались от тяжести ноги, звенящая авоська провисала до земли, из ячеек торчали горлышки, а те бутылки, что за пазухой, так и норовили выпасть и грохнуться об асфальт. Я до самого подъезда спиной ожидал топот погони, но, на удивление, все обошлось.

Через неделю у дядиногo подъезда стояли три новенькие «Волги». Черная – старшего, белая – среднего и голубая – Керима.

За несколько дней до отъезда туркмены узнали, что у Димы день рождения. Желая сделать дяде Вове приятное, они целый день возили его сына по большим магазинам. Предлагали всякие достойные вещи. Начали с mopеда.

Mопед был Диме не нужен. Попробовали купить красивую венгерскую палатку. В поход Дима не ходил. Байдарку? Байдарка тоже ни к чему. Велосипед? Велосипед имелся. Большой бильярд? Некуда ставить. Польские горные лыжи? С гор Дима скатываться не пожелал. Магнитофон. Музыкой Дима не увлекался. Транзисторный приемник. Тоже мимо.

За три минуты до закрытия Дима заявил, что так и быть, если хотят, пусть купят чешки для физкультуры за два рубля. С отчаяния ему приобрели набор для игры в бадминтон, который как попал на антресоли, так больше оттуда и не доставался.

Узнав о таком святотатстве, я справедливо возмущился и целый час уламывал дядю Вову, пытаюсь склонить его к сотрудничеству. Ему всего-то требовалось сказать своим гостям, что день рождения у любимого племянника по счастливому совпадению тоже на этой неделе.

У дяди Вовы вдруг случился пароксизм честности. Ну и зря. Мне бы в голову не пришло ломаться. Я даже подарок придумал. Электрогитару «Аэлита» и стереопроеигрыватель «Вега».

Так и уехали они в свой Теджен на трех красивых машинах, оставив после себя ковер, здоровенный мешок фисташек и девятнадцать с половиной бутылок коньяка.

+ + +

В начале мая все заговорили об аварии на Чернобыльской атомной станции. В нашей стране об этом узнали, как водится, из передач западных радиостанций. С огромной неохотой, не сразу, полунамеками, но власть все же признала очевидное. Хотя первую неделю слуги народа как в рот воды набрали и первомайские демонстрации не отменяли в Киеве и близлежащих городах. Да и зачем? Нечего панику сеять! Народ выходит на улицы веселый, целыми семьями, с детишками, шарики несут, портреты вождей, знамена. На транспарантах благодарность родной коммунистической партии за заботу.

А то, что радиационный фон раз в сто завышен, так мы же не японцы – со счетчиками Гейгера всюду разгуливать. А сколько потом прожили эти участники Праздника весны и труда, не нам знать. Бог дал – Бог взял.

Первые, самые страшные два дня даже жителей Припяти не предупреждали об опасности и не рассказывали, как себя вести, чтобы уменьшить риск лучевой болезни. Зато потом взяли и махом эвакуировали всех. А тех, кто сам побежал, стали с милицией хватать на вокзалах и по санаториям да по больницам распихивать.

Часть таких стихийных чернобыльских беженцев, которых встречали наряды милиции и «скорой помощи» на Киевском вокзале в Москве, устраивали в спешно освобожденный «голубой» корпус нашей Семерки.

В основном это были семьи с детьми. У них изъяли все вещи, включая нижнее белье. Какой от них был фон и сколько схватил персонал, с ними работавший, никто никогда не узнал.

«Чернобыльцы» были полностью изолированы от внешнего мира, корпус находился на казарменном положении, мы видели только их лица в окнах. Вскоре выяснилось, что государство не спешит оказывать помощь конкретным пострадавшим, все усилия тратились на то, чтобы успокоить мировую общественность и обеспечить непрерывные работы около четвертого энергоблока станции.

Из всего имущества, которым располагали «чернобыльцы», у них было: казенная ложка с кружкой, больничная пижама или халат. Тапочек на всех не хватило. Детских пижам и халатов не было вовсе. На детей наматывали простыни. Тогда кто-то из нас бросил клич, и все с первой зарплаты скинулись по трешке. В реанимации ответственной стала Люся Сорокина. Она важно расхаживала с разлинованной тетрадкой и составляла список покупок.

Приобрели зубную пасту, зубные щетки, трусы, носки, немного детских вещей. Мужикам – домино, а детям – альбомы и краски. В стране, где клепали танки и ракеты в умопомрачительных количествах, не нашлось смешных денег для обустройства жизни эвакуированных из зоны отчуждения.

Когда эта сволочная, людоедская власть через пять лет рассыпалась в прах, многие удивились – с чего бы это? Да вот с тех сотен раздетых и брошенных людей, что смотрели из окон «голубого» корпуса.

+ + +

Тем временем на массажных курсах начались практические занятия. Каждый пятый курсант приходил в купальном костюме, и остальные на них отрабатывали приемы мастерства. Я стал популярной моделью, на мне легко было находить костные ориентиры. По этой причине около меня, когда я лежал на столе, всегда терлась куча народа.

Но если девушка по имени Наташа, похожая на актрису Любовь Полищук, появлялась в откровенном купальнике, вся мужская половина студентов моментально перемещалась к ее столу. Там было на что посмотреть помимо костей.

А еще я обзавелся настоящими японскими часами. О которых мечтал всю сознательную жизнь. Мой приятель Дима снял их с руки и продал всего за сто шестьдесят рублей. Ему на что-то срочно понадобились деньги, а у меня, на счастье, оказалась заначка. Часы были шикарные, *Orient* новой модели, таких не то что в нашем отделении – во всей больнице никто не имел. У них был темно-зеленый переливающийся циферблат, светящиеся стрелки, а в крохотном окошке показывалось число и день недели.

Спекулянт Орликов под это дело впарил мне красивые заграничные ботинки из мягкой белой кожи, которые были ему малы, подгадав сделку ко дню зарплаты. Короче говоря, жизнь налаживалась.

К тому времени я полностью смирился с тем, что никогда не поступлю в институт, никогда не стану врачом, как мечталось еще со времен моей пионерской юности. Было немного обидно и еще как-то отчетливо некомфортно, будто я предал сам себя. Но, в конце концов, я честно пытался поступить целых пять раз и этой мыслью себя утешал.

Заключительная месячная практика у нас проходила в Клинике нервных болезней Первого медицинского института. Тамошнее отделение массажа и лечебной физкультуры по праву считалось лучшим в Москве. Кроме того, в нем работала легендарная Тамара Михайловна Турова, ученица самого Саркизова-Серазини.

К тому же в этом отделении массажистами трудились двое моих приятелей, пример которых оказался столь заразителным для меня. Так что мне скучно не будет: и научат, как себя вести, и посоветуют, и помогут если что.

Начался июнь, погода стояла классная, в реанимацию стали толпами поступать ныряльщики и утопленники.

Вообще лето – самый спокойный период работы. Народ выезжает на природу, расслабляется, отдыхает, становится не такой злой, как в холодное время года. Тут тоже, конечно, все бывает, но так, по мелочи. Или ножами друг друга порежут, или шампурами попыряют, или водкой потравятся, или в бане угорят, или в речке утонут. Да и происходят все эти «драмы на охоте» обычно в выходные дни. Так что летом и поступлений меньше, и даже свободные койки в блоках случаются.

По этой причине мне удавалось высыпаться на дежурстве, и на массажную практику я приходил в полном сознании.

В первый день, сразу же после собрания, где нас представили коллективу отделения и раздали больных, я вышел перекурить в садик, сопровождаемый моими закадычными друзьями.

– Полный облом! – пожаловался Вовка. – Прошлым летом и то было лучше, за всю ту неделю только червонец левыми заработал!

– Теперь до осени такая тишина будет! В клинике до сентября ловить нечего! – продолжил Андрюха. – Да и частные клиенты по дачам все разъехались!

Да, бедные мужики, хорошо Вовка успел тачку поменять, а Андрюха видео купить, а так бы до осени мучились.

Я поднялся на третий этаж и подошел к двери палаты. Там, за дверью, ждал мой первый больной. Нет, конечно, через меня прошла целая дивизия пациентов, но этот должен был стать первым, которого я получил в новом для себя качестве. Я немного волновался.

Действительно, что это за больной, которого не нужно подключать к аппарату ИВЛ, к монитору, заталкивать в него зонд, интубационную трубку, не надо переливать ему литрами кровь и другие растворы, дренировать плевру, а самое главное – не надо его мыть и перестилать.

Он же еще, наверное, и говорить может. Тяжело перестраиваться. Хотя курс на перестройку вот уже больше года как взяла вся страна. Вот и моя очередь пришла. Я подошел к двери палаты безо всяких инструментов, с голыми руками, и толкнул дверь.

– Здравствуйте! – как можно более беззаботно произнес я. – Мне нужен больной Ичмелян!

Первая халтура

Поговорим о деньгах. Не о том, что, согласно теории Маркса, деньги – это всеобщий эквивалент любого другого товара, – нет, мы поговорим о деньгах по-простому.

Денег всегда мало. Да можно сказать, их всегда нет. А если работать, как я, в реанимации, их и не будет. А безденежье, особенно хроническое, – состояние в общем-то малоприятное и, можно сказать, унижительное.

Тут, конечно, надо сделать скидку на описываемые мной времена. Тогда не было сегодняшнего разнообразия и разница в доходах граждан не исчислялась миллионами. Время было в этом плане наивное, даже какое-то инфантильное. Средний заработок в стране был около ста пятидесяти – ста семидесяти рублей в месяц. Многие получали еще меньше, пенсии – те вообще доходили до сорока рублей. Таким несчастным едва хватало на еду, транспорт и нехитрую одежду.

Как правило, никто из них не роптал, а люди пожилые говорили неизменное: «Одеты, обуты, чего еще надо, главное, чтобы войны не было». Войны вроде не было, но одеты и обуты все они были так, словно кто-то обрядил их в выкинутый на помойку по причине ветхости реквизит пьесы Горького «На дне». Те, кто помоложе, часто придерживались еще более простой философии: «На выпить-покурить хватает, а закуска у меня прямо на огороде растет». Это если, конечно, огород был. Ну а если нет, так и хлопот меньше.

Многие всю жизнь на что-то откладывали. Такое требовало целеустремленности и самопожертвования. Одна моя знакомая еще в первом классе решила скопить на дубленку. И все десять школьных лет прятала в укромное место те двадцать копеек, которые папа с мамой ежедневно выдавали ей на мороженое. После выпускного вечера она с немалым трудом вытащила заначку и пересчитала ведро двугривенных. Получилось около семисот рублей.

Три с половиной тысячи пломбиров, украденных у своего детства. На дубленку в самый раз.

Я и сам не чурался складывать по рублику, лелея мечту о японских часах, но все-таки копить – занятие тоскливое и безнадежное. Два года на джинсы, три года на телевизор, четыре – на холодильник, пять – на мебельный гарнитур, пятнадцать – на машину. Еще не успел накопить на последнее, а тут звонок с того света: «Пожалуйста в гробик!»

Хотя чаще приходилось откладывать даже не на что-то конкретное, а так, на всякий случай. Накопишь, поедешь по городу, а там вдруг повезет, наткнешься на дефицит! На дефицит наткнулись следующим образом: нужно было ездить по большим центральным магазинам и смотреть, не стоит ли где здоровенная, часов на пять, очередь.

Конечно, и тогда были богачи, но это отдельная тема. Богачи таскали кошельки, полные денег, у них везде были связи, и дефицитные вещи доставались им легко, без давки в очередях. Богачами легко становились те, кому посчастливилось работать в западных странах.

К сожалению, заграничные поездки, а уж тем более длительная работа за рубежом – удел избранных. Обычные граждане тоже искали разнообразные пути заработать. Некриминальных способов было не так уж много. Например, завербоваться на Север или поехать на летнюю шашку.

А к чему я это все завел? Ну, во-первых, мне хотелось хорошо одеваться, хотелось хоть иногда ездить на такси. Еще очень хотелось стереосистему. Да пусть и не стереосистему, сой-дет и средненький магнитофон. И я отлично понимал, что у медбрата никакой перспективы материального благополучия нет и не будет. Покупка любой значимой вещи, например пальто, превращалась в настоящую финансовую катастрофу. Да какое там пальто! У меня и карманных-то денег, в принципе, не водилось. А деньги, как ни крути, давали ощущение свободы. Свободы и независимости.

Ситуация с оплатой в медицине сложилась любопытная. Таких мизерных окладов не было даже у несчастных учителей. Ставка медсестры – восемьдесят рублей, врача – сто десять. А вожденный видеомагнитофон стоил две с половиной тысячи. Но так уж вышло, что людей в белых халатах давным-давно отправили на вольные хлеба.

Существует такой исторический анекдот. Первый нарком здравоохранения Семашко во время обсуждения заработной платы медикам заявил что-то вроде: «Хорошего врача народ прокормит, а плохие нам не нужны!» Действительно, только отгремела Гражданская, денег не было, а врачи всю жизнь занимались частной практикой. Государство и при царском режиме платило врачам немного, не надо строить иллюзий по этому поводу. Но вскоре любая частная практика сошла на нет, а потом стала и вовсе запретным делом. Гинекологи и стоматологи ушли в глубокое подполье, а остальные врачи, и хорошие и плохие, довольствовались нищими окладами в тоскливом ожидании, когда их начнет кормить нищий народ, и дружно проклинали наркома Семашко.

Деньги, конечно, брали. Рисковали, но брали. На чем иногда попадались, и тогда устраивались показательные процессы. Но брали далеко не все и далеко не повсеместно. Существовали традиции как в каждом лечебном учреждении, так и в каждой отдельной местности. Самое страшное, говорят, было заболеть в Средней Азии и попасть к местным эскулапам. И хотя деньги там, по слухам, платили все, причем огромные, толку от этого было немного.

На втором месте шли республики Закавказья. Там за мзду начинали шевелиться, но весьма вяло и куда-то не в ту сторону. Да и сами местные жители не очень-то доверяли своим темпераментным врачам. Все стремились попасть в Москву, в крайнем случае – в Ленинград. Делалось это очень просто.

Покупался билет на самолет, запикивался больной со всеми выписками, справками и снимками, часто с сопровождающим, и уже сразу по приземлении из московского аэропорта по телефону-автомату вызывалась «скорая». Безотказный вариант, к тому же недорогой.

Среди врачебных специальностей есть традиционные, представителям которых давали всегда. Это урологи и гинекологи. Не поблагодарить их почему-то считалось неприличным. Достаточно было посмотреть на стоянку машин у нашей больницы. Время от времени получали хирурги, делясь с анестезиологами. Терапевты, как и невропатологи, в среднем прозябали. Травматологи довольствовались традиционными бутылками. Мне кажется, что хуже всех приходилось реаниматологам. Во-первых, с такой специальностью особо не подхалтуришь. Не станешь же в свободное от работы время реанимировать граждан за деньги. А что касается работы в больнице, то здесь существовал своеобразный парадокс.

Казалось бы, по логике вещей, когда жизнь больного висит на волоске и этот волосок того и гляди может в любой момент оборваться, нужно расшибиться в лепешку, но заинтересовать персонал, в руках которого находится абсолютно беспомощный пациент, но что-то в моей теории не срабатывало. Скорее всего, потому что человек, попавший в реанимацию, пребывает там, как правило, либо без сознания, либо в сознании весьма спутанном. Да и родственники в отделение не пропускались. Только беседа с врачом в холле у лифта и передача, которую забирали сестры.

Видимо, по этим причинам нам редко приходилось слышать слова благодарности от выписавшихся больных. Тех, кто приходил сказать спасибо, я помню по именам. Происходило такое не чаще чем раз в год. Под благодарностью я имею в виду именно слова признательности, а не денежные знаки. Про деньги мы и подумать не могли. Нас так воспитывали.

Но однажды мне пришлось взять. Я почти закончил дежурство, когда, пробегая мимо холла, заметил жену больного, который лежал у нас с сепсисом. Я про него уже рассказывал. И про его жену, которая постоянно находилась рядом, насколько было возможно. И вот когда я проносился мимо, она негромко окликнула меня. Сначала показалось, что нужно принять очередную передачу, но оказалось, что дело не в этом.

– Леша! – негромким голосом начала женщина. – Спасибо вам за все! Я знаю, вы за ним ухаживаете, даже бреете. А позавчера кровь свою отдали, мне Виталий Кимович говорил. Вот возьмите, пожалуйста, и спасибо вам большое!

И она опустила руку в карман моего халата. Я опешил. Ничего подобного со мной не случилось. За пару лет до этого приходили цыгане, сильно шумели и размахивали мятым рублем, который я гневно отверг. Но чтоб, как сейчас, клали прямо в карман, такого не бывало. Я начал энергично протестовать громким шепотом. Не хватало еще, чтобы кто-нибудь увидел этот позор. Но женщина, тоже шепотом, сказала, чтобы я не выдумывал, и, отступив на боковую лестницу, стремглав покинула место события.

Я настолько растерялся, что пошел и заперся в туалете. Как в шпионском фильме. Когда заглянул в карман, то стало совсем худо. Она дала мне четвертак. Двадцать пять рублей. С трудом помню, как сдавал смену, как прошла утренняя конференция. Только когда ехал в метро, решил, что деньги эти домой не понесу. Я вышел на полдороге, зашел в Краснопресненский универмаг, увидел там на первом этаже большую очередь и купил страшно дефицитную в то время бритву *Schick* и пару запасных блоков к ней.

Сразу стало легче. Настолько, что вечером наврал Лене, как родственница нашего больного подарила мне бритву.

– И ты взял? – спросила Лена.

Эх, черт, не надо было деньги брать, не надо было ничего на них покупать, вот и собственная жена осуждает.

– Наверное, не надо было брать! – сокрушенно сказал я. – Но уж больно бритва хорошая! Лазейку я себе все-таки оставил.

– Да нет, почему? – удивилась Лена. – Ты же всегда такую бритву хотел. Просто принято монетку давать, если тебе нож дарят или, вот как сейчас, бритву. Ты дал монетку?

Так что я смутно представлял себе, как буду работать массажистом. Ведь все благополучие массажистов целиком и полностью зависит от так называемых «левых» денег. А это означает, что в карман теперь пихать будут постоянно, а самое главное – с моего согласия. И отпрыгивать и переживать просто глупо. Ладно, тоже мне проблема. Надо просто научиться называть цену твердым голосом и брать купюру уверенно и не краснея.

Ведь оклад был настолько мизерный, что буквально обрекал на нищенство. Восемьдесят рублей безо всяких надбавок. Притом что работа была физически достаточно тяжелой, хотя после реанимационных будней я воспринимал ее как приятную передышку.

В Москве хорошие массажисты были нарасхват, а я решил стать именно хорошим. В этой профессии на первое место выступали руки, даже не руки, а кисти. Нужно было иметь чувствительную, сильную и одновременно мягкую кисть, и казалось, что все это у меня в наличии.

Хотя, с другой стороны, я никогда не был мастеровитым человеком. Нет, конечно, в школе мне доводилось ходить на уроки труда, даже пару лет пришлось работать на токарном станке, но вот просить меня починить что-нибудь было себе дороже. Однажды в реанимации сломался утюг, как назло после очередной затеянной мной стирки, а это означало, что могла сорваться глажка халатов, к которой я припахивал молодых медсестер.

– Леша, починишь утюг – погладим твои халаты, если нет, тащи всю эту кучу домой!

Утюг и впрямь сломался, не грелся, и даже лампочка красненькая сбоку не горела. Я решительно взял ножницы, открутил винтики. И, заглянув в его внутренности, увидел, что один из двух проводов соскочил с клеммы и болтается рядом с ней. Что может быть проще? Я насадил на клемму провод, подкрутил посильнее и собрал утюг заново.

– Пользуйтесь, девочки! – объявил я нашим сестрам с деланным равнодушием, так, по моему мнению, должен вести себя настоящий мужик-хозяин, который может все – и утюг починить, и телевизор, и табуретку сколотить, и пельмени налепить.

Девочки не знали, с кем связались, и воткнули вилку в розетку. Результат оказался впечатляющим. Раздался оглушительный хлопок, из утюга выскочила очень красивая голубая молния, и сразу погас свет. Хорошо еще, что аппараты искусственной вентиляции легких работали от автономного питания, а то неизвестно, чем бы все это закончилось. Я с ужасом вглядывался в то место, где стояла медсестра, включившая утюг, ожидая увидеть там кучку пепла. Но, слава богу, все обошлось. В потемках на фоне окна был отчетливо виден силуэт, и он шевелился.

– Ох и ни фига себе! – произнес силуэт человеческим голосом. – Что это было?

– Замкнуло, кажется! – обтекаемо сообщил я и побежал в щитовую вставить на место выбитый автомат. Уже при свете мы рассмотрели утюг. Вместо основания традиционной клиновидной формы была затвердевшая к тому времени лужица расплавленного металла. Даже имеющий техническое образование Юрий Владимирович Мазурок подивился подобному зрелищу. Что я такое натворил, до сих пор остается загадкой.

В конце концов, утешал я себя, человеческий организм – это не утюг, там все просто и предсказуемо.

Я вошел в палату и беззаботным тоном, словно сейчас не в первый, а в тысячный раз буду делать массаж, произнес:

– Здравствуйте, мне нужен больной Ичмелян!

В дальнем конце большой палаты, в правом углу у окна, приподнялась голова, и голос с небольшим акцентом произнес:

– Это я Ичмелян, здравствуйте!

Пока я пробирался к его кровати, то успел подумать, что сейчас многое станет понятным, получится из меня массажист или нет.

И, присев на стул рядом с койкой, решил немного побеседовать перед процедурой. Никто, впрочем, меня к этому не принуждал, но я от природы был любопытен, да и новый этап в жизни требовал пристального внимания и изучения.

Больному на вид было чуть больше тридцати, худощавый, лысоватый, а на лице очень умные и веселые глаза. Он представился, вернее, назвался вымышленным именем, так как для Москвы настоящее – Сетрак – оказалось сложным и плохо запоминаемым. Поэтому он и сказал, что его зовут Сережа. Но я, почувствовав подвох, попытал подлинные данные и горячо заверил Сетрака, что запомню не только имя, но и даже отчество, если тот мне его скажет. Он весело, хотя и недоверчиво рассмеялся и еще раз представился:

– Сетрак Айказович.

– Хорошо, Сетрак Айказович, а теперь расскажите про себя и про свою болезнь! – устроившись поудобнее на стуле, попросил я и начал слушать.

Сетрак родился в Абхазии, а точнее – в Гумисте, пригородном районе Сухуми. Когда ему было четырнадцать, он, разгоряченный после того, как они с приятелями устроили бешеные скачки на конях из совхозного табуна, искупался в обжигающе-холодной воде стремительной реки Гумисты.

Он долго болел, у него началось воспаление спинного мозга – миелит, исходом которого стал паралич обеих ног. С тех пор передвигался он только с помощью кресла-каталки, потом, на двадцатилетие, родители купили ему машину с ручным управлением. Лечился Сетрак много и без особого успеха, в основном ездил на грязелечение в крымский город Саки, а в Москву приехал впервые в смутной надежде на чудо. Но в клинике заверили, что чуда не произойдет, порекомендовав общую в этих случаях терапию и назначив массаж.

Массаж я ему сделал на совесть, хотя на низкой кровати получалось неудобно, хорошо бы массировать на столе в отделении, двумя этажами ниже, но передвигаться сам он не мог, а лишних санитаров, как и кресел-каталок, не наблюдалось.

Я уже заканчивал, когда пришла его мама. Он сам так и сказал, когда в палату вошла пожилая женщина: «Вот и мама моя пришла!» И, обратившись к ней, произнес фразу, которая заняла полминуты. Сетрак говорил на армянском, и я понял только одно слово – «массажист». После чего сзади послышались шаги, и я почувствовал, как что-то зашуршало у меня в кармане.

– Что вы, не надо! – встрепнулся было я, но Сетрак приложил палец к губам, глазами показывая на соседей.

– Это обязательно! – негромким, но твердым голосом произнес он.

Тут и процедура подошла к концу, я пробормотал что-то насчет того, что завтра в то же время, и бочком выкатился в коридор.

Что за черт! Я совсем не хотел брать с него деньги, а тем более в клинике. Но, видимо, здесь свои правила, давно и не мной установленные. И хватит лицемерить! Я ведь именно из-за денег в массажисты подался, а тут строю из себя.

Так, надо перекурить это дело и собраться с мыслями. Я вышел в садик и присел на лавочку. Через минуту ко мне присоединились Вовка с Андрюхой, мои друзья-приятели.

– Мужики! – растерянно сказал я им. – Мне только что больной в карман что-то сунул! Что делать?

То, что сунула его мама, я уточнять не стал.

– Что делать? Радоваться! И обязательно с первой халтуры в пельменной за нас заплатить! – засмеялся Андрюха. – Сколько хоть дали?

– Не знаю, еще не смотрел! – честно ответил я и пожал плечами, но почему-то в глубине души совсем не хотелось, чтобы это был рубль.

– Треха! – уверенно подмигнул Вовка.

– Пятерка! – поднял ставку Андрюха. – Новичкам везет, мне семь лет назад за первый массаж в конце цикла так вообще червонец отстегнули!

– Скажешь тоже, червонец! – усмехнулся Вовка. – Да кто тебе сейчас червонец даст! Ну если только за цикл! Треха, к гадалке не ходи!

И они вдвоем заорали нетерпеливо:

– Давай не томи, Леха, показывай!

Я выплюнул окурок, нашарил бумажку и уже по ее размерам понял, что не рубль. На свет божий появилась новенькая, зеленая, хрустящая пятидесятирублевая купюра.

– Полтинник!!! – одновременно выдохнули Вовка с Андрюхой и так же одновременно закашлялись.

Легенда Большой Пироговки

В клинике нервных болезней еще несколько лет назад работала легендарная Люба Мазутина, пока ее оттуда не турнули. Люба была абсолютно чокнутая, но почему-то ее сумасшествие приводило меня в дикий восторг. С Любой я учился в медицинском училище, причем в одной группе. Сначала я ничего такого за ней не замечал, даже в первых числах сентября попросил займы рубль на обед. Правда, когда отдавал, пришлось помучиться, впихивать почти насильно – она не хотела слышать ни про долг, ни про обед, называя все это пошлостью и ерундой.

Но чем дальше шло время, тем больше стали проявляться ее странности. Например, сидим мы, слушаем преподавателя по общему уходу, та рассказывает нам про типы лихорадок, как больные на пике высокой температуры часто становятся неадекватны, и вдруг Люба со смешком заявляет:

– Да они сами бандиты неадекватные, эти люди в белых халатах, уж я-то на них нагляделась!

Все, включая преподавателя, вздрагивают, а Люба с рассеянной улыбкой уже смотрит куда-то в стену перед собой, думая о чем-то своем. Взгляд у нее был очень тяжелый и глаза пугающие, темные, почти что черные, на пол-лица.

Через месяц выяснилось, что Люба забросала все инстанции от Минздрава до прокуратуры заявлениями, что в родильном доме, где ей довелось поработать санитаркой и откуда ее спешно уволили, акушерки по ночам подмывают новорожденных холодной водой. Была создана комиссия для расследования этой диверсии, но подтверждающих фактов не обнаружили. Оказалось все проще. Такова была месть за увольнение.

Потом в училище обратилась девушка, у которой Мазутина попросила пяток медицинских библиотечных книжек на неделю. Прошел месяц, затем второй, но никаких книг назад она не получила. Более того, Люба, с которой та неоднократно связывалась по телефону, наотрез отказалась книги отдавать. Тогда отчаявшаяся девушка, которую в свою очередь осаждала библиотека, угрожая пятикратным штрафом, пришла в училище на прием в дирекцию. Наш завуч Анна Аркадьевна выслушала эту несчастную, пообещала содействие и действительно через пару часов вызвала Любу к себе в кабинет.

– Люба, приходила твоя знакомая, у которой ты брала учебники! – начала строгим голосом Анна Аркадьевна. – Будь любезна, верни их!

– Даже не подумаю! – заявила та, переминаясь с ноги на ногу. Она, как всегда, куда-то торопилась.

– Но это же библиотечные книги, за них человек расписывался! – немного растерявшись, продолжала завуч. – Ты понимаешь, что у нее будут неприятности?

– И прекрасно, если у нее будут неприятности! – радостно потерев руки, воскликнула Люба. – Так ей и надо. И пусть вся эта история послужит для нее хорошим уроком!

– Каким уроком? – совсем опешила Анна Аркадьевна. – Что ты такое говоришь?

– А таким! Она меня знает всего без году неделя, а уже дает ценные книги, без расписки, да еще не свои, а библиотечные! – торжественно произнесла Люба. – Ничего, впредь будет осмотрительнее! Да вы не переживайте так, Анна Аркадьевна, эта растяпа мне еще потом сама спасибо скажет!

Анна Аркадьевна отправилась к директору, серьезному человеку с черной бородой, похожему на Карабаса-Барабаса.

– Александр Иванович! – начала она. – Давайте сделаем как в институте! Они уже третий год, прежде чем документы принимать у абитуриентов, справку из психдиспансера требуют!

– Ань, – даже не взглянув на нее, углубившись в чтение бумаг на столе, ответил директор, – ты понимаешь, если такое правило ввести, тогда, кроме нас двоих, здесь никого не останется!

Потом Люба принялась скандалить с нашим фармакологом Георгием Эдуардовичем. Тот имел привычку курить на уроке в открытое окно и пить кофе из большой кружки. Любе это сразу не понравилось.

И она на удивление быстро его выжила, меньше чем за семестр. Устраивая дурдом на каждом занятии, а в финале настроив, как у нее водилось, кучу доносов.

Все-таки ее выгнали. Придрались к пропущенной недельной практике и выгнали. Хотя практику в училище прогуливали все. Люба сдалась не сразу, привычно забросав все многочисленные министерства, ведомства и карательные организации заявлениями, но ничего не помогло.

Тогда Люба устроилась санитаркой в реанимационное отделение Клиники нервных болезней. Мыла полы и выдавала белье. Поначалу ее хвалили и даже ставили в пример, она приступала к работе очень рано, в половине седьмого утра, а уходила на час позже, чем полагось.

Но тут в приемном покое стало плохо пациенту. Надо понимать, что клиника отличается от больницы. В обычной больнице человеку может быть как угодно плохо, для этого больницы и существуют. А вот в клинике, куда все поступают по плану, такая ситуация приравнивается к чрезвычайному происшествию.

Не знаю, что там случилось, скорее всего банальный приступ стенокардии, только из приемного покоя моментально позвонили в реанимацию, что была на четвертом этаже. Трубку сняла Люба Мазутина.

– Алло, реанимация слушает! – спокойно сказала она.

– Реанимация!!! – завопили на том конце. – Срочно с сумкой в приемный покой, здесь экстренная ситуация!

– Сейчас все бросим и побежим! – с издевкой ответила Люба. – Тут своей работы полно, и за нас никто ее не сделает, да и больные уж точно не легче ваших!

– Да вы что там, с ума все посходили? – надрывалась трубка. – Здесь человек умирает! Кто это говорит? Дайте заведующего срочно!

– Подбирайте выражения! – оскорбилась Люба. – Кто еще тут с ума сошел, если вы не можете больному квалифицированную помощь оказать? Между прочим, дипломы у нас у всех одинаковые, да и клятву Гиппократы мы одну и ту же давали! Постыдились бы! А Михаил Михайлович в данный момент подойти не может, он занят!

И трубку повесила.

Поняв всю бесполезность телефонных переговоров, из приемного покоя, запыхавшись, прибежали люди, покричали, захватили реаниматолога с чемоданчиком и медсестрой и убежали.

Слава богу, все обошлось. Больному купировали приступ и отправили в палату. А с Любой решили провести беседу, и сделать это выразил желание сам заведующий отделением Михаил Михайлович.

– Люба, что ты себе позволяешь! – нахмурившись, начал он воспитательную работу. – Твое дело – сообщать кому следует, если нас зовут на консультацию или вызов, а не бардак устраивать! Ты хоть понимаешь, что твоя дурость чуть не привела к трагедии?

– Ты что на меня орешь?! – возмутилась Люба. – Ты мне что, папа родной? И нечего тут мораль читать! Лучше на себя внимание обратить, чем спирт казенный воровать да коллективные пьянки устраивать! Вот это скорее к трагедии приведет!

Михаил Михайлович внимательно посмотрел на Любу и все понял. Он был хорошим врачом и наверняка имел положительную оценку за институтский курс психиатрии. Поэтому

он не стал горячиться и устраивать диспут. А просто на следующий день Люба была переведена из реанимации и стала мыть все лестницы в клинике и холл первого этажа. Но не на ту напали.

Примерно через месяц, в один из понедельников, главная сестра клиники вышла на работу после выходных. Зоя Алексеевна приезжала рано, в начале восьмого, как и многие, занимающие подобные должности. В вестибюле первого этажа она встретила санитарку Любу, которая к тому времени уже надраила полы и смотрела сейчас в глубокой задумчивости, опершись на швабру, на то место, где на стене была развешана всякая информация и наглядная агитация.

– Доброе утро, Люба! – поздоровалась с ней Зоя Алексеевна. – О чем размышляешь?

– Да вот думаю, странно как-то! – кивнув ей в ответ, произнесла та. – Уж третий день пошел, а некролога до сих пор нет!

– Какого некролога, Любаша? – с очень нехорошим предчувствием вскинулась главная сестра. – У нас что, кто-то умер?

– Так разве вы не знаете? – укоризненно сказала Люба. – Мне еще вчера позвонили, сообщили! Михаил Михайлович, он уже в пятницу после обеда плохо себя почувствовал, а вечером совсем худо стало! «Скорую» вызвали, но та не успела, сердце...

– Ах ты боже мой! – сокрушенно начала причитать Зоя Алексеевна. – Ведь молодой был еще совсем! Чуть больше сорока! Да как же так! Надо ведь что-то делать!

– Вот я и говорю, нужно же некролог повесить, а то нехорошо как-то! – сочувственно глядя на главную сестру, подсказала Люба. – Вы уж сами распорядитесь!

– Да-да, конечно, Любаша, все сделаем! – заверила ее та и пошла к себе в кабинет, потрясенно качая головой.

К началу утренней конференции все сотрудники клиники уже знали о несчастье. Сразу вспомнилось, что покойник в последнее время неважно выглядел, круги под глазами, осунулся. Да эта работа любого доконает, ни сна ни отдыха, один стресс. Интересно, кого-нибудь нового теперь пришлют отделением заведовать, или в самой реанимации кадры найдутся подходящие?

Заведующий отделением реанимации редко позволял себе опаздывать на работу, тем более на утреннюю конференцию в понедельник. Но сегодня, так случилось, ехал с дачи, а электричка застряла на полчаса. Когда он вошел в конференц-зал, дежурная смена уже отчитывалась по поводу событий выходных дней, но при его появлении докладчик осекся и замолчал. Все, как по команде, стали поворачивать головы к Михаилу Михайловичу, у многих от удивления открывались рты, некоторые даже вставали со своих мест. Подобного внимания к собственной персоне тот не видел, пожалуй, никогда.

– Извините, – в большом смущении развел он руками, – транспорт!

Хорошо, что в клинике не нашлось подходящей фотографии. Текст некролога уже был написан черной тушью на обратной стороне старой стенгазеты, но вывесить его не успели.

Уроки Абхазии

Моя месячная практика в клинике подходила к концу. Это была настоящая практика, без дураков. С нами занимались опытные врачи отделения, они смотрели на нашу работу, подсказывали, поправляли. Тех больных, которые передвигались сами, я массировал в отделении, к другим бегал на этажи. И хотя меня не покидало чувство некоторой несерьезности этого занятия, делать массаж мне нравилось. Причина моего скепсиса заключалась в том, что после работы в клинике я отправлялся к своему основному пристанищу, в реанимацию, и там погружался в совсем другую атмосферу.

«Чернобыльцев» из «голубого» корпуса тем временем стали увозить, размещая их по подмосковным санаториям и пионерским лагерям. О самой аварии стали говорить гораздо меньше, тем более как нельзя кстати случился чемпионат мира по футболу в Мексике. Советская сборная начала с того, что забила шесть безответных мячей венграм. Все ревели от восторга и заключали пари, медали какого достоинства привезут домой наши футболисты. Но, сыграв вничью с Францией и выиграв у Канады, те вдруг продули середнячкам-бельгийцам со счетом 3:4 и покинули турнир.

Вся огромная страна, прильнувшая к телевизорам, дружно выматерилась и так же дружно стала болеть за Аргентину. Марадона буквально творил чудеса, и даже когда он забил рукой гол англичанам, то никто его не осудил, все понимали, что это компенсация за Фолклендские острова.

В первых числах июля нам всем устроили экзамен по практическим навыкам, который у меня принимала сама Тамара Михайловна Турова в компании с заведующим отделением Борисом Львовичем.

– Молодец! – сказала она. – Руки у тебя хорошие, техника немного сырая, но это наживное. Только не торопись, работай чуть медленнее, и все будет хорошо!

Предложение работать медленнее очень позабавило, слышали бы его в реанимации, где всегда только и требовали, что увеличить скорость. Но похвала моим рукам от знаменитой Туровой – это был настоящий повод для гордости. Старожилы отделения утверждали, что Тамара Михайловна весьма скупа на оценки такого рода.

– Работаешь массажистом? Нет? А к нам пойти не хочешь? – продолжала она, окончательно меня смутив. – Смотри, если что, обращайся, местечко найдем! Правильно я говорю, Боренька?

Последнюю фразу Тамара Михайловна уже произнесла для заведующего, который утвердительно кивнул. Затем они оба покинули мою кабинку и перешли к следующему экзаменуемому.

– Вот и все, Орешкин, мы закончили! – похлопал я по спине больного. – Да и всему циклу конец, сегодня последняя процедура!

– Как это конец? – изумился Орешкин, рыжий парень, работающий в ГАИ в чине капитана. – Почему заранее не предупредил? Ты когда освободишься? В три? Все, замечано, в три я как штык на крыльце ждать тебя буду!

А я пошел попрощаться с моим первым пациентом в этой клинике Сетраком Ичмеляном. Мне всегда нравилось болтать с ним, пока я его массировал. Да и человеком он оказался очень приятным, располагающим к себе. Он часто рассказывал всякие случаи из приморской жизни, о своих приятелях-бандитах, о своем доме в Гумисте и о доме младшей сестры в Эшерах. А особенно охотно – про то, сколько и чего растет у него в саду-огороде.

– Мандарин – сто пятьдесят корней имею, апельсин – тридцать, персик – двадцать пять, лысый персик десять, – с удовольствием перечислял он. – Яблоко – восемь сортов! Инжир, хурма, мушмула тоже есть!

Я произносил восторженные междометия, не прерывая процедуры, а Сетрак продолжал:

– Лимон – двадцать корней, орех грецкий, виноград, помидор тридцать сортов имею, лук, огурцы, баклажаны, фейхоа есть, зелень-мелень всякая, табак в том году для себя посадил!

– Кончай заливать! – начинал ржать кто-нибудь из соседей по палате. – Ой, не могу, персики, лимоны... Ты еще скажи – пальма у тебя на огороде растет с бананами!

Сетрак приподнимал от подушки голову и говорил, чуть растерянно и смущенно:

– Есть пальма, но не у нас, а у сестры в Эшерах! – начинал он, а эти дурни вовсю показывались. – Честью клянусь, пальма есть!

Сетрак почти сразу стал зазывать меня в гости. Особенно после того, как понял, что никто в палате не верит такой щедрости богини Флоры по отношению к Автономной Республике Абхазия.

– Моторов, слушай, приезжай, бери жену, бери сына, гостем будешь, сам все увидишь! – серьезно начинал Сетрак. – На море загорать будешь, на Рицу поедем, в Афоне пещеру покажу, с друзьями познакомлю!

Ему сразу очень понравилась моя фамилия, и он стал называть меня исключительно Моторов.

– Раскатал губы, – снисходительно сказал Вовка и прикурил, – пока они здесь и ты с ними пашешь, тебя куда хочешь позовут, хоть в Ереван на свадьбу, а как до дела доходит – дохлый номер! При выписке ни телефона, ни адреса никто не оставляет!

– Это точно! – пуская кольца, задумчиво произнес Андрюха. – Тут в позапрошлом году с одним латышом месяц валандался. И массаж ему делал, и физкультуру, и вытяжение.

Тот меня тоже в Юрмалу все звал, даже свой телефон нацарапал! А когда позвонил ему, представился, то слышал: «Исфинитте, русский язык не понимает!»

И они с Вовкой дружно рассмеялись. Над коварным латышом и над моей наивностью. Я тоже было засмеялся, но, вспомнив те пятьдесят рублей, а заодно бумажку с адресом и телефоном, которые получил от Сетрака, устыдился. А может, преувеличивают Вовка с Андрюшкой, все же люди разные, вот хоть меня возьми, я тоже в пионерском лагере не всегда правильный номер давал. Просто как-то раз был один год, так я с утра до вечера только и делал, что на звонки наших пионерок отвечал, учебу полностью забросил.

Я подошел к койке, на которой спал Сетрак. Постоял в нерешительности, но затем все-таки потряс его за плечо. Тот быстро проснулся, потер глаза и, узнав меня, весело поприветствовал:

– А, Моторов, барев дзес! Как дела у тебя?

Сетрак все время интересовался моими делами. Причем мне казалось, что интерес у него этот неподдельный.

– Да все нормально, Сетрак, вот зашел попрощаться, сегодня у меня был последний день!

– Нет, Моторов, зачем прощаться! – строго ответил тот. – Ты еще этим летом в гости ко мне приедешь! Когда, ты говоришь, у тебя отпуск? Через неделю? Это хорошо, Моторов, через три дня у меня самолет домой, как приеду, твоего звонка ждать буду! А потом в гости тебя ждать буду! До встречи, дорогой!

– До встречи, Сетрак Айказович! – в тон ему ответил я, пожимая протянутую руку. – Обязательно позвоню!

Хотя совсем в этом не был уверен.

Ну а в три часа на крыльце меня уже ждал гаишник Орешкин. И мы с ним хорошенько напились прямо у него в машине. Он оказался славным малым, успел сгонять к себе на квартиру и взять две бутылки коньяка и закуски.

Это был самый паршивый июль на моей памяти. Низкие тучи, ветер и непрекращающийся дождь. А еще было очень холодно, как будто не июль, а март. Но даже не в погоде дело.

Этим летом я впервые за многие годы не поступал в институт. Все, хватит с меня, достаточно. Это для особо одаренных, а не для такой посредственности, который физику осилить не в состоянии. Хотя именно сейчас экзамен по физике взяли и отменили. Но я вовремя раскусил ловушку, понял, что коварная судьба придумала очередное издевательство, искушает меня, наивного, а потом возьмет и кинет в очередной раз. Уже без помощи физической науки.

А на самом деле я малодушно дезертировал. Попросту перестав в себя верить. Зато у меня появилась красная книжечка, свидетельствующая о присвоении мне квалификации мас-сажиста. И я уговаривал себя, что это компенсирует крушение детской мечты.

В отпуск мы собирались в один подмосковный академгородок, который находился в необыкновенно красивом месте на крутом берегу Оки с видом на заповедник. Этот город облюбовали разные режиссеры, которые на натуре снимали фильмы, спортсмены, которые интенсивно тренировались на лоне природы, а также бедная московская интеллигенция, которой не хватало денег на Сочи или Крым. А уж виды там были и в самом деле – среднерусская пастораль. Грех не снять.

Но в последний момент оказалось, что и мест в гостинице нет, и квартиру снять не получится. Да и по такой погоде непонятно, что там делать. Можно с тем же успехом в Москве торчать. И вдруг меня осенило.

– Лена! – сказал я жене с большим воодушевлением. – А хочешь, поедem на море, в Абхазию? Там хорошо, тепло, помидоры растут, персики!

Это был подлый прием. Говорить про помидоры и персики Лене. Если бы существовал змей-искуситель, он должен был подкатывать к ней именно с этими заветными плодами, а не с тривиальным яблоком.

Лена, которая в нашем дуэте всегда была эталоном осторожного благоразумия, дрогнула и вдруг согласилась.

– Моторов, барев! Ты где? Когда приедешь? – кричал в трубку Сетрак. – Билеты купил? Как не купил? Мы же договорились, давай сегодня за билетами и мне позвони, я тебя встречать буду!

И я поехал в аэрофлотовские кассы. Вот, ей-богу, везет дуракам и новичкам. Подойдя к окошку и сообщив, что нужно два взрослых и один детский до Сухуми на ближайшее время, я через минуту получил предложение вылететь послезавтра и обратно – через месяц. И хотя ровно через месяц уже нужно было выходить на первое после отпуска дежурство, я согласился. В конце концов, с Царьковой договориться для меня не проблема.

В дальнейшем я выяснил, что бронировать такие билеты нужно за сорок пять дней и при этом неделю провести в ночных очередях. Как объяснили потом знающие люди, в последний момент была снята чья-то бронь. А я в своем невежестве сохранил кучу нервных клеток.

– Молодец, Моторов, в понедельник тебя встречу! – радостно отозвался на весть о билетах Сетрак. – Какая машина у меня? «Шестерка», бежевая, с третьим движком! А-а-а, номер, номер не помню, Моторов, сейчас у мамы спрошу!

Меня тогда поразило больше всего, как это можно – не помнить номер машины, мне казалось, что все владельцы транспортных средств тогда знали номера своих колымаг лучше, чем собственное имя и фамилию.

Тамара Царькова, родившаяся в Абхазии, четко меня проинструктировала по телефону:

– Значит, так, Леха! У этих чурок в магазинах нету ни хрена, масло, сыр, колбасу – все везите с собой. Или тогда с тройной переплатой и только по большому благу! Конфеты берите с собой тоже. Местный чай – паршивый, но пить можно. Кофе на каждом углу варят на песке, хоть попробуешь настоящий! На рынке все вдвое дороже, чем в Москве. Сигареты можешь с собой везти, можешь местные курить. Ленку свою никуда одну, тем более на пляж, не отпускай, хотя она у тебя какая? Страшная небось? Ну тогда тем более не отпускай, если красивая, аферист!

В день отлета случился мой день рождения, был холод, двенадцать градусов, дождь. Мы уезжали одетые как в ноябре. В куртках и свитерах. В такси, которое везло нас до Внукова, из магнитофона надрывался модный Вилли Токарев, и к концу пути у меня голова была забита эмигрантской пошлятиной под завязку.

Самолет оказался огромный и пузатый, а у нас троих это был первый полет в жизни. Еще до взлета Рома нажал какую-то кнопку, пришла стюардесса. Поняв, что это ложный вызов, она мягко, но твердо попросила Рому никаких кнопочек больше не нажимать. Девушка не знала, с кем связалась. Рома в свои три с половиной года сам мог кого хочешь призвать к порядку, и замечания ему делать не рекомендовалось.

– Все, не хочу больше лететь на самолете, хочу на поезде! – заявил он. – И апче (так он произносил слово «вообще», верный признак у него сильнейшего негодования), не хочу я в вашу дурацкую Сухумию, а хочу к бабе Любе!!!

Тут пассажиры бросились его успокаивать, даже дали ему набор для игры в шашки. Рома еще повозмущался для порядка минут десять, а потом снисходительно успокоился. Тут и взлет объявили. Я приготовился смотреть в иллюминатор – сколько себя помню, всегда обожал высоту и вид сверху, излазил крыши всех районов, где мне довелось жить. Но не успел самолет оторваться от земли, как он вошел в слой низких, тяжелых дождевых туч. Прояснилось только около Ростова-на-Дону.

В Сухуми было тридцать восемь градусов. Когда мы вышли на взлетное поле в своих свитерах, в лицо ударила плотная и влажная волна. Не успели мы содрать с себя теплые вещи, как почти сразу к нам подошел высокий белобрысый парень и поинтересовался, не Алексей ли я из Москвы. Получив утвердительный ответ, он ловко подхватил наши пожитки и пошел с ними к стоянке машин.

Действительно у Сетрака была бежевая «шестерка». Наверняка с третьим движком. Сетрак искренне был нам рад, он представился Лене и подмигнул Роме. И, заметив у меня торчащую пачку «Мальборо», которую я купил пошиковать, выразительно поцокал языком. Я все понял и протянул ему сигареты.

Сетрак с наслаждением закурил и обратился к Роме:

– Тебя как зовут?

– Меня зовут Рома Моторов! – перекатывая букву «р», заявил наш сынок. – А при детях не курят!

И, соорудив, по своему обыкновению, хитрющую рожицу, сразу показал, кто здесь главный, погрозив пальчиком.

Абхазия. Именно сюда приплыли аргонавты за золотой овечьей шкуркой. Именно здесь, на свое несчастье, прославленный воспитанник кентавра Хирона, предводитель аргонавтов Ясон, встретил Медею. Тут и сейчас полно греков, только не тех, древних, а местных, сухумских. А имя Медея и по сей день достаточно популярно.

У абхазов же есть легенда, по которой Бог, одаривая все народы землей, абхаза обделил. Тот опоздал по какой-то причине к раздаче, и Бог, видя, что уже ничего не осталось, отрезал ему кусок своей, Божьей земли.

Это похоже на правду. В Абхазии есть все, что нужно для счастливой жизни. Мягкий климат, щедрая земля, море, озера, леса и горы. Запах мандариновых листьев, кофе и эвкалиптов. И огромное количество народностей, мирно проживающих рядом.

Гумиста, где жил со своими родителями Сетрак, оказалась пригородом Сухуми, название которому пошло от горной реки, впадающей в Черное море. Место компактного проживания сухумских армян. Армяне появились здесь после русско-турецкой войны и со временем стали говорить на особом наречии, которое в том же Ереване понятно далеко не всем. Да и какая разница, понимают ли их в Ереване, главное, что им тут хорошо.

Дом Сетрака выглядел не хуже и не лучше прочих. Большой, двухэтажный, с огромным, во всю длину дома, балконом, и конечно, за домом тянулся сад размером с полгектара, где самое почетное место было отдано цитрусовым. Сетрак не обманул, такого многообразия фруктов и овощей, что росли у него в огороде, я не видел до этого нигде.

А на второй день Сетрак специально отвез нас в Эшеры, соседнее село, где был дом его младшей сестры Асмик. Он ткнул пальцем в угол у забора и закричал радостно:

– Смотри, Моторов, мне никто в вашей больнице не верил, а я правду говорил! Видишь пальму? Всем расскажи, что пальму видел!!!

И вправду пальма, хотя не очень большая и без бананов, но вполне реальная.

Нам поначалу было странно наблюдать, как Сетрак, инвалид, парализованный с детства, лихо гоняет на своей машине. И вообще, у него был очень насыщенный и вполне полноценный образ жизни. Он в своей комнате шустро перелезал с кровати на кресло-каталку, выезжал на нем на балкон, где была сооружена лебедка типа лифта, опускался на первый этаж и уже минуту спустя сидел за рулем своих «жигулей». А через час мог оказаться где угодно, хоть в Пицунде.

Наверное, ни в каком другом месте ему не было бы так хорошо. В этом смысле приморский город стал для Сетрака идеальным местом. К тому же он имел кучу друзей и знакомых, которые частенько с наступлением темноты съезжались на машинах к нему во двор. Они смеялись, играли в нарды, пили кофе и курили, иногда, судя по дыму, даже запрещенное. В общем, шла настоящая развеселая жизнь.

Наш Рома сразу стал местной знаменитостью. И не только из-за своего характера, но и из-за экзотической для этих краев внешности. Он был абсолютным блондином, белым, как дверца холодильника. Его немедленно стали все тискать, хотя Рома такого рода вольности не уважал.

– Ромик-джан, – частенько спрашивали взрослые, усаживаясь в кружок, – нравится тебе у нас?

– Нет, не нравится! – спокойно и твердо отвечал Рома, фирменно произнося букву «р», как будто заводил маленький моторчик.

– Вай, вай! – сокрушенно начинали качать головами гумистинцы. – Почему, Ромик-джан?

– Да надоели эти дурацкие грузины! – объяснял им Рома. – Пристают каждый день!

Сразу же следовал взрыв смеха, ох уж эти извечные подколлки между армянами и грузинами, но хозяевам нашим было невдомек, что имелись в виду никакие не грузины, а именно армяне, просто Рома еще не понимал таких тонкостей. Хотя наш сынок был далеко не прост.

– Ромик-джан! – спросила у него однажды Майрам, мать Сетрака, та самая, что сунула мне в Москве пятидесятирублевую купюру в карман. – Какую бабушку больше любишь?

– Тебя! – не задумываясь, выдал Рома со своим традиционным лукавым выражением и рассмеялся.

– Вай, какой хитрый! – с восхищением произнесла Майрам. – Как еврей!

Майрам вела большое хозяйство, уже в пять утра она поливала огород, потом собирала урожай, а к восьми Сетрак отвозил ее на рынок, забирая под вечер.

– Плохой базар сегодня был! – возвращаясь, частенько сокрушалась Майрам. – Пришлось два раза цену сбавлять!

В тот период в Сухуми шла бойкая торговля помидорами.

– В этом году базар совсем плохой! – пояснял нам Сетрак. – Еле семь тыщ на этих памидор-мамидор заработали!

Нас это весьма забавляло. Такой плохой базар и слово «памидор-мамидор». Местные жители обожали рифмовать русские слова.

Кстати, как будет «помидор» по-армянски, они не знали. Я научил. Помню, спросил у них, как будет помидор на армянском. Они долго думали, совещались и сказали, что помидор на армянском языке будет – *памидор*. Пришлось им сообщить, что армяне в Ереване называют

этот овощ «лолик». Это я у Битова прочитал, в «Уроках Армении». Они меня сразу сильно зауважали.

Кроме того, я выучил десятка два армянских слов и начал разговаривать с шутливым акцентом: «Лена-джан, иди сюда, слушай, что я тебе покажу, да?»

Майрам тогда кивала на полном серьезе: «Твой Алеша по-нашему говорить умеет!»

На третий день мы пошли на море. Первые два дня солнце закрывала небольшая дымка. Я и решил, что на пляже в такую погоду делать, только время зря тратить. Зато потом небо прояснилось, солнце уже в девять утра жарило всю, и я понял, что пора.

Сетрак отвез нас на пляж на машине, а обратно я сказал, что сами дойдем, не развалимся.

Черное море. Как же давно я его не видел. Последний раз мне пять лет было. Но детские воспоминания – они самые живучие. Я стоял на берегу, слушал, как волны перекатывают гальку, как кричат чайки, вдыхал запах соли и водорослей, будто снова попал туда, куда никому нет возврата...

Вот мой мячик сдувает ветром в море, он, набирая скорость, уплывает от берега, а отец все стоит и ждет, не торопится. «Я ему дам фору!» И когда мяч уже становится неразличим у линии горизонта, пускается за ним в погоню. Возвращается почти через час и смущенно говорит: «Не переживай, Алешка, твой мячик в Турцию уплыл!»

Вот я в местном парке отдыха, где на асфальтовом пяточке для детей устроили прокат педальных машинок. Десять копеек – десять минут. Машинок свободных нет, и мне достается лошадка. Я не хочу на лошадке, но стесняюсь сказать маме. Просто сижу верхом и никуда не еду. «Женщина, так же если вы думаете, что мы вернем деньги, вы крупно ошибаетесь. Скажите вашему мальчику, чтобы он уже перестал портить всем нервы и начал кататься!»

Вот я с отцом в тире. Впервые в жизни. Отец заряжает ружье, показывает, как нужно целиться, как стрелять. Я долго целюсь в самолет. Наконец стреляю. Самолет остается на месте, зато ракета, с грохотом описав дугу, падает за бортик. «Ай молодец, бичо, снайпер, мамой клянусь!» – кричит усатый тирщик. А другой человек, сильно подвыпивший, долго говорит что-то. Отец улыбается и кивает головой. «Советовал тебя в Суворовское отдать!» – объясняет он на улице.

А еще бутылочные стеклышки, гладкие, совсем не острые, отшлифованные морем. Я очень любил их собирать...

Мы взяли напрокат тент и засунули туда Рому. Лена благоразумно присоединилась к нему минут через двадцать. Стало совсем жарко, настолько, что если смотреть вдоль берега, очертания деревьев причудливо извивались в потоках раскаленного воздуха. А мне захотелось загореть сразу, за один день. Чтобы в Москву приехать в состоянии неземной красоты. Я плавал, нырял, пускал блинчики, курил, собирал стеклышки, ловил крабиков. Но в темноту, невзирая на призывы Лены, не залезал. Часа через три-четыре стало здорово пощипывать. «То, что надо!» – подумал я и разрешил всем вернуться домой.

По дороге кожу стало драть еще сильнее. А когда мы вошли в дом, Майрам, увидев, какого я цвета, вплеснула руками, заголосила что-то траурное на армянском и сразу же стала натирать меня мацони. Но было поздно.

Ближе к вечеру поднялась температура, всего трясло, не хотелось ни есть, ни курить. Казалось, что и кости тоже сгорели. Я болел три дня сильно и еще три дня умеренно. Вся спина превратилась в огромный волдырь. Меня показывали друзьям, соседям и даже дальним родственникам, приехавшим из Очамчиры. Все причитали, цокали языком, в общем – жалели, но подозреваю, что в глубине души считали дураком. В общем-то правильно. Только ближе к ночи я выползал на балкон и принимал воздушные ванны. Тогда ко мне присоединялся Сетрак, мы пили кофе и говорили с ним о разном. Про царство Урарту, про резню в Турции, про болезни, про машины, про то, как он ездит продавать мандарины в Россию, которая начиналась за рекой Псоу в сотне километров от Гумисты.

Продажа мандаринов являлась в то время основной статьей доходов для жителей Абхазии. Причем место имела контрабанда в огромных, чуть ли не в государственных масштабах. Дело заключалось в следующем. Мандарины со своих участков можно было продавать только местным закупочным кооперативам. Те платили копейки, и дураков сдавать им мандарины не было.

Все загружали свои автомобили мандаринами под завязку и выезжали на большую дорогу. Кругом висели плакаты:

«Цитрусовые в любом количестве за пределы республики вывозить запрещено!» Гаишники за сезон, говорят, делали себе состояние. Брали и давали все. Потому что в России мандарины стоили уже в несколько раз дороже.

Те, кто имели большие участки, могли заработать тысяч двадцать – тридцать. У семьи Сетрака было два сада. В Гумисте и в Эшерах.

Вообще понятие денег здесь было совсем другим, нежели в Москве. Мне казалось, что тут их воспринимают иначе, практически на вес. Я помню, когда жил в селе Махновка, на самой границе с Украиной, что значили там три-четыре сотни, которые местные жители получали с продажи урожая со своего огорода за год. Да какой там урожай, лук да картошка. Убогие домишки, редкие мопеды. Мотоцикл считался за несусветное богатство.

А здесь у всех были огромные дома, большие участки, почти все мужское население имело машины, причем дорогие, красивые, хотя малость аляповато отделанные. Попадались даже иномарки. Правда, почти на все цены были намного выше, чем в Москве, качество оставляло желать лучшего, а сдачу в магазинах никто никогда не спрашивал.

Я слышал еще в детстве от своей тетки Юли, что в Тбилиси никто не дает сдачу. Требовать сдачу считалось оскорбительным. Вскоре мне пришлось убедиться, что в Абхазии те же традиции.

На второй день, высадив запас своих московских сигарет, я пошел в местный магазинчик, перед этим выяснив у Сетрака, какой самый популярный местный сорт. Оказалось, что «Апсаны», так абхазы называли саму Абхазию.

В магазине стояла небольшая очередь, исключительно из мужчин. Все они, подходя к продавцу, делали одно и то же. Протягивали ему рубль и говорили: «Две пачки „Апсаны“!» Брали протянутые сигареты и уходили. И все бы ничего, да только пачка стоила сорок копеек. Значит, с каждого рубля продавец пятую часть клал себе в карман. Нормально. Кормить этого достойного сына Колхиды совсем не входило в мои планы.

Когда настала моя очередь, я протянул ему четыре рубля и сказал: «Десять пачек „Апсаны“, пожалуйста!» Продавец внимательно посмотрел на меня, перевел взгляд на трешку и рубль, нагнулся под прилавок и вытащил сигареты. Я сгреб их в сумку, и отправился домой в приподнятом состоянии духа.

– Сетрак! – произнес я гордо. – Мне вашего продавца удалось наколоть! Не дал пожить этому жулику!

И поведал Сетраку о своем поступке, достойном хитроумного Одиссея.

– Ашота обманул? Молодец! – улыбнулся Сетрак. – Покажи-ка, Моторов, что он тебе продал!

Я протянул ему сумку. Сетрак вытряхнул на стол сигаретные пачки, посмотрел на них и еще шире улыбнулся.

– Считай, Моторов, – засмеялся он, – еще не родился такой человек, который нашего Ашота обманет!

Пачек было девять. Но оказалось, и это еще не все.

– Смотри, Моторов! – продолжал забавляться Сетрак. – Видишь мои сигареты? Здесь какая картинка на пачке? Синяя! А у тебя зеленая! Видишь полосочки на сигарете? А у твоих нет! Теперь понюхай! Чувствуешь, как мои пахнут? Табаком пахнут! А у тебя? Что говоришь?

Рыбой и плесенью? Наверное, ты прав. Теперь мои закури! Нравятся? Вот и кури! А те, которые тебе Ашот продал, курить нельзя. Эти сигареты у него года три лежат. Тогда на фабрике крыша обвалилась, дождь сильный был. Табак намок, гнить начал. Бумага намокла, пачки намокли. Но план делать надо! Ашот не знал, что ты мой гость. Теперь узнает. Скажу ребятам, завтра сигареты твои поменяют!

А сами они всегда считали, что по-настоящему богатые люди живут в Москве. Ну еще в Ереване. В этом заключалось их какое-то детское простодушие.

– Чтобы в Москве прожить, два мешка денег надо! – утверждала Майрам. – Все москвичи – миллионеры!

Говоря это, она прищурилась и с явным подозрением смотрела в мою сторону, видимо проверяла, куда я дел свои два мешка. Те деньги, которые мы с Леной зарабатывали вдвоем за месяц, здесь шутя тратились за полдня.

Большинство жителей абхазских пригородов числились в местных цитрусовых совхозах, но работали они там весьма формально, предпочитая заниматься какими-то своими частными делами, ходить друг к другу в гости, разъезжать по побережью, сидеть в кофейнях.

Другими словами, жизнь местных работников сельского хозяйства поразительно отличалась от той, что вели их коллеги в средней полосе России. По всем параметрам. Огромные каменные двухэтажные особняки, большие ухоженные сады, гаражи с машинами, современная дорогая мебель в домах. Японская аппаратура, яркая, модная, заграничная одежда.

И наверное, самое главное – никаких признаков пьянства. Здесь даже намек не было на то российское, вечное, непросыхающее с утра до вечера состояние людских масс, особенно заметное в деревнях. Непохмеленная, с тяжелым запахом перманентная дурнота, направление всех мыслей и едва ли не единственная цель – это стакан. Водка как путь к полной и обреченной деградации, когда сорокалетний мужик скорее напоминает больное животное с прокисшим мозгом, нежели человека. Постоянные унылые разговоры о том, где бы найти сейчас выпить, и обрывочные воспоминания, где и как нажрались накануне.

При этом у всех жителей Абхазии в подвалах были в большом количестве запасы чачи и вина, но никто не относился к этому как к смыслу существования. Так, приятное дополнение ко всей остальной жизни, только и всего.

По этой причине народу около бочки с чешским пивом в самом Сухуми, возле центрального кинотеатра, было один-два человека, не более. Местные жители предпочитали пить кофе. Кофе в Абхазии – отдельная тема. Его варили по-турецки, в джезве, на песке. Он получался удивительно крепким, ароматным и вкусным. Чашечка была маленькая, на пару глотков, таким кофе принято было наслаждаться под разговор и сигарету.

Когда я смог выходить днем из дома, мы начали колесить по окрестностям. Сетрак здорово водил машину, переключая какие-то рычажки в кустарно сделанном ручном управлении. Рычажки соединялись с проволочками, а проволочки – с тормозом, газом и сцеплением. Я предпочитал не думать, когда мы неслись по серпантину, что же будет, если проволочка, ведущая к тормозу, слетит с рычажка.

Сетрак от быстрой езды приходил в приподнятое настроение, чего не скажешь о Лене. Та откровенно боялась ездить по горным дорогам, кроме того, ее немного укачивало. Сетрак таких тонкостей не знал и развлекал нас по пути соответствующими историями.

– Моторов, вот на этом повороте «Волга» с «пятеркой» столкнулись и обе в пропасть свалились! – радостно объявлял он. – А тут видишь? Камнепад был, машина с дороги прямо в скалу врезалась, все сгорело!

Я украдкой смотрел на Лену, она сидела бледная, но держалась мужественно.

– А в прошлом году мой сосед Карапет ночью на буйвола налетел! Буйвол дальше пошел, а Карапет два месяца в больнице лежал, еле выжил! – продолжал веселить нас Сетрак. – А тут, смотри, ущелье впереди, машина военная упала, триста метров летела! Все умерли!

При этом нам навстречу из-за каждого поворота, казалось, прямо лоб в лоб вылетали легковушки, автобусы, грузовики. У меня что-то сжималось в районе солнечного сплетения, и я малодушно прикрывал глаза.

– А тут совсем смешной случай был! – бросив руль на повороте и показывая пальцем на длиннющий склон, который под углом сорок пять градусов шел к морю, захохотал Сетрак. – Одна фура с ереванскими номерами в поворот не вписалась, машина с трассы соскочила и вниз понеслась! Водитель из кабины высунулся и кричит: «Помогите, помогите!» Кто же ему поможет?!

И правда, какой смешной случай. Это просто моя работа в реанимации начисто чувство юмора отбила. Слишком живо себе все представляю. Нездоровый больничный реализм.

– Тамарка! Тут на твоей исторической родине с обратными билетами труба! – нагло врал я с переговорного пункта. – Переставь мои первые сутки с четырнадцатого на семнадцатое! А я тебе за это календарь с Кикабидзе куплю, на стенку повесишь!

– Пошел ты на хер со своим Кикабидзе! – справедливо возмущалась Тамарка. – Скотина, календариком отделаться решил! Чтобы тапочки мне резиновые привез! Розовые или красные, тридцать восьмой размер!

Потом я узнал, как она во время перекуров сообщала всем:

– Лешка, достал уже! Каждый день по межгороду звонит!

Со временем мы снова стали выползать на море, но уже без экстремизма. Начали уважать силу южного солнца и принимать его лучи как полагается – дробно и не форсируя.

На пляже, кроме нас, почти никого не было. Каждый день к нам подходил местный фотограф, загоревший дочерна молодой мужик. Но мы традиционно отказывались от группового портрета на фоне моря, считая это лишним и пошлым.

А вечерами у нас была культурная программа, Сетрак раздобыл у друзей видеомэгнитофон, поставил под навес у гаража и устраивал киносеансы, которые заканчивались, как правило, под утро.

На следующий день мы жарко спорили, кто кому наkostenяет, Брюс Ли Сильвестру Сталлоне или же наоборот. А иногда, отдыхая от фильмов, я играл с Сетраком и его друзьями в карты, в «буру» или «козла».

Раз в неделю мы предпринимали дальние вылазки, например, Сетрак отвез нас на знаменитое озеро Рица и по благу устроил экскурсию в новоафонские пещеры, где Роме больше самих пещер понравился маленький поезд, который ходил по тоннелю, настоящее мини-метро.

Мы действительно были у него в гостях, с нас никто не брал деньги ни за жилье, ни за еду. Но, чтобы не быть совсем уж нахлебниками, я каждый день старался делать Сетраку массаж, а Лена помогала Майрам по хозяйству.

Мне невольно доводилось подслушивать, пока я курил на балконе, как Майрам, разбирая с Леной многочисленные вещи, говорила:

– Лена-джан, скажи Сетраку: «Сетрак, почему не одеваешь что тебе мама купила? Почему брюки не носишь, которые шестьдесят рублей стоят?»

Отпуск подходил к концу, почти все деньги, которые были с собой, остались при нас. В последний день мы все-таки плюнули на условности, взяли и сфотографировались на пляже. Радуюсь, что наконец заполучил таких лопухов, фотограф заставлял нашу троицу принимать различные позы, менял композицию и зафотографировал до исступления, аж на целых сорок восемь рублей.

Мы начисто забыли про этот эпизод, но где-то в конце октября, когда уже выпал снег, по почте в Москву пришел туго набитый конверт.

Там было два десятка фотографий, где мы стоим на фоне моря, и на каждой в правом углу сложной вязью написано «Сухуми-86».

У Сетрака в гостях мы провели ровно месяц. Это был наш первый полноценный летний отпуск, не омраченный очередным провалом в институт. Да и вообще настолько далеко в моем сознании отодвинулись героические медицинские будни, будто мне все это когда-то приснилось. В последний вечер, когда я курил на балконе и любовался звездами под пение цикад, то с неподдельным удивлением понял вдруг, что меня опять ждет тяжелая суточная работа, снова будет кровь, грязь и каталки с мертвецами.

Спасибо тебе, Сетрак Айказович, что ты хоть на время дал мне это забыть.

Осень

Андрюша Орликов решил завязать с хлопотной жизнью реаниматолога, поступив в клиническую ординатуру при Кардиоцентре. В конце августа он накатал заявление об увольнении и был таков, а мне сразу стало одиноко. В принципе, Андрюша все сделал правильно. Кардиолог – специальность востребованная, не скучная, да и работа не на износ.

В реанимацию мы пришли с ним в один год и в один месяц. В первый раз я увидел его во время пятиминутки в ординаторской, где он сидел на диване, румяный, длинноволосый, похожий больше на рок-музыканта, чем на врача, и с очень серьезным видом пытался незаметно для окружающих жевать резинку. Наряжен он был в какой-то явно импортный халат, из нагрудного кармана которого торчала ручка «паркер». Его почти сразу поставили дневным доктором в первый блок, поэтому мы виделись с ним достаточно часто.

Мое пристальное внимание Андрюша привлек тем, что после одной совместно произведенной трахеотомии он в протокол операции в качестве ассистента вписал меня. Обычно никто этого не делал, потому что медбрат никак не может числиться ассистентом на операции. Так я впервые попал в историю.

Мы стали частенько болтать о разных вещах во время перекуров на эстакаде. Летом – что хорошо бы осенью сходить за грибами. Осенью – что нужно зимой покататься на лыжах.

Зимой – что неплохо бы взять короткий отпуск да и махнуть весной в Таллин. Весной сокрушались о том, что из-за плотного графика нам ничего не удалось совершить. И с легким сердцем переносили задуманное на следующий год. Ведь у нас вся жизнь впереди.

К тесному общению мы приступили сразу после памятного празднования Нового, 1983 года, когда мы четверо – Витя Волохов, Ваня Рюриков, Андрей Орликов и я, – завершив первого января праздничную вахту, вылезли на свет божий из подвала, словно четыре танкиста, с бодуна потерявшие своего Шарика. В подвал после дежурства нас заманил Витя Волохов и, убеждая в необходимости опохмелки, заставил распить из горла бутылку теплой водки, от которой всех сразу стало тошнить. А выбирались мы на улицу через морг, все почему-то в побелке, в скособоченных шапках и болтающихся по земле шарфах.

В морге посреди траурного зала стояла наряженная елка, вокруг которой водили нестройный хоровод похабно накрашенные девицы. Увидев нас, они хриплыми голосами стали спрашивать санитаров, что это еще за алкаши привалили с утра пораньше.

Получив ответ, что мы дежурная реанимационная бригада, барышни чрезвычайно заинтересовались нашей компанией и стали наперебой приглашать на белый танец. Танцевать с этими снегурочками нам не хотелось совсем, и мы попросту сбежали. Минут десять еще стояли на улице около морга, обнимались, целовались, никак не могли расстаться.

Андрюше нравилось обсуждать книги, причем, как правило, американских авторов. Самыми любимыми у него были те произведения, где главный герой неделю квасит, а потом неделю дебоширит. Особняком стоял Сэлинджер. Хотя герои и ведут там себя сравнительно пристойно, но этот автор почитался им выше прочих.

Еще он рассказывал о фильмах, про которые мало кто слышал и совсем мало кто видел. Ему доводилось ходить на закрытые просмотры, а летом посещать Московский кинофестиваль. Судя по всему, фильмы там демонстрировались хорошие, во всяком случае, такие имена, как Феллини, Шаброль и Бергман, мелькали постоянно. А некоторые, не такие серьезные, Андрюша часто пересказывал во всех деталях. До сих пор помню его интерпретацию фильма «Око за око» с Чаком Норрисом. Оригинал, который я посмотрел двумя годами позже, показался мне куда менее динамичным.

Еще мы вспоминали наши детство-отрочество-юность, то есть драки, пьянки-гулянки и прочие приключения. При этом Андрюша вставлял в свои рассказы какое-то невероятное количество простонародных прибауток, будто его растила деревенская няня.

Жил он рядом с метро «Университет» в так называемом «преподавательском» доме. У него была потрясающая библиотека, и ни разу не было такого, чтобы, зайдя к нему в гости, я возвращался домой без книжки.

Иногда после легких дежурств мы устраивали настоящую культурную программу. Особенно было здорово, когда стояло теплое время года. Тогда мы садились на метро, доезжали до станции «Площадь Свердлова» и вдоль ГУМа по Красной площади спускались к Москве-реке.

Там мы покупали билеты в кинотеатре «Зарядье», если, конечно, показывали стоящий фильм, и приобщались к искусству. Если фильм шел барахляный, что случалось часто, мы сразу приступали ко второму действию. Перебегали дорогу и шли на пристань. Туда причаливали речные трамвайчики, которые ходили каждые двадцать минут.

Мы грузились на кораблик, брали в буфете по бутылке пива, усаживались на корму и отправлялись в плавание.

Я очень любил эти круизы. Сидишь с другом, пьешь пиво, болтаешь, а мимо справа и слева проплывает город, солнце светит, ветерок обдувает – красота!

Выходили всегда у Парка культуры и, не тратя времени, шли в «Пльзень», здоровенную пивнуху. Наливали в автомате по полной кружке, заказывали большую тарелку креветок и вели бесконечные умные разговоры, прерываясь лишь на то, чтобы сбегать налить еще.

В пивной мы торчали часа два, после чего не спеша проходили через весь парк с аттракционами, лишь иногда останавливаясь, чтобы пострелять в тире.

Затем долго брели Нескучным садом, болтали, курили, приближаясь к заветной цели – живому уголку недалеко от Окружной железной дороги. Там в загончике жил пони, настоящий, маленький, с теплыми губами. Его сторожила какая-то ведьма, которая время от времени выбегала из своего сарая и с воплями била пони по крупу дубьем.

Ну, тут у каждого свое проявление любви к нашим меньшим братьям. Мы же с Андрюшей, чтобы не разбудить эту кикимору, тихим чмоканьем подзывали пони к ограде, гладили по холке, кормили леденцами и сигаретами.

Далее наш путь лежал через железнодорожный мост, тот самый, на котором в новом, модном кинофильме «ТАСС уполномочен заявить...» наши отважные рыцари плаща и кинжала скрутили подлого американского шпиона.

Заканчивалось путешествие обычно у вестибюля станции метро «Спортивная». Если оставались деньги, мы покупали в палатке по бутылке пепси-колы, если нет, то просто стояли и курили, разглядывая толпу. Народ тоже пил пепси, курил и общался. Как правило, публика была вызывающе нарядная, и мы глазели на модную в этом году одежду, обсуждая детали.

Потом каждый ехал к себе домой. Я – через весь город в Тушино, а Андрюша – до следующей остановки. Ну тут он всегда был хитрецом. Не помню, чтобы хоть одна прогулка завершилась вдали от его жилища.

Мне кажется, что если с ним посидеть в мюнхенском «Августинере», то потом, выбираясь переулками, незаметно, за разговорами, через какое-то время все равно попадешь на Ломоносовский проспект.

+ + +

В октябре я решил, что пора уходить. Пошел пятый год моей работы в реанимации. Всему, чему я хотел здесь научиться, я давно научился. Не существовало такой манипуляции врача-реаниматолога, которая не была бы мной освоена до автоматизма. От тоски я даже овладел люмбальной пункцией и скоро стал делать ее не хуже больничных неврологов. Несколько

раз мне удавалось уговорить наших хирургов, и они подпольно брали меня ассистентом на большие операции.

Но без обучения в институте во всем этом не было особого смысла. Так, мелкий, ничего не меняющий штрих, доказательство самому себе. Когда-то, только поступив в училище, я опасался – а вдруг не выдержу вида крови? Вдруг не смогу сделать руками элементарные вещи? Поэтому, чтобы себя проверить, напросился на первой же практике, уже в середине сентября, работать санитаром в операционную.

Помню, как первый раз стоял у стола, где лежал молодой мужик, которому готовились произвести аппендэктомию, и страшно боялся, что, когда его начнут резать, я грохнусь в обморок. Не грохнулся. Даже потом потрогал пальцем ампутированный отросток. Ничего особенного. И тогда же остался с хирургической бригадой в ночь, они гнали меня домой, но я их все-таки уломал. А уже под утро упросил сестру в торакальном отделении, и она позволила сделать мой первый укол. Руки сразу стали чужие и ватные, ноги подкосились, во рту пересохло, а игла никак не хотела протыкать кожу. Но кое-как я уколол, и сразу стало легче. А когда после операций мне, как санитару, доверяли мыть кучу окровавленных инструментов, от счастья петь хотелось.

Сейчас я уже счет потерял самостоятельно сделанным трахеостомам, интубациям, не говоря о прочих мелочах. Но так получалось, что на этом моя большая медицинская мечта завершилась. Остаться в реанимации дальше уже не было никакого смысла.

Как прелюдия перед поступлением в институт пятилетняя работа медбратом – это слишком, а как дело на всю жизнь – точно не для меня.

В последнее время даже традиционные беседы во время перекуров стали меня изводить. Особенно когда приходилось слушать старую сестринскую гвардию. Десять лет назад, когда открывали больницу, медсестер набирали из глухой провинции, заселяя их в общежития. Работали они не за страх, а за совесть, правда с какой-то унылой обреченностью, а разговаривали всегда про неустроенность личной жизни, про уборку картошки в родной деревне, про хорошее кино «Вечный зов» и про цыгана по имени Будулай. Раньше мне было как-то все равно, а теперь я сразу чесаться начинал.

В общем, пора было сваливать.

А вот для меня ли карьера массажиста, честно говоря, я не знал. Массажист в любом случае – что-то типа парикмахера, к которым с большим предубеждением относилась наша заведующая Лидия Васильевна.

Но может быть, именно на этом поприще я совершу то самое важное, что предназначено мне свыше? Хотя вряд ли. Что за предназначение – тереть чужие спины? Ладно, жизнь покажет.

Мой приятель Вовка решил уйти из клиники и вообще из медицины. Хороший знакомый его отца занимал в ту пору должность ни много ни мало директора Ваганьковского кладбища. Подивившись, как это молодой парень может жить на смешную сумму, которая в месяц со всеми «левыми» не дотягивала даже до тысячи, румяный и довольный жизнью директор столичного погоста, вдоволь отсмеявшись, предложил Вовке бросать к чертям такой альтруизм и пообещал устроить в бетонный цех при кладбище, который изготавливал цветники на могилы. Оклад был мизерный, но «левые» были совсем другие и сулили большие жизненные перспективы.

Прагматичный Вовка с восторгом согласился. Я было выразил легкое недоумение: уходить из клиники и становиться кладбищенским ханыгой, пусть и за большие деньги, казалось уж больно радикальным. Да и общение с коллегами по знаменитому ритуальному учреждению представлялось мне делом весьма специфическим.

При первой же возможности я поделился своими сомнениями с Вовкой, будучи у него в гостях.

– Леша, мужик прежде всего должен зарабатывать бабки! – раздраженно и назидательно бросила Вовкина жена, колдуя у плиты. – А нравится работа или не нравится – вообще не разговор!

И посмотрела на меня с нескрываемой жалостью. Дискуссия на этом сразу и завершилась.

В общем, в Клинике нервных болезней освободилась ставка массажиста. Меня там запомнили и, когда я пришел интересоваться местом, с радостью мне его предоставили. В принципе, уже можно было с октября выходить туда на работу, но я оттягивал, как говорится, до последнего.

Только сейчас я со всей очевидностью понял, как же будет тяжело уходить из реанимации. Там было все такое знакомое, родное, понятное. И как я, интересно, теперь буду жить? По ночам дома спать, все субботы и воскресенья опять же дома проводить. Работать только на ставку, с больными, которые в сознании, из которых не будут торчать дренажи и трубки...

Да мне к такому сто лет привыкать придется, если вообще привыкну. Я даже дома к телефону подхожу: «Реанимация слушает!»

По этой причине я оставил себе еще пару месяцев реанимационных дежурств для моральной адаптации к новым для себя условиям жизни.

А оформление в клинику мне посоветовали провести через систему перевода. В то время такое практиковалось. Если работник переходил в профильное учреждение, ему туда устраивали перевод. Тогда и статистика не портилась, и отпуск сохранялся. Любо-дорого. Договорились, что я выйду на новую работу в понедельник первого декабря.

Подходящий срок

Конечно, известие о моем скором уходе никакой особой радости в отделении не вызвало. Людей у нас всегда не хватало, но этой осенью две медсестры ушли в декрет, а еще две, причем обе Тани, уволились. Одна из этих Тань была Таня Богданкина, она вышла замуж за парня из Зеленограда, и ездить на работу ей стало далековато. А вот вторая Таня – это был особый экземпляр. Ее увольнению, вернее переводу в отделение стерилизации, радовались все, как малые дети.

Дебилы бывают разные, хотя и обладают некоторыми общими чертами. У всех дебилов, если кто не в курсе, слабо выражена способность к абстрактному мышлению. Вот почему они могут заниматься только чем-то конкретным, например клеить коробочки для мармелада, а поставить, скажем, кукольный спектакль они не в состоянии.

Наша Таня принадлежала к разряду дебилов злобно-упрямых, самых агрессивных, мстительных и необучаемых. Как она окончила медицинское училище, не совсем понятно, видимо, там просто поленились ее выпереть. А в больнице кадровики никогда не занимались такими глупостями, как собеседование. Здесь же не райком комсомола, не редакция газеты, не «почтовый ящик», а простая больница. Где персоналу доверены жизнь и здоровье пациентов. Сущие пустяки, одним словом.

Все, кто отработал хоть сутки с Таней, начинали вопить, что такого они еще не видели. Даже знаменитую Валю Баранкину и ту вспоминали с теплотой.

Давно уволенная к тому времени Валя Баранкина была крупной девушкой из деревенских. Она являлась ярким представителем дебилов апатично-заторможенных, хотя у нее и случались приступы вялой активности.

Периодически Валя начинала переживать за дело, ей хотелось как лучше, о чем она лениво размышляла – как правило, вслух.

Идет, к примеру, утренняя конференция. Суходольская, по своему обыкновению, спрашивает под занавес, есть ли у кого вопросы. Тут Валя тяжело поднимается с места, вздыхает и говорит, что нужно поменять все иглы для подключичной пункции в «шоковом» зале.

– Зачем, Валя? – удивлялась Лидия Васильевна. – Зачем менять все иглы, они новые, вполне пригодные!

– Затем, Лидия Васильевна, – густым басом отвечала Баранкина, – что доктор Мазурок по часу ковыряется, никак вену найти не может, никуда эти иглы не годятся!

Все, конечно, радостно начинали переглядываться, а бедный Мазурок краснел и опускал голову.

Подходит как-то Валентина к нашему врачу-лаборанту Елене Гаркалиной и спрашивает:

– Елена Николаевна, а как так получилось, что Андрей Владимирович, такой красивый мужчина, взял да на вас женился?

Андрей Владимирович работал в нашей больнице травматологом и правда был красавцем-брюнетом, вдобавок с бородой.

– Ты не поверишь, Валюша, – посмотрев на Баранкину поверх очков, ответила Гаркалина, – я к тому же на пять лет его старше!

– На пять? – схватившись за сердце, выдохнула Валя. – Быть того не может!

– Я тебе больше скажу, – улыбнувшись, продолжала Елена Николаевна, – он меня еще и с ребенком взял!

Валя окаменела, постояла с минуту, потом заплакала навзрыд и бросилась прочь.

Оказалось, что вопросы семьи и брака занимали Валентину не на шутку. Прошло какое-то время, и она опять пришла в лабораторию. Полагая, видимо, что чистая лабораторная работа делает чистыми людей и их помыслы. На этот раз Валя решила проконсультироваться у Эле-

оноры Александровны, самой эрудированной сотрудницы нашего отделения, яркой к тому же антисоветчицы.

На дежурствах Элеонора то и дело пыталась апеллировать к общечеловеческим ценностям, но почти всегда безрезультатно.

– Ребята, ну как же вы можете так говорить! – в отчаянии взывала она к нашим докторам. – Ведь только изверги могут пассажирские самолеты сбивать. Там же люди, ни в чем не повинные!

Доктора пожимали плечами, одна часть искренне не понимала, чего уж так кипятиться, а другая полностью одобряла геройскую атаку нашего перехватчика на южнокорейский «боинг».

– Нет, Алеша, эта страна скоро развалится! – убеждала меня Элеонора, когда я заходил к ней в кабинет отвести душу. – Смотри, следующий год уже оруэлловский – восемьдесят четвертый! Что они теперь задумали? С Америкой повоевать? Так ведь просрут за три дня!

Мне-то казалось, что советская власть будет над всеми глумиться по крайней мере еще лет сто. В стремлении переубедить меня Элеонора уже на следующее дежурство приносила статью Амальрика «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?».

– Алеша, еще лет семь, не больше. Попомни мои слова!

Элеонора Александровна была замужем за выдающимся математиком Владимиром Арнольдом. Тогда же, в начале восьмидесятых, ему присудили шведскую премию Крафорда, такой аналог Нобелевской для обделенных Нобелем математиков.

Нужно ли говорить, что это возмутило всю прогрессивную общественность СССР. Премии от лицемерных капиталистов должны получать люди надежные, проверенные, с четкой партийной позицией, типа Шолохова, а не какой-то там Арнольд. Мало ему Ленинской премии, что ли? А потом, кто его знает, вдруг поедет в Швецию да и не вернется? В конце концов было принято взвешенное решение: хочет – пусть получает свою премию, но за кордон его не выпустим. Посему вручение состоялось в Москве, в посольстве Швеции. По окончании торжественной процедуры чрезвычайный и полномочный посол поинтересовался по протоколу, не желает ли госпожа Арнольд что-либо передать ее величеству шведской королеве.

Элеонора Александровна всплеснула руками:

– Да почему же меня никто не предупредил? Ведь у нас на даче в этом году такая вишня уродилась! Знать бы заранее, я бы баночку варенья передала!

Вот к ней-то и заявила Валя Баранкина с целью найти ответы на мучающие ее вопросы.

– Элеонора Александровна! – торжественно начала Валя. – У меня к вам серьезный личный разговор!

Элеонора Александровна, как и многие интеллигенты высшей пробы, пришла в неописуемые волнение и восторг, свойственные утонченным натурам, когда к ним обращаются люди простые, вот такие, как Валя.

– Конечно, Валечка! – воскликнула Элеонора, усаживая упирающуюся медсестру на диван. – Говори, я вся внимание!

– Элеонора Александровна, как вы считаете, – зардевшись, начала Валя, – может ли незамужняя девушка жить половой жизнью?

Элеонора придвинулась к ней поближе и доверительно взяла Валю за руки.

– Валечка! – проникновенно сказала она. – Самое главное между мужчиной и женщиной – это чувства! И если имеет место, не побоимся этого слова, любовь, то, безусловно, половая жизнь будет гармоничным и естественным дополнением!

Валя Баранкина вскочила как ошпаренная, своим большим телом задев бедную Элеонору, которая отлетела к стенке.

– Я... я вас считала порядочной женщиной!!! – заорала она перепуганной насмерть Элеоноре. – А вы такая же блядь, как и все!!!

И, вылетев стремглав из кабинета, со всей мочи жახнула дверью, обрушив полку с реактивами.

Короче говоря, Валя Баранкина была хоть и олигофренкой, но милой и забавной. Таких в каждом большом коллективе – воз и маленькая тележка.

Над новенькой медсестрой Таней никто не смеялся. Всем было страшно и за себя, и особенно – за больных. Парадокс ситуации заключался в том, что уволить за слабоумие в то время не представлялось возможным. Да и сейчас наверняка нет такой статьи. Считается, вероятно, что если у человека есть диплом, то и мозги к нему прилагаются автоматически. Какая наивность!

Внешне она походила на неандертальца, ту промежуточную ступень эволюции, что находится между питекантропом и кроманьонцем. Вернее, раньше так считали, а теперь появились неопровержимые доказательства самостоятельности этого вида.

Вот такая была и Таня. Приземистая, коренастая, с короткими кривыми ногами, с длинными, ниже колен, руками, узким лбом, маленькими злыми глазками и тяжелой челюстью. Другими словами – красавица. И нрав у нее был кроткий, под стать внешности, сама доброта.

– Сестренка, дорогая, сделай укольчик, сил нет терпеть! – стонет в блоке больной. – Болит очень!

– Какой еще тебе укольчик! – рявкала сестренка, раскачиваясь на стуле и ковыряя в носу. – Да на тебе пахать можно, ишь, разнылся!

– Во, понаписали, охренели совсем! – изучая листы назначений, шумно скребла в затылке Танюша. – Охота была лекарства переводить, все равно половина очокурится!

– Дочка, знобит меня, крови много потерял! – просит Таню очередной бедняга. – Накрой одеялом, видишь, как трясет!

– А ты не трясись! – остроумно отвечала дочка. – На вас на всех одеял не напасешься, не в гостинице!

Наверное, Танин предок-неандерталец был более гуманным существом.

Она по складам читала назначения, не могла запомнить ни одного из названий лекарств, напрочь не понимала разницы между миллилитром и миллиграммом и никогда не слышала о группах крови.

За ней следили всюду, старались ни на минуту не упускать ее из поля зрения. Не дай бог что случится – всех посадят!

Ходили к главной сестре больницы Маргарите Николаевне, валялись у нее в ногах, та приходила, беседовала с нашей девочкой, вздыхала, с сочувствием разводила руками и повторяла в который раз: «Молодого специалиста уволить не имеем права!» Вот так причудливо выглядит подчас основной принцип великого Гиппократы: «Не навреди!»

Но в сентябре все узнали, что Таня беременна. Это было известие почище, чем очередное сообщение о подорожании продуктов первой необходимости.

Всех занимал один вопрос: кто же он, отважный добрый молодец, что покусился на нашу нимфу?

Сразу же все начали приставать к Кочеткову – тот действительно старался не обходить вниманием никого из новеньких сестер, – но в ответ на скабрзные вопросы по поводу Тани Андрей Андреевич изображал на лице такой неподдельный ужас, что от него скоро все отстали.

А тут и мама Танина заявила поговорить о судьбе дочки с Лидией Васильевной. Одного взгляда на эту скромную женщину было достаточно, чтобы убедить самых отъявленных скептиков в том, что генетика – это все-таки наука. Та же Таня, только лет на двадцать старше и, как ни странно, добрее. Видимо, злобный характер достался нашей красавице от неизвестного папаши.

Танина мама решила склонить Суходольскую к содействию по поводу аборта, но Лидия Васильевна поняла, что беременность – единственная возможность сплавить Таню из отделения, и поэтому стояла насмерть на страже интересов материнства.

У себя в кабинете она засыпала маму с дочкой медицинскими терминами, и те вскоре сдались.

– Будем рожать, доча! – с просветленным лицом произнесла мама. – Ничо, справимся, воспитаем! В советской ж стране живем!

– Ага! – ответила Таня, она сидела в уголке, раскачиваясь, по обыкновению, на стуле и устремив мрачный взор в потолок. – Справимся, делов-то!

Тут Лидия Васильевна дала волю своему женскому любопытству. Кроме того, она еще и администратор, а вдруг в нашем отделении грех случился, а вдруг, чем черт не шутит, все тот же Кочетков? Или другой какой, тайный чувственный диверсант? Нужно же к такому индивидууму вовремя меры принять, изолировать, в конце концов!

– Скажите, – осторожно начала заведующая, обращаясь к маме, – а вы знаете, кто отец?

– Знаем, конечно! – охотно поддержав светскую беседу, кивнула та. – Это Олежка, сосед напротив. Хороший мальчик, в училище сейчас учится военном, в другом городе, вот летом в отпуск приходил, тут у них с Танюхой и сладилось! Он сам-то и не знает, чё учудил!

Да... совсем оголодал курсантик на казенных харчах, ну да бог ему судья!

– Так вот вы ему напишите, обрадуйте! – радостно, оттого что тень не ляжет на вверенное отделение, начала развивать мысль Суходольская. – Может, он не откажется от ребенка. Может... – тут Лидия Васильевна зажмурилась, стараясь не смотреть на Таню, – может, он даже женится!!!

Тут Таня, которая продолжала раскачиваться, замерла на мгновение и, бросив ковырять в носу, произнесла своим низким и грубым голосом:

– Да и не он отец вовсе!!! – и снова закачалась.

– А кто, Таня? – совершенно обалдев от эдакого поворота, изумилась Суходольская. – Ты прости меня, пожалуйста, у тебя что, еще с кем было?

Тут Лидии Васильевне стало немного страшно, а вдруг сейчас Таня возьмет и скажет: «А чё такого, было, с Юрием Яковлевичем пару раз!»

– Я вам чё, Лидия Васильевна, шалава какая? – отозвалась Таня. – Я чё, по-вашему, со всеми без разбора? Просто тут мне это, как его, на УЗИ сказали, что срок десять недель, а я точно помню, у нас это самое девять недель назад было! Причем один раз только! Видите, по сроку не подходит!!!

Суходольская изо всех сил держалась, чтобы не заржать, схватившись за край стола.

И уже когда она выпроваживала их из кабинета, Таня обернулась и с сомнением покачала головой:

– А по сроку-то не подходит!!!

А вот мой срок неумолимо подходил.

В начале ноября я еще раз съездил в Клинику нервных болезней для завершения необходимых бюрократических процедур. Мне показали мой шкафчик в раздевалке, я подписал кой-какие бумажки, оставалось завизировать их в отделе кадров, который находился совсем в другом здании, рядом с Новодевичьим монастырем. Провожать меня туда вызвался сам заведующий отделением Борис Львович.

Погода стояла необычно солнечная для конца осени, поэтому, чем ждать троллейбуса, мы решили пройти пешком. Лучше бы нам этого не делать. Потому что, не успев дойти до посольства Вьетнама, Борис Львович поскользнулся в какой-то дико грязной и подозрительно вонючей луже и упал в нее навзничь, как подстреленный. Я даже подхватить его не успел. Хорошо еще, что все обошлось без травм.

Борис Львович смущенно матерился, а я помогал оттирать ему пальто газетой «Социалистическая индустрия», которую содрал со стенда. Посольский милиционер, несущий свою вахту, с большим интересом смотрел в нашу сторону.

Потом все-таки решено было вернуться в клинику, надеть вместо перемазанного пальто белый халат и заодно меня от дерьма отмыть. А то, чего доброго, за ассенизаторов примут.

Вот черт, плохая примета возвращаться, дороги не будет! Правда, вроде я не суеверный. Да и дерьмо, если ничего не путаю, к деньгам. Деньги – это хорошо. Их у меня скоро будет целая куча. Они всю мою унылую жизнь изменят. И я сам наконец изменюсь. Не исключено, что в лучшую сторону.

Ерунда это все, что деньги портят. Не портят, просто дают возможность раскрыться. Да у меня, если хотите знать, уже были большие деньги. Огромные. Я в буквальном смысле спал на мешке с деньгами. И окружающие никаких во мне негативных перемен не заметили. Они, честно говоря, вообще мало чего замечали.

Лирическое отступление № 2

Про то, что деньги лучше хранить в сберегательной кассе

Тетя Юля подкинула свою малолетнюю дочь старикам и отправилась работать в Африку. А вернувшись из своего сказочного Магриба, как и полагалось в то далекое время, с ворохом подарков и центнером жвачки, почему-то забыла взять Асю обратно. Впрочем, всех это устроило. Бабушка и дедушка навсегда заполучили драгоценную внучку, внучка получила детство, отрочество и юность, полные любви и свободы, а тетя Юля, во-первых, личную жизнь, не омраченную заботой о подрастающем поколении, а во-вторых, обожание этого самого поколения. То есть безмерную любовь собственной дочери Анастасии. Ведь давно известно: любовь от разлуки только крепнет.

Хотя какая уж здесь разлука. Это я приврал, разумеется. Тетя Юля часто забирала Асю на выходные и к тому же проводила с ней летние отпуска.

А мне так и вообще стало лучше всех. Я обзавелся постоянным спутником в своих детских играх, а кроме того, надежным и мудрым товарищем. Ася была старше меня на целых полтора года. И в то время казалась куда умнее большинства взрослых. Именно моя двоюродная сестра поведала мне основные тайны устройства бытия, а вовсе не старшее поколение.

Когда мне было пять лет, она сообщила, что детей рожают, а не покупают в магазинах. Я растерялся, но возражать не решился. Когда исполнилось шесть, заявила, что Ленин – плохой человек. Я принял к сведению и ни разу не усомнился. А восьмилетнему объяснила, что такое проститутка, произнеся серьезно и немного снисходительно:

– Проститутка – это женщина, которая торгует своим телом.

Я ровным счетом ничего не понял, но, как всегда, согласился и кивнул.

Первые годы жизни нас держали на даче. Поближе к народу. Потом, когда Ася поступила в музыкальную школу, пришлось возвращаться в Москву. Дедушка, бабушка и Ася стали жить в большой комнате, а я с мамой и отцом – в маленькой. А через год Ася пошла в первый класс.

Вот из-за того, что в ее отсутствие мне стало нечем заняться, я и принялся сам себя развлекать. Поначалу мой досуг был тихим и вполне пристойным. Я читал, причем все подряд. Начиная с «Книги о вкусной и здоровой пище» и кончая монографией, описывающей быт народов Полинезии. Взрослым это нравилось. Потом я увлекся кораблями. Такими, как крейсер «Варяг» и фрегат «Паллада». И стал лепить их из пластилина в умопомрачительных количествах. Взрослым это нравилось куда меньше. Особенно бабушке.

В то время она учила нас с Асей играть на гитаре. Мои перемазанные пластилином руки намертво прилипали к грифу.

Затем я полюбил огонь. И тот сразу ответил взаимностью. Я бродил по дворам и поджигал все, что попадалось на глаза. От меня разило бедой и дымом пожарищ. Прожженная во всех местах куртка гремела спичечными коробками. Предчувствуя неотвратимое, меня сплавили в детский сад, от греха подальше, справедливо полагая, что скоро я запалю квартиру. Но оказалось, что размеренная коллективная жизнь противопоказана юному Прометею. Я немедленно начал болеть, причем делал это от души, видимо подсознательно не желая возвращаться к казенным творожным запеканкам.

Тогда меня оставили дома, предварительно попрятав все спички. Наивные люди! Спичек всегда было полно у деда Яши в письменном столе. Да и кроме них там было много всего интересного. Например, настоящая кобура от настоящего пистолета. Погоны с большой звездой. Коробка с орденами и медалями. Медицинский пинцет. Логарифмическая линейка. И прочее, по мелочи. Я сам не заметил, как променял свою увлекательную пироманию на созерцание этих сокровищ. Обычно я залезал в стол, когда бабушка после обеда ложилась спать. На эти два часа она не просто погружалась в сон, а как бы переносилась в совсем другое место за сто километров от дома. Разбудить ее днем было делом абсолютно нереальным. Поэтому мне удавалось преспокойно рыться в ящиках в паре шагов от ее кровати, нисколько не боясь быть застигнутым на месте преступления. Время от времени я подходил к шкафу и любовался собой в большое зеркало, по очереди прикладывая к груди дедушкины награды, полученные за ратный подвиг и мирный труд.

Видимо, дед Яша обнаружил кое-какие признаки моих визитов. Не говоря никому ни слова, он – неслыханное дело для нашей семьи – просто стал запирать стол на ключ. Не весь, а только центральный ящик. Самый большой и самый интересный. Выяснить, что он прячет ключ под стопкой белья в шкафу, было пустяковым делом.

И вот однажды во время очередной ревизии я заметил, что уголок пожелтевшей газеты, которой было выстелено дно ящика, немного отогнулся. И там лежит нечто интересное, розово-фиолетовое. Отвернув газету, я обнаружил, что это деньги. Точнее, пачка денег, правда, каких-то странных. Деньги, которые были в ходу, я знал хорошо. Самая большая была бумажка в сто рублей. Мне одну такую показывал дядя Вова, папин брат. А на тех, что из дедушкиного стола, на каждой значилось «Пятьсот рублей». Трактора нарисованы, заводы. Ага, вот и цифры: 1948. Сорок восьмой год. Все понятно. Старые деньги. На них уже ничего не купишь. Даже пистоны в «Детском мире». Старые деньги я один раз видел, мама откуда-то приносила. Только на тех было написано «Сто рублей» и нарисована царица Екатерина Вторая. Бесполезные картинки. Интересно, зачем они деду Яше?

А пачка-то какая толстая! Тяжелая, веревочкой перевязанная. Я аккуратно положил ее на зеленое сукно столешницы, снова приподнял газету и буквально залез туда с головой. Ничего себе! Все дно огромного ящика было выложено этими пачками. В три слоя. Как это я раньше не заметил? Вот ведь дедушка странный какой, зачем ему столько старых денег? Нужно Асе рассказать. Да чего уж там рассказать. Нужно Асе показать. Вместе посмеемся. А потом я все на место верну.

Не трата времени даром, я быстро переложил все пачки в огромный бумажный мешок из многослойной коричневой бумаги, который взрослые называли почтовым. Он валялся сложенным в закутке коридора под старыми вещами. Мешок получился почти полным, едва ли не тяжелее меня. Мне составило немало труда волоком перетащить его в нашу комнату, потом я аккуратно расправил на дне ящика газету, запер стол, а ключ положил на место в шкаф, в стопку простыней и наволочек. Спящая бабушка даже не шелохнулась.

Тут и Ася из школы вернулась. Я с гордым видом показал ей стоящий посреди комнаты мешок. Ася, приподнявшись на цыпочки и рассмотрев содержимое, восхищенно показала головой. К моей большой радости, она тоже от души повеселилась над сбрендившим дедушкой. Действительно как маленький, собрал такую кучу дурацких бумажек и доволен.

Ася, как обычно, сразу все здорово организовала.

– Будем играть в магазин! Чур, я продавец!

И только мы вывалили все пачки из мешка и приступили, как на пороге возникла бабушка. Проснулась. Мы сразу притихли. И хотя баба Люда никогда не применяла по отношению к нам экзекуций, я понял, что, возможно, именно сейчас нам достанется. Особенно мне.

– Так, почему вы роетесь в каком-то мусоре? – строго произнесла бабушка, глядя на гору денег. – Тебе, Ася, только цыпок на руках не хватало!

Она всегда переживала за ее руки. Еще бы, для гитариста – это главное.

– И что у вас за бумажки? – как всегда немного раздраженная после сна, брезгливо нахмурившись, спросила баба Люда. – Откуда они вообще взялись?

Ну все! Пропал! Правда, еще оставалась надежда, что бабушка тоже посмеется над чудачком дедушкой.

– Это же старые деньги, – вдруг весело и спокойно произнесла Ася, – их Алеше его другая бабушка отдала!

– С ума сойти, какая щедрость! – пробормотала баба Люда, выходя в коридор. – Не нашла ничего лучше, чем детям всякую дрянь подсовывать! Ася, быстро иди обедать, тебе уже заниматься пора!

Заниматься – значит на гитаре играть.

Пронесло! Вот не зря я Асю всегда мудрой считал, как быстро ей удалось сообразить, что нужно сказать. Теперь даже необязательно деньги обратно в стол запихивать. Бабушка их видела, не запретила – значит, разрешила. А дедушке они не нужны.

И мы стали играть в эти старые деньги почти каждый день. Придумывали себе разные истории, где по сюжету купюры должны были торчать изо всех карманов, а благородные герои сорили ими направо и налево. Нам вести такую разгульную жизнь очень нравилось. И когда Ася собралась на выходные к маме, я запихнул в ее старый клетчатый портфель этих пачек под завязку. Чтобы она там не скучала. Как же к маме совсем без денег идти?

Бабушка со временем привыкла к нашим играм и больше не ворчала. Только перед приходом родителей с работы я заталкивал ногами мешок к себе под кровать. А то еще выкинуть заставят, с них станется.

Однажды мы решили их пересчитать. Пачек было много, купюры все разные. На некоторых – они мне больше всего нравились – были рисунки. Танки, самолеты, поезда. На других только надписи. «Двадцать», «Пятьдесят», «Сто», «Двести», «Пятьсот» и даже «Тысяча рублей». Начали с мелких. Все время сбивались и путались. Читали мы хорошо, а считали еще не очень. Дошли до пятидесяти шести тысяч и бросили. Да и какая разница.

Ближе к лету нам незаметно наскучили эти игры. А вскоре и мне пришла пора идти в первый класс. Какое-то время я таскал эти деньги в школу и щедро раздавал пачки одноклассникам. Пусть поиграют. Потом и им надоело.

И я совсем забыл про старые деньги.

Прошло много времени. Год, а может, и два. Была суббота. Я, вернувшись из школы, стоял в ванной и мыл руки перед обедом. И тут в квартире все пришло в движение. Домашние вдруг забежали, заговорили взволнованными голосами, запахло валокордином.

На меня при этом никто не обращал никакого внимания. Интересно, а что случилось? Немного погодя показалась мама с печальным лицом. Присев на краешек ванны, она сдавленным голосом сообщила:

– У дедушки пропали все облигации. Из запертого стола. Он собирал их всю жизнь.

«Облигации»? Да, точно, там же на всех бумажках было это слово. А еще другие. «Государственный заем, восстановление народного хозяйства...»

– Тоже мне, нашел что всю жизнь собирать! – радостно объявил я. – На них и купить ничего нельзя!

Мама вздрогнула, как от удара током, медленно подняла глаза и шепотом спросила:

– Где?

Оказалось, что на дедушкины «старые деньги» можно было купить много чего. Правда, не сию минуту, а немного погодя. Это и правда были облигации. Те деньги, которые государство брало займы у своих граждан, чтобы потом отдать с лихвой. Но почему-то не отдавало десятилетиями. И всегда находились причины. То из-за подготовки к войне, то по причине самой войны, потом из-за последствий войны, а уж в дальнейшем, видимо, по привычке.

Но тогда, в начале семидесятых, наши отцы-правители, видимо, посчитали, что неудобно всякий раз заявлять о построении развитого социализма и одновременно с этим быть по уши в долгах у собственного населения. И вот впервые в советской истории было решено в скором времени постепенно гасить тиражи облигаций. Причем сделать их подобием лотерейных билетов. Некоторые счастливицы могли выиграть до ста номиналов, если не больше.

И про это великое событие было напечатано в газете «Известия» в пятничном номере. Дед Яша наткнулся на эту заметку лишь в субботу. И сразу жутко разволновался. Он уж и не верил в такое счастье. Его, ведущего сотрудника «Мосэнерго», можно сказать, всю жизнь, начиная с тридцатых годов, ровно на половину оклада заставляли приобретать облигации. И попробовал бы он отказаться.

Дедушка подошел к шкафу, вынул из-под стопки белья ключ, присел на кресло перед столом, поправил очки, повернул ключ в замке и выдвинул ящик. Он уже сто лет не смотрел на свои трудовые сбережения. Я почему-то представляю, что, прежде чем залезть под газету, он зажмурился в предвкушении прикосновения к приятно хрустящим стопкам. Неизвестно, было ли так на самом деле, но то, что вместо купюр дед Яша нашарил лишь дерево стола, это точно.

Как же меня ругали! Чего только мне не говорили! И когда я сразу сознался, и когда вытащили из-под моей кровати изрядно похудевший мешок, и когда пересчитали и выяснили, что осталось не больше половины, и особенно когда, объясняя недостачу, я рассказал, что в течение нескольких месяцев я, как сеятель, щедро разбрасывал пачки по классу в подставленные руки.

Самым употребляемым в те дни было слово «идиот». В основном говорили: «Ну что с него взять, с идиота». То есть с меня. Потом пришла тетя Юля и заявила с порога: «Какой же ты все-таки идиот!» Имея в виду, как ни странно, дедушку. Мне сразу полегчало. Настолько, что вспомнил за обедом про портфель, набитый облигациями, который Ася тогда унесла к маме.

– Какой портфель? – На лицо тети Юли стала набегать тень. – Такой красненький в клеточку? Да черт бы вас всех побрал!

Она даже со стула поднялась:

– Я же только на прошлой неделе посмотрела, там хлам какой-то, макулатура, взяла и в мусоропровод все выкинула!

А вечером я услышал, как отец негромко сказал маме:

– Как же можно быть такой идиоткой? Хоть бы посмотрела сначала, что выбрасывает.

Я понял, что наконец реабилитирован.

Папа и мама еще с неделю занимались тем, что обходили окрестные дома, пытаясь вернуть хоть малую часть. Родители моих одноклассников вели себя по-разному. Некоторые безропотно выносили в коридор пачки, извинялись, сообщали, что и сами собирались вернуть, но как-то не было времени. Другие отдавали, но весело предлагали не стесняться, приносить еще, не забывая золотишко и прочие ценности, мол, все примем. Ну а большинство, отводя глаза, гавкали: «Знать ничего не знаем ни про какие ваши облигации, ни про что другое». И захлопывали дверь перед носом.

Вскоре большую комнату стали запирают. Дедушка врезал замок. Он был новый, блестящий, закрывался на два оборота и защелку.

Визит

Так, Леха, собирайся! – Андрюша Орликов, раскрасневшийся с мороза, жарко подышал на руки, пытаясь согреться. – Только для начала давай чайку выпьем и пойдем!

Сегодня, во вторник утром, Андрюшкина жена Таня родила в нашем роддоме девочку. Вот он и решил не орать под окнами, а, пользуясь случаем, проникнуть туда изнутри. Хотя он уже и не сотрудник нашей больницы, а клинический ординатор Кардиоцентра. Но кто про это знает?! Да я и сам здесь последнюю неделю, не считая сегодняшнего дежурства, еще только в четверг на сутки нужно выйти, и все! Прощай, нищая медбратская юность!

Я пойду в роддом как друг семьи, мы с Таней знакомы давно, почти столько же времени, что и с самим Андрюшкой. Я даже с ней пару раз танцевал, когда на дни рождения приходил, а она смеялась и говорила: «Вот не знала, что в вашей больнице такие медбратья!» Теперь знает. Хотя в глубине души мне казалось, что я тут лишний, нужно бы Андрюше одному сходить, но углубляться не стал.

Мы по-быстрому выпили в «харчевне» чаю, а перекурить решили по дороге. До роддома подвалом идти минут десять. Шли знакомой дорогой и весело болтали. Наступил вечер, подвал был пустой, звуки наших шагов разносились далеко. А в том месте, где находился переход в новый корпус, мы остановились и по очереди посвистели. Троекратное эхо было нам наградой.

– А вы к кому и откуда? – строго спросила нас роддомовская медсестра, когда мы подошли к посту. Там режим соблюдался всегда очень строго, ну это и правильно. Не проходной двор.

– Мы из реанимации, пришли к Орликовой! – бойко отрапортовали мы. – Сначала девочку посмотрим, а потом с мамой поговорим!

– Быстро вы как, вас сегодня и не ждали! – кивнула медсестра, открывая перед нами дверь бокса. – А мне наши сказали, что из реанимации только завтра придут.

Мы с Андреем посмотрели друг на друга и пожали плечами, непонятно почему это они нас завтра ждут и вообще чего нас ждать, если никто никого не предупреждал.

Но что-то вдруг неприятно зашевелилось внутри, какое-то ощущение смутной тревоги.

Мы подошли к маленькой кроватке, на которой лежал сверточек. Нагнулись, посмотрели на крохотное личико.

– И как тут дела? – весело спросил Андрюшка, вопрос был так, больше для порядка.

– Да ничего хорошего! – последовал ответ, и у меня все рухнуло куда-то вниз. – Вам же по телефону должны были рассказать, что здесь совсем все плохо! Уже и педиатр был, после того как судороги начались, гипоксия нарастает, а что, почему – пока непонятно! Маме пока еще не говорили, но, наверное, завтра к вам переведут!

Так вот почему сестра сказала, что нас не сегодня ждали. Она нас за детскую реанимацию приняла. При нашей больнице еще и детский корпус есть, там и реанимация своя, значит, их на завтра для консультации пригласили!

Мы прошли в палату, где лежала Таня. Дежурные слова поздравлений прилипали к нёбу.

– Андрюша, дорогой, поздравляю тебя! – потянувшись поцеловать мужа, произнесла она, и на глазах у нее заблестели слезы. – Нужно обязательно акушерке подарок сделать, роды были совсем непростые, ты не забудь поблагодарить!

Я стоял рядом, смотрел на бледного, растерянного Андрея и безуспешно пытался изобразить подобие улыбки.

Не надо было мне идти сюда, вот что! Я совсем не умею прикидываться. Хотя тут рано говорить, может, все обойдется. Да конечно обойдется, кто по первому дню выводы делает!

Обратный путь по подвалу мы проделали молча. Только уже около лифта я посмотрел ему в глаза.

– Андрюш, сам же понимаешь! – Я пытался выглядеть убедительным. – Может, там ничего страшного, перерастет!

Андрюша медленно кивнул. Его дочери оставалось жить недолго. Где-то совсем близко завывал Минотавр.

28 ноября 1986 года

Вот и завершилось мое последнее дежурство в реанимации. Я уже отчитался на утренней пятиминутке, сидел в одиночестве в сестринской комнате, тупо курил и ждал половины десятого.

Сутки были – врагу не пожелаешь. Прямо с самого утра все пошло наперекосяк. То, что вместо пяти сестер вышло четверо, – к этому давно все привыкли. Но после завтрака Люсе Сорокиной позвонили из дома и сообщили, что у нее заболел ребенок, и она быстренько собралась и убежала. Замены не предвиделось. Это была катастрофа. А в довершение всего только до обеда прикатило четыре «скорых» по эстакаде, да еще с такими больными, что даже мне на них смотреть было страшно. Я зашивался на прием с улицы, а в блоках работало по одной сестре, причем обе были Танями. Таня Власова и Таня Тимошкина. И дежурного врача тоже звали Татьяной. Просто какая-то бригада «Таня в кубе». Можно было поставить их кружком и загадать тройное желание.

В прошедшие сутки ответственным реаниматологом дежурила Татьяна Александровна Жуковская, и это многое объясняло. Она была отзывчивым, милым человеком, знала живопись и театр, а еще имела хоть и оригинальную, но отчетливую гражданскую позицию. Например, она заявляла:

– Всех молодых людей, прошедших Афганистан, любой вуз обязан принимать без экзаменов!

Когда я спросил про Физтех, Строгановское и ГИТИС, Татьяна Александровна почему-то обиделась и сказала:

– Слава богу, это не вам решать!

Вообще-то с ней приятно было поговорить о разных вещах. Но работать реаниматологом – это был не ее сюжет.

Мне кажется, из нее получился бы хороший врач санатория, отделения физиотерапии, диспансерного кабинета. То есть где нужна именно душевность, где не случается ничего экстренного, не надо производить сложных манипуляций, да и при назначении лечения установлен некий лимит.

Но в нашем отделении даже спокойные дежурства Татьяна Александровна умудрялась перевести в такую плоскость, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Да и листы назначений у нее всегда были как поэма Лермонтова «Мцыри». В том плане, что точно не меньше по размеру текста. Даже самая скрупулезная и честная сестра вряд ли могла выполнить половину из этих предписаний. И слава богу. Потому как теоретический объем лекарственных средств, который предполагался к введению за сутки, приближался к массе тела самого больного. Одной кокарбоксилазы Татьяна Александровна за неделю назначала столько, сколько вся Польская Народная Республика не производила и за полгода.

Сутки, отработанные под ее началом, выматывали неимоверно. И физически и морально. Но утешением, хотя и слабым, было то, что она всех сестер подчеркнуто звала на «вы» и в минуты передышки могла сама предложить чай. А утром говорила неизменное: «Спасибо за дежурство!»

Почему-то больных ей нравилось называть старорежимным словом «голубчик». Меня почему-то это со временем стало здорово раздражать. Одно дело, когда ты стоматолог и в кресле перед тобой пациент, которому ты собираешься с хрустом влезть в пульпу. Вот тогда ему можно сказать: «Потерпите, голубчик!» А когда принимаешь воющего скота, подстреленного милицией и прикованного наручниками к койке по той причине, что он час назад зарубил топором всю свою семью, затем соседей, попавшихся ему в коридоре коммуналки, и под занавес – сержанта, который прибыл по вызову, то какой же он «голубчик»?

Однажды, будучи молодым и зеленым, я дежурил по первому блоку. На пятой койке лежала женщина, перенесшая тяжелейший и длительный приступ бронхиальной астмы, называемый астматическим статусом. Дошло до того, что она несколько дней провела на аппаратном дыхании. И когда аппарат отсоединили и больная заговорила, выяснилось, что в ответ на продолжительный недостаток кислорода у нее развилась постгипоксическая энцефалопатия. Проще говоря, она стала дура душой.

За такими нужно следить в оба, пока они чего-нибудь не отчебучили. Больные в этом состоянии могут выпрыгнуть в окно, сбежать из отделения и голыми носиться по коридору, запустить тяжелым предметом в голову доктору и сотворить еще много чего занятного.

Наша пациентка всего-то достала из тумбочки зубную пасту и хорошенько натерла себе лицо, плечи и грудь.

– Зачем же вы это сделали! – с автоматическим легким укором начал я, отмывая ее пеленкой. – Придется вам руки привязать!

– Я прекрасно понимаю, что это не крем! – с явным высокомерием ответила та. – Но у меня зудит все тело! Если у вас есть что предложить мне более интересное, чем привязывать руки, не стесняйтесь!

– Вы считаете, – заканчивая водные процедуры, сказал я, – что от зубной пасты зудеть будет меньше? Вы как ребенок, честное слово!

– А у вас что, – с недоверием посмотрела она на меня, – может, и дети есть?

– Есть! – гордо сообщил я. – Сын, вчера ровно два месяца исполнилось! – Хотя, честно говоря, отцом я себя еще не ощущал.

– Ну а моему уже девятнадцать! – почему-то надменно произнесла она. – Вы думайте, когда сравниваете!

Вот в таком духе происходили все диалоги. Да я особо к ней и не цеплялся, других дел было полно.

Утром Татьяна Александровна заступила на дежурство и пришла в первый блок принимать смену у доктора Коротковой. И, подойдя к пятой койке, по своему обыкновению, не скрывая сострадания, спросила:

– Голубчик, миленький, как мы сегодня себя чувствуем, как у нас дела?

– Ужасно! – голосом Фаины Раневской произнесла та. – Ужасно у меня дела!

– Голубчик, что же случилось? – чуть не плача, воскликнула Татьяна Александровна и прижала кулачки к груди.

– Случилось то, – проинформировала больная, – что ваш медбрат Леша Паровозов – американский шпион!

Я, помню, сразу закатился, уж больно смешная производная от моей фамилии получилась. А та продолжала меня разоблачать:

– Его, видимо, давно завербовали, теперь он у них на крючке! Они только свистнут, так он сразу рад стараться, любой секрет продаст!

Она посмотрела на Татьяну Александровну, пытаясь понять, какой эффект произвели ее слова. И видимо, удовлетворившись, решила не останавливаться:

– А еще они надо мной издевались всю ночь! – И, победно оглядев присутствующих, пояснила: – Леша Паровозов и его мать, кувалда жирная!

И кивнула на мою напарницу Ленку Андронову, отчего та немедленно зарделась.

«Моей матери, жирной кувалде» Ленке только исполнилось восемнадцать, а называть ее жирной было явным перебором. Ленка находилась в той стадии аппетита и румяности, от которой все хирурги-кавказцы приходили в неизменный восторг.

– А самое главное, он постоянно пытался руки мне связать, чтобы вдоволь поглумиться! – снова наябедничала она, и Татьяна Александровна вздрогнула. – А перед тем, как издеватель-

ства свои начать, всегда для храбрости спирт из стеклянной баночки выпивал! И пьет-то он не как все, по-русски, а только после того как взболтает!

И рукой показала на шкаф, где у нас действительно стояла священная склянка. Татьяна Александровна с явным подозрением посмотрела на меня. Потом снова повернулась к больной.

– Голубчик, не волнуйтесь! – Она принялась ее утешать. – Все будет хорошо!

«Голубчик», поджав губы, снисходительно кивнула. «Ладно, если вы мне гарантируете, что будет хорошо, так и быть, еще полежу у вас!» – выражал весь ее облик.

– Да, вот еще что! – в заключение вспомнила она. – Он всю ночь какие-то телефонограммы отправлял, этот ваш Леша Паровозов! Хорошо бы выяснить, куда и зачем!

От греха подальше я поскорее удрал домой, от Татьяны Александровны и «голубчика». Но с тех пор «Леша Паровозов» приклеилось надолго.

А таких суток, как прошедшие, давно не случалось. Поступления с улицы, вызовы на этажи, поступления из операционных, кровотечения, остановки, реанимации успешные и нет – все это было и раньше, но чтобы вот так, без просвета и перерыва, да еще с Татьяной Александровной, да еще при неукомплектованной бригаде, когда на все шесть коек в блоке совмещаешь кровь для переливания и стучат шесть аппаратов...

Все носились как угорелые, а я похудел, наверное, кило на пять, не меньше.

К ночи, когда все только усилилось и больные уже лежали даже в коридоре, отменился ужин, перекуры, – вот тогда я впервые с какой-то злостью подумал: ну и правильно, что ухожу! Выдерживать такое за сущие копейки, да к тому же безо всякой признательности со стороны начальства – это уже не для меня.

В шесть утра остановился кардиохирургический больной. И когда мы с Татьяной Александровной бросились качать, дефибриллировать, я успел заметить, что на соседней койке роддомовская больная, отвязав руку, медленно вырывает изо рта интубационную трубку. А я даже не то что подбежать к ней – и заорать-то толком не мог, все равно позвать некого. Так и наблюдал между разрядами дефибриллятора и массажем сердца, как она выдернула трубку, затем зонд с капельницей, а потом и сама соскользнула с койки, оставшись на полу с одной привязанной рукой.

Мы все-таки завели больного, подняли и уложили на место и привязали женщину из роддома, не знаю как, но я успел всех умыть и перестелить и даже пол надраить.

И около восьми, пользуясь неожиданной паузой, поехал с одной из Танек в морг. Этой ночью у нас умерло двое.

Обычно я ездил туда один, но тут почувствовал, что сил уже нет, вот и взял себе подмогу.

В том месте, где основной подвал переходил в корпус патанатомии, есть отчетливый спуск и небольшой поворот. Спуск видят все, а поворот маленький, незаметный. Нужно уметь управлять койкой в этом месте. Таня таких тонкостей не знала, более того, она взяла и выпустила койку из рук. Это была моя вина, забыл ее предупредить, потому что шел с ватной головой, мало чего соображая, непонятно о чем думая, и проснулся лишь в тот момент, когда тяжеленная хромированная финская кровать, нагруженная двумя покойниками, на скорости отвесила мне хорошего пинка под зад. Не ожидая подобного, я со всего маху впечатался в стальную, с колесом-запором на случай ядерной войны, дверь.

Как же здорово я приложился, даже половина тела онемела! Вернее, та половина, по которой ударила кровать, и еще половина, которая врезалась в дверь. Другими словами, болели обе половины, то есть весь мой хрупкий организм.

И пока я сидел, скрючившись, тихонько завывая от боли, понял, что просто больница не хочет меня отпускать. Поэтому и последнее дежурство такое, и сейчас вот под занавес получил.

– Поехали скорее, Танька, – простонал я не то Власовой, не то Тимошкиной, – ты только койку придерживай. А то как бы мне под конец инвалидом не стать!!!

Хорошо, что этого не слышал суеверный Андрей Орликов. Он всегда вопил, чтобы я не болтал лишнего. «Неужели ты не понимаешь, Леха, что все слова, которые мы произносим, имеют большое значение?! Ничего не говори просто так!!!»

А вот Минотавр радостно захрюкал, притаившись где-то за углом.

Я сидел на кушетке, курил, вливал в себя уже третью кружку чая и ждал половины десятого, когда должна закончиться общая утренняя конференция. Мне нужно было получить подпись главного врача на бумажке о переводе в Клинику нервных болезней, и с этого момента я уже перестану числиться сотрудником Седьмой больницы. Оставалось около двадцати минут. И тут я впервые критически себя оглядел, насколько это было возможно, в наше маленькое зеркало у рукомойника.

Как же я забыл, что наша больничная администрация не терпит, когда к ним вваливаются в затрапезном виде, в жеванных халатах, в форме со следами крови. Еще бы, ведь работа в администрации почетна и ответственна. Тех, кто занят на этом посту, видимо, очень раздражает, когда им напоминают, что есть еще и другие занятия, помимо марания бумаги. Другими словами, наверняка тут, помимо этики, присутствовал и такой мотив: нечего нести на себе следы того, от чего эти люди в больших креслах давно отвыкли и снова привыкать не желают ни за какие коврижки.

Но если говорить начистоту, то и у посетителей, шатающихся по первому этажу, вид моего гардероба вряд ли бы вызвал прилив положительных эмоций.

Моя хирургическая форма и халат были заляпаны всем, что можно собрать за сутки в реанимации. Кровь, гной, йод, фурацилин, марганцовка, зеленка – всего и не перечислить. Я поэтому и домой не таскал свои шмотки, а всегда стирал на работе.

Так, нужно быстро пойти погладить халат, у меня в шкафчике висел запасной, чистый, но не отутюженный. А потом переоденусь в гражданку, халат накину сверху, как раз время подойдет в канцелярию идти. Хорошо бы еще галстук повязать, как Юрий Яковлевич в таких случаях, да больно много чести! Я схватил утюг в лаборатории и уже направился в сестринскую, но тут за моей спиной загрохотало.

По коридору плелась Маринка Ксенофонтова и толкала впереди себя аптечную каталку с двумя здоровенными пустыми стеклянными банками, в которых у нас держали дистиллированную воду.

Понятно, значит, собралась ехать в стерилизационное отделение, где в подвале стоял дистиллятор. Как, интересно, она собирается это делать? Банки были здоровые, не то на двадцать, не то на двадцать пять литров. Для того чтобы их наполнить, нужно было поставить на пол каждую под кран дистиллятора, а потом, уже полную, погрузить на каталку. Тут и обычной девушке одной не справиться, а Маринка была не то на шестом, не то на седьмом месяце.

Она поэтому и работает на так называемом «легком труде» в качестве дневной сестры, именно в их обязанности входит воду привозить. Хорош, ничего не скажешь, легкий труд! На беременных, как на обиженных, воду возят!

Но начальству, впрочем, как и остальным, было на это плевать. А мне почему-то стало любопытно. И когда Маринка проезжала со своей каталкой мимо меня, я спросил:

– Марин, а ты собираешься одна эти банки с пола поднимать?

– Поднимать?

Похоже, она с трудом улавливала суть вопроса. Маринка и в обычном состоянии была тугодумом, а в данный момент у нее мыслительный процесс едва теплился.

– Ну да, поднимать! – уже нетерпеливо сказал я. – Или ты кого в помощь берешь?

Маринка медленно обернулась, никого не увидела, немного подумала и ответила:

– Не, я никого не беру!

– Марин, давай рассуждать! – с улыбкой, как в школах с трудными детьми, начал я. – Ты же за водой собралась?

Ксенофонтова кивнула.

– В стерилизацию?

Она кивнула опять.

– Марин, если ты едешь в стерилизацию за водой, значит, ты будешь банки водой наполнять?

Еще кивок.

– Отлично, значит, когда ты их наполнишь и каждая станет весом килограмм под двадцать, для того чтобы их привезти обратно в отделение, тебе надо будет их с пола на каталку поднять. Так или нет?

Марина с минуту похлопала глазами и согласилась.

– Вот в этом и вопрос! – подытожил я, не скрывая радости, что все-таки вышел на финишную прямую. – Как ты их собираешься поднимать?

Марина надолго задумалась, потом посмотрела на каталку, на бутылки, на свой уже большой живот и наконец на меня.

– Не знаю...

Что и требовалось доказать. Я взглянул на часы, на свой потрясающей красоты *Orient*. Минут пятнадцать в запасе еще было.

– Значит, так, Ксенофонтова! – заявил я, всучив ей утюг. – Дуй в сестринскую, там на столе мой халат валяется! Не успеешь погладить, как я приеду!

Маринка кивнула.

И, уже подхватив каталку, заворачивая к лифту, я крикнул:

– Не успеешь оглянуться, одна нога здесь, другая там!

Вот и подвал наш. Сколько же по нему я километров намотал! И не сосчитать! А времени здесь провел – прям как герой рассказа Короленко «Дети подземелья». Неужели я в последний раз вот так, с каталочкой? И тут вдруг стало нестерпимо грустно, даже комок к горлу подступил. Я вспомнил, каким зеленым лопушком сюда пришел и какой восторг у меня вызывала моя работа, как гордился, что работаю не где-нибудь, а в реанимации...

Я вздохнул, вытащил сигарету, прикурил и толкнул вперед каталку, придерживая банки, чтобы те не стукались друг об друга.

Мое сентиментальное настроение, а вдобавок и усталость после такого сумасшедшего дежурства совсем меня расслабили.

Я не почувствовал, как стоящий сзади Минотавр неслышно отделился от стены и бесшумно пошел за мной. След в след.

Первая полная банка уже стояла на каталке, а вторая медленно, но верно наполнялась. Дистиллятор был старый, кран на нем не меняли сто лет. Поэтому вода текла или совсем тоненькой струйкой, или разбрызгивалась во все стороны, стоило сделать чуть посильнее. Но не в моем характере стоять и смотреть на струю толщиной со спичку. Чем тупо ждать два часа, лучше откручу кран на всю, пускай брызгает!

Ну вот и все, полна коробочка! Я завинтил крышку и поднял банку.

Она была тяжелая и мокрая и, когда мне уже почти удалось поставить ее на каталку, вдруг стала выскальзывать у меня из рук. Я с силой сжал стеклянные бока, отчего банка завизжала, как живая, немного притормозила, но все равно поползла вниз. Пытаясь задержать падение, я резко нагнулся и в последний момент успел подставить правую руку под дно, когда до пола оставалось несколько сантиметров.

Банка упруго спружинила на ладони, слегка накренилась и несильно коснулась свободным краем кафельной напольной плитки. И, как в замедленном кино, будто все происходило

во сне, стала раскалываться с довольно мелодичным звуком. А я, замороженный происходящим, вместо того чтобы отдернуть руку, застыл в своей неловкой позе.

И тогда самым большим и длинным осколком, который шел от горлышка до самого дна, эта банка с хрустом вонзилась мне в запястье под тяжестью всей еще не выплеснувшейся воды.

Она постояла, воткнувшись, соскользнула куда-то глубоко к локтю и только тогда, все так же медленно и торжественно, обломила и упала.

Никогда не представлял себе, что может быть такая боль. Потому что боль чувствуют, а тут просто что-то оранжевое взорвалось в голове и я моментально оглох. Как будто мозг мой разлетелся, как эта банка, на миллионы осколков. А потом я увидел кровь. Алая струя била плотным фонтаном из огромной квадратной дыры в запястье и смешивалась с лужей воды под дистиллятором, щедро поливая осколки стекла.

Вот черт, да как это меня угораздило!!! Мне же сейчас к главному врачу идти!

Задохнувшись от боли и ужаса, я прижал почти отрубленную правую кисть, которая болталась на каком-то клочке мяса, к животу, и тот моментально стал теплым и липким от крови.

Так, надо срочно искать жгут и того, кто помог бы его наложить. Но в стерилизации почему-то, кроме меня, никого не было, и, дабы не искушать судьбу, я, не тратя время на поиски, шатаясь, вывалился в коридор.

В правую половину тела как будто всадили лом, идти было невероятно трудно и скользко. Кровь заливалась уже в носки, а остановить кровотечение я не мог, как ни пытался. Попробовал запихнуть большой палец здоровой руки в рану, но мешал край осколка, который хрустел и резался. Попытался согнуть руку в локте, но стекло оказалось длинным, и я сразу почувствовал, как оно разрывает мясо. Пришлось охнуть и присесть.

Я находился в узком безлюдном коридорчике, который шел параллельно основному рукаву подвала. Нужно выбираться отсюда, да поскорее, пока весь не выкровил! Мне наконец удалось перехватить пальцами левой руки правое плечо и пережать артерию, во всяком случае, кровь перестала стрелять во все стороны частыми упругими фонтанами, а стала выливаться темным ленивым ручьем. Вот теперь и идти можно.

Но и в основном подвале никого не оказалось. Обычно в это время здесь настоящее бродуновское движение, люди снуют туда-сюда, переходят в другие корпуса, буфетчицы едут на пищеблок, сестры-хозяйки – за бельем, медсестры – в стерилизацию. Куда же они сейчас-то все исчезли? Мне позарез необходим хоть кто-нибудь, подошла бы медсестра с куском бинта в кармане или хлястиком халата, мужик с брючным ремнем или подтяжками, да на худой конец, любой, кто на помощь позовет!

А пальцы слабели, все вертелось перед глазами, язык был сухой, как щетка. Я по-прежнему ничего не слышал. Мокрые насквозь от крови штаны мешали идти. Вдобавок стало холодно, начался озноб. Чтобы не упасть, я брел, плечом касаясь стены. Меня разрывало от боли, периодически подкатывала тошнота, а рука болталась мертвая и чужая, и уже не было сил ее сжимать.

Я ковылял по подземному лабиринту и загибался от банального кровотечения. Надо мной были пятнадцать этажей огромной больницы. Где буквально на каждом – перевязочные, процедурные кабинеты, операционные. Жгуты, шприцы, капельницы. Врачи, медсестры.

Все-таки мне удалось добраться до буфетных лифтов. Обычно это расстояние я шутя преодолевал за минуту. Сейчас показалось, что прошло несколько часов. Было слышно, как наверху гремят каталками и ведрами буфетчицы. Значит, вернулся слух. Лифты стояли где-то наверху, я нажал плечом кнопку и присел. Подо мной сразу стала натекает лужа. «Ничего! – успокоил я себя. – Все, успел, сиди, дыши ровнее, через минуту будешь в родном отделении, там помогут!»

И хотя от боли и слабости я мало что соображал, но тут вдруг неожиданно ясно вспомнил, что буфетные лифты месяц назад отрегулировали так, что они не останавливаются в реанимации. Я же сам горячо одобрял эту меру, чтобы посторонние меньше шастали.

Нужно вставать и идти, хотя больше всего хотелось лечь и уснуть. Боль отступила, стало легче и даже теплее. Да и кровь перестала так хлестать. Может, уже ничего и не осталось. Стиснув зубы, я чуть приподнялся. Сразу все завертелось перед глазами, но я оттолкнулся от стены и, шаркая, осторожно, словно боясь расплескать последнее, буквально пополз к холлу грузовых лифтов. В подвале по-прежнему не было ни души.

Не дай бог грузовой лифт где-то наверху или, еще хуже, только уехал наверх, тогда все у меня этим подвалом и закончится. Сил, чтобы выбираться на первый этаж по лестнице, уже не было.

Я всегда точно определял, где находится грузовой лифт. У грузовых лифтов, которыми управляли у нас старички-лифтеры, в ответ на вызов в кабине раздавался звонок. Чем ближе был лифт, тем громче в шахте раздавался звук звонка.

Если сейчас звонка не будет слышно, то, значит...

Я облокотился на кнопку спиной. Зазвенело неожиданно совсем рядом. Ага, лифт стоит прямо надо мной, на первом этаже. Повезло мне. Точно, сегодня уж везет так везет!

Я стоял и из последних сил все звонил и звонил, вдавливая кнопку спиной, не переставая. Услышал, как надо мной закричал дед-лифтер, вставая со своего стула, как он, не торопясь, возмущенно ворча себе под нос, зашел в лифт. Его можно было понять. Лифтеры очень не любили таких настырных. Они всегда говорили нам: «Позвонил один раз, тихонько, и отпусти кнопку. Видишь, в кабине лампочка загорелась, это мне подсказка, на какой этаж ехать. А быстрее лифт оттого, что долго на кнопку жать, не поедет!» Но я чувствовал, что если перестану облокачиваться о стену, то упаду.

Дед медленно, без суеты, закрыл обе наружные металлические створки, так же не спеша задвинул внутреннюю дверь-гармошку.

Он, похоже, и кнопку нажимал, как в замедленной съемке, с большой долей ответственности, так обычно спичку подносят к единственной свечке на именинном пироге малыша.

Полоса моей крови, шириной в ладонь, матово блестела в тусклом свете неярких ламп. Кое-где размазанная следами, она петляла, сворачивая за угол, обозначая путь, по которому я шел.

Мне хватило сил вышагнуть из липкой кровавой лужи и приготовиться к тому, чтобы рухнуть в лифт. И в то мгновение, когда металлические двери распахнулись, сквозь скрежет я услышал торжествующий хохот.

Он догнал меня, мой Минотавр. Догнал и забодал.

Лучшее время

А знаешь, Лешечка, может, это и к лучшему, зато ты теперь опять наш. Кто его знает, как у тебя там с этим массажем сложилось бы! А сейчас полежишь, отдохнешь, на процедуры походишь! Дрыхнуть зато можешь сколько влезет! А если рука и не заработает, я бы на твоём месте не расстраивалась. Это бабе без руки плохо, особенно незамужней, баба и с двумя руками никому не нужна, а мужику – нормально, так, если хочешь знать, даже привлекательнее! Главное, что башка цела, аферюга! Ленка твоя если до сих пор тебя не бросила, то тут и подавно! Ей уж точно так спокойнее, а то тискаешь своими граблями кого ни попадя!

Я сидел в кабинете у Томки Царьковой, она, конечно, мастер утешать.

– Ты хоть бы показал жену свою, наверняка страшная как черт! Страшная и за такого, как ты, держаться будет! Красивая? Врешь небось! Вот когда она навещать тебя придет, хоть взгляну на нее, нарочно домой не пойду, дождусь! Чего ржешь? Пойдем лучше покурим, тебе же, как калеке, нужно теперь прикурить давать! Вот устроился, наглая рожа! Сейчас тебя все любить будут, жалеть, а ты пользуйся давай! А это время еще и вспоминать будешь как самое лучшее, поверь на слово!

Сегодня мне успели рассказать, что, пока шла операция, которая к тому времени тянулась больше шести часов, стемнело, Тамарка не выдержала и поднялась на тринадцатый этаж в операционную, хотя уже с час как могла быть дома.

Вернувшись, она, против своего обыкновения, не сказала ни слова, прошла к себе и там, уронив голову на стол, вдруг разрыдалась. Растерянные сотрудники, не решаясь пересечь границу кабинета, робко жались у дверей в нехорошем предчувствии. Плачущую Тамару никто до этого не видел.

Через минуту Царькова, оглядев их всех, промокнула глаза марлевой салфеткой и выдавила:

– Я зашла, а Лешка лежит на столе, весь такой маленький! А ручка такая тоненькая! Ему все его жилочки на дощечку положили и там сшивают! – И снова зарыдала.

Я, когда услышал об этом, был весьма польщен и немного озадачен. Может, она что-то знает, чего мне не сказали? Царькова никогда не отличалась сентиментальностью, ее слезы дорогого стоили и в то же время вызывали некоторое подозрение.

– Томка, говорят, ты в операционную поднималась? – издалека начал я. – И что ты там интересного увидела?

– Интересного? Ты же там в наркозе лежал, не соображал ни черта! – радостно объявила та. – Вот я пришла и руку тебе в штаны засунула! А там меньше, чем у моего Денисика! – И, уже довольная собой, засмеялась, еще бы, ее сыну Денисику было всего одиннадцать.

Это хорошо, Тамарка в своем репертуаре, значит, все в порядке, зря беспокоился.

Сегодня, в понедельник, мне, по идее, надо было приступить к работе на новом месте. Но я уже туда позвонил, объяснил, как мог, ситуацию и сказал, чтобы на меня не рассчитывали. Да и вообще сейчас никто, включая и меня, не знал, что же мне делать. Одно было понятно, что ждать предстоит долго в любом случае. Самое главное, что со мной еще никто не говорил, в выходные вокруг крутились только дежурные смены. Но все, что нужно, я услышал во время наркоза...

– ОН ПРОСЫПАЕТСЯ. ЕЩЕ ФЕНТАНИЛ!

Могучий голос произнес загадочную фразу, которая медленно, ярким павлиньим хвостом проплыла в голове и так же медленно стала таять. Кто-то просыпается, так бывает, сначала люди спят, потом просыпаются. Будить не нужно, когда будят, все то, что было приятно и дорого, может исчезнуть, как это часто бывает в уютных детских снах, которых я не видел

очень давно. Надо мной смыкается вода изумрудного оттенка. А может, я сплю и вижу такой густой зеленый сон? Ну а если это сон, то и не будите меня, просто оставьте здесь, где так хорошо и спокойно.

– ОСТАЛОСЬ СУХОЖИЛИЯ ПРОШИТЬ, ПРИГОТОВЬТЕ ГИПС!

Гипс – значит, кто-то сломал ногу. Или руку. Сейчас наложат гипс кому нужно, и все будет хорошо... Наверное, и мне заботливо глаза залили гипсом, да, вот поэтому я и не могу их открыть, не могу, не могу, не могу... Только голоса слышу, но вот и они уходят, уходят, уходят, уходят, уходят...

Нет, это я ухожу от них в глубину. А вода надо мной все темнее, темнее, темнее, темн...

...Очень знакомый запах, такой бывает только в одном месте. В операционной. Запах кварцевой лампы, йода, сулемы и еще чего-то неуловимого. Приглушенные марлевыми повязками негромкие голоса, деликатный звон инструментов. Идет операция. Это же меня оперируют! Точно, это ведь я, на столе. Лежу с закрытыми глазами. Понятно, я спал, а теперь проснулся. Никому не скажу, пусть это будет моей маленькой тайной. Так, нужно сосредоточиться и все вспомнить. Я сейчас лежу в операционной, глаза не открываются, как ни стараюсь, зато все слышу и понимаю.

Если оперируют меня, значит, что-то случилось. Со мной случилось. Что-то плохое.

Немного дергает руку, ага, я чувствую, как ее шьют. Вкол-выкол, вкол-выкол, протянули ниточку, узелок... И снова вкол-выкол, вкол-выкол, узелок. Кто-то грамотный и неторопливый кожу шьет, я даже с закрытыми глазами могу это оценить. Ножницы характерно чирикнули, значит, обрезали хвостики. Теперь помазали чем-то. Щекотно и приятно. Наверняка йодом. Точно, потому как запах ни с чем не спутаешь, и почти сразу защипало. Защипало, а подуть никто не догадывается. От такой мысли мне почему-то стало необычайно весело. Ну а что же все-таки со мной произошло? Нужно напрячься, подумать, хотя именно это как раз крайне трудно сделать.

И тут я различил какой-то посторонний звук, причем загадочным образом понял, что его источник находится очень далеко. Это открылись двери пассажирского лифта, и почти сразу стали различимы шаги. Кто-то невидимый шел по коридору. Шел долго, но, сам не знаю почему, я понял, что целью невидимки была именно эта операционная. Интересно, как я могу его шаги слышать, это же невозможно. Вот бы узнать, какой мне наркоз проводили, если так слух обострился? С подобным чутьем я смогу на границе сторожевым псом служить вместо легендарного Джульбарса. Буду работать в паре со знаменитым пограничником Карацупой и шпионов с ним ловить! Хотя нет, у пограничника Карацупы овчарку звали Индус. А тогда Джульбарс, он у кого был? Впрочем, это не так важно.

Я много раз читал, что опиаты обостряют чувства. Зрение, слух, обоняние. Слух и обоняние и правда обострились до предела, а вот глаза разлепить сил не хватает.

А шаги все ближе и ближе, вот открылась дверь в предбанник, там, где к стене привинчены рукомойники. И почти сразу раздался голос невидимки, оказавшийся голосом заведующего анестезиологией:

– Ну что тут у вас?

Владимир Сергеевич Милушкин. Когда-то он работал в реанимации. Из всех наших врачей он больше всех проводил времени в блоке. Не ржал в ординаторской, не гонял чай, а всегда крутил-вертел больных. Сам работал и от других требовал того же.

– Да вот уже заканчиваем! – произнес еще один знакомый голос. Ну конечно, это Василий Андреевич Дозоров, нейрохирург. – Сделал все по максимуму, травма паршивая, место топографически уж больно сложное!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.